Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск национальной гвардии
Российской Федерации»

На правах рукописи

Акбутаев Владимир Олегович

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Специальность 5.3.5 – Социальная психология, политическая и
экономическая психология (психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
Шамионов Раиль Мунирович,
доктор психологических наук,
профессор

Саратов 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА И ЕЕ КРИТЕРИЕВ 22
1.1. Понятие, концепции и виды идентичности 22
1.2. Становление идентичности личности в процессе социализации 68
1.3. Военная идентичность как предмет социально-психологического исследования 92
1.4. Ценности, установки, увлечения, потребности как факторы идентичности и социально-психологические факторы военной идентичности 122
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1 139
ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 142
2.1. Характеристика и методология исследования военной идентичности 142
2.2. Характеристика базы и выборки исследования 160
2.3. Диагностический инструментарий и статистические методы 165
2.4. Этапы и программа эмпирического исследования 177
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2 181
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ВОЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ 184
3.1. Структура идентичности курсантов на разных этапах военной социализации 184
3.2. Влияние провоенной активности в детстве и отрочестве на характеристики идентичности курсантов 215
3.3. Ценностные факторы военной идентичности курсантов 223
3.4. Удовлетворенность базовых потребностей как фактор военной идентичности 251
3.5. Рекомендации по социально-психологическому сопровождению становления военной идентичности 269
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3 276
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 280
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 284
ПРИЛОЖЕНИЯ 316

Введение

Военная социализация курсанта – это непрерывный процесс, который начинается задолго до момента его поступления в военный вуз и начала непосредственного включения в роль военного и продолжается в течение всей жизни. В процессе военной социализации происходит отождествление личности курсанта с военной средой и военным подразделением, погружение в военную культуру.

В современных условиях в процессе первичной социализации курсанта происходит стихийное усвоение норм, ценностей, ролевых предписаний военной среды, посредством включения личности в военную активность. Внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека, активная социализация современной молодежи в условиях виртуальной реальности (В. Ю. Хотинец [204]), постоянное взаимодействие с цифровой средой и искусственным интеллектом (Г. У. Солдатова и др. [15]) – все это становится факторами военно-игровой социализации курсанта, определяющими процесс преадаптации к роли военного. Происходит расширение и достраивание его личности (Е. В. Рягузова [165]) в процессе вовлечения в игровую виртуальную реальность, в условиях которой посредством высокотехнологичных электронных устройств формируются реальные перцептивные и моторные военно-специальные навыки управления беспилотной техникой, что оказывает влияние на становление военной идентичности уже на этапе первичной военной социализации курсанта.

Затем в процессе вторичной социализации в военном вузе происходит непосредственное погружение курсанта в военную среду и в военную активность, включение в совместную деятельность военного подразделения в качестве его полноценного члена, за счет чего укрепляется ранее сформированная военная идентичность и происходит идентификация с этим подразделением.

Таким образом, ключевым эффектом военной социализации курсанта является сформированная военная идентичность. При этом если военно-ролевая идентичность начинает формироваться еще в недрах первичной социализации, то идентичность с военным подразделением формируется через совместную деятельность с другими военнослужащими.

Военная идентичность обладает особенными, отличными от других видов идентичности, характеристиками, процесс становления которых в условиях военной социализации личности изучен недостаточно. Сегодня, в условиях проведения специальной военной операции, активной милитаризации общественного сознания в Российской Федерации и усиления общей социальной значимости военной профессии, наука нуждается в обновлении научного знания о становлении военной идентичности как одного из видов социальной идентичности личности, характеризующегося осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям.

Актуальность исследования обусловлена острой потребностью в подготовке курсанта как военного специалиста, готового и способного обеспечивать безопасность общества и государства, недостаточной изученностью социально-психологических механизмов и факторов становления личности курсанта в процессе военной социализации, необходимостью разработки новых психодиагностических инструментов в контексте оценки уровня сформированности и динамики военной идентичности. Рассмотрение данной проблемы в рамках социально-психологического подхода позволит подобрать оптимальные способы и формы повышения эффективности социализации курсантов в военной среде и достижения высоких показателей военной идентичности, с учетом имеющихся условий.

Степень разработанности проблемы. Изучение особенностей становления военной идентичности в процессе военной социализации

курсантов основано на исследованиях зарубежных и отечественных ученых последних десятилетий.

Особенности становления личности военнослужащих рассмотрены в трудах (Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришина [143], П. А. Кислякова [81], И. А. Федосеевой, Ю. М. Перевозкиной, М. М. Гупалова [199], Т. В. Мальцевой [112], С. В. Бобарова [27], П. А. Камбалиной [74], О. Б. Полушиной и И. В. Жилясова [151], С. И. Дьякова и С. Ю. Добряка [60], О. С. Михно [125]); особенности военной социализации курсантов в условиях военного вуза подробно рассмотрены в трудах (П. А. Кислякова, Н. А. Цветковой и Ю. Е. Суслова [80], А. В. Спирина, М. И. Федоришина и Ю. М. Перевозкиной [179], И. В. Белюшиной [22], П. Д. Никитенко [133], Р. М. Шамионова и Р. А. Терехина [212], М. В. Сысолятина [182], А. Н. Луняки [104], Д. А. Семенищенкова и Л. Д. Сыркина [171], Е. А. Соколовой, Е. С. Григорян и Р. М. Ахмедова [175]); характеристики военной идентичности изучались в работах (Н. С. Мекебаева, Ю. М. Перевозкиной и Е. В. Ветерок [119], M. Kleykamp, S. Montgomery, A. Pang, K. Schrader [236], C. Heward, T. Y. Chun, P. A. Waterworth [234], S. Sachdev, S. Dixit [239], Р. М. Шамионова и А. И. Сорокина [216], С. А. Ворожейкина [43], Л. А. Кузнецовой [95], М. В. Петровской и Н. В. Купрейчук [146]); эффекты влияния воинского коллектива на становление личности военнослужащего изучались в трудах (С. Б. Перевозкина, Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришина [142], Е. И. Панасенко и др. [101], Ю. Г. Быченко и А. Н. Болдырева [37]); ценностная детерминация идентичности военнослужащих подробно рассмотрена в работах (С. Б. Перевозкина и Ю. М. Перевозкиной [140], П. А. Кислякова, Я. В. Шимановской и Н. П. Константиновой [79], О. С. Михно и В. С. Катрецкого [126], Р. А. Терехина и О. Б. Полушиной [186], Е. А. Соколовой, Е. С. Григорян и Р. М. Ахмедова [175], И. В. Белюшиной [22], С. А. Ворожейкина [45], Т. С. Просветовой [152], Р. Р. Галиева [48], С. В. Бобарова [27], Д. Л. Анохиной и Т. Н. Соболевой

[13], Н. Я. Большуновой и А. Г. Чапоргина [32], А. А. Утюганова и Л. В. Фроловой [197]); роль влияния семьи на военную идентичность изучалась (М. О. Удальцовой и В. А. Добряковой [191], Е. А. Юмкиной, В. В. Волковым и Л. О. Борисенко [223]); соотношение военной направленности личности и потребностной сферы рассмотрено в работах (Н. С. Мекебаева, Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришина [120], С. Б. Перевозкина, Ю. М. Перевозкиной и В. И. Иванова [141], А. Р. Дашевского, Е. А. Шмелевой, и П. А. Кислякова [57], R. M. Ryan и E. L. Deci [238], А. К. Туртаева [189], И. В. Усачевой и И. А. Паршутина [193]). Анализ данных источников показывает недостаточную изученность особенностей становления характеристик военной идентичности курсантов (военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением) как результата включения в социальную группу, связанную с военной сферой, и осознания своей принадлежности к военной среде как ключевого эффекта военной социализации курсантов, на этапе, предшествующем моменту поступления в военный вуз, и непосредственно в процессе социализации в нем, в связи с чем определена необходимость поиска факторов военной идентичности и их соотношений.

В результате анализа исследований, посвященных феномену военной идентичности личности, был **выявлен ряд противоречий:**

1. Между общественным запросом на формирование военной идентичности курсантов военных вузов и недостаточной разработанностью теоретических вопросов становления военной идентичности, до поступления в военный вуз и в процессе социализации в нем;

2. Между необходимостью изучения становления военной идентичности на ряде этапов военной социализации курсантов в военном вузе и отсутствием научного знания о факторах этого становления;

3. Между востребованностью психологического сопровождения становления военной идентичности курсантов, соотнесенной с гражданской

и персональной идентичностью, и недостаточностью его разработки в психологической науке.

С целью разрешения этих противоречий сформулирована **проблема исследования**: какова специфика становления военной идентичности курсантов в процессе военной социализации личности, ее факторы и их соотношения.

Объект исследования – военная идентичность как социально-психологический феномен.

Предмет исследования – становление характеристик военной идентичности (военно-ролевой идентичности и приверженности к военному подразделению) на разных этапах социализации курсантов военного вуза.

Основной гипотезой исследования выступает предположение о том, что становление характеристик военной идентичности на разных этапах социализации курсантов происходит нелинейно, гетерохронно, под влиянием социально-психологических факторов: ценностей, установок, увлечений, базовых психологических потребностей.

Частные гипотезы:

1. Становление характеристик военной идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе происходит нелинейно, разнонаправленно и с наличием кризиса.

2. Приверженность курсантов к имитационным и неимитационным формам провоенной активности в детстве и отрочестве связана с характеристиками их идентичности.

3. Военная идентичность курсантов обусловлена ценностями социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]), среди которых ключевой является нацеленность на обеспечение безопасности государства и общества.

4. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности, в установлении связей и отношений, в автономии и в безопасности, обусловлена военной идентичностью.

Цель исследования – изучение особенностей становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов.

Реализация цели исследования исходит из его задач.

Теоретическая задача – на основе теоретического анализа разработать теоретическую модель характеристик военной идентичности курсантов и ее социально-психологических факторов, отражающих особенности военной социализации до поступления в военный вуз и в среде военного вуза.

Методические задачи:

1. Разработать программу эмпирического исследования становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов.

2. Разработать опросники для оценки характеристик военной идентичности личности, приверженности личности к провоенным формам активности в подростковом возрасте, удовлетворенности потребности личности в безопасности.

3. Разработать комплекс рекомендаций по социально-психологическому сопровождению становления военной идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе.

Эмпирические задачи:

1. Изучить структуру идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе, определить место военной идентичности в ней.

2. Выявить и описать взаимосвязи между приверженностью курсантов к провоенным формам активности до поступления в военный вуз и характеристиками их идентичности.

3. Изучить ценностную детерминацию военной идентичности в процессе социализации курсантов.

4. Определить роль характеристик военной идентичности курсантов в удовлетворенности базовых психологических потребностей в компетентности, в установлении связей и отношений, в автономии и в безопасности.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили:

- системный подход к изучению социально-психологических явлений (А. Г. Асмолов [14], L. V. Bertalanffy [229], А. А. Богданов [28], Б. Ф. Ломов [102], В. А. Ганзен [49], М. Месарович, Д. Мако и Т. Тахакара [121], К. К. Платонов [150], А. Л. Журавлев и А. В. Юревич [153]);

- субъектно-деятельностный подход к изучению психических явлений как результата субъектной деятельности личности (С. Л. Рубинштейн [163], А. В. Брушлинский [35], К. А. Абульханова [1]);

- социально-психологический подход к исследованию личности (Р. М. Шамионов [214], В. Ю. Хотинец [206], R. M. Ryan и E. L. Deci [238], и A. S. Waterman [243], В. В. Гриценко [56], Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая [21], Т. Д. Марцинковская и Д. А. Хорошилов [115]);

- комплексный подход к изучению социализации личности в социуме (Э. Эриксон [222], F. H. Giddings [233], Л. И. Божович [29], Г. М. Андреева [11], Р. М. Шамионов [213, 215], Б. Г. Ананьев [10]);

- авторский системно-диахронический подход Р. М. Шамионова [218] к изучению нелинейного характера становления идентичности в процессе социализации личности.

Теоретической основой исследования выступили работы в области социальной психологии личности (Р. М. Шамионов [214], В. В. Гриценко [56], Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая [21], Н. Л. Иванова [72], А. В. Карпов, В. Б. Никишина и Е. А. Петраш [76], В. В. Киселев [78], Е. В. Рягузова [167], Р. Б. Акжигитов и В. В. Константинов [9], Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина [176, 177], Т. Г. Стефаненко [180], А. Н. Татарко и Г. Я. Родионов [184]). Результаты данных исследований раскрывают специфику социально-психологического подхода к пониманию внутренней структуры личности и ее идентичности.

Методологической основой исследования стали научные изыскания Э. Эриксона [222], H. Tajfel [242], J. E. Marcia [237], A. S. Waterman [243],

M. D. Berzonsky [230], F. H. Giddings [233], Д. Тернера [187], В. Ю. Хотинец [203, 205, 207], Р. М. Шамионова [213, 217, 218], Ч. Х. Кули [96], В. А. Ядова [226], А. Н. Татарко и Г. Я. Родионова [184], М. В. Григорьевой, А. А. Шарова и А. И. Заграничного [55], Т. Парсонса [138], А. Бандуры [17], R. M. Ryan и E. L. Deci [238], А. Маслоу [116], Д. А. Леонтьева [100], Л. Б. Шнейдер [220], Р. Б. Кэттелла, Г. Ю. Айзенка и Г. Оллпорта [98], Л. И. Божович [29], Г. М. Андреевой [11], Б. Г. Ананьева [10]. Результаты работ данных авторов в области изучения социализации личности раскрывают особенности влияния различных внутренних и внешних факторов на становление идентичности.

Значимые для реализации цели и задач диссертационного исследования научные сведения отражены в работах по изучению: феномена множественности социальной идентичности, выявлению соотношений между разными видами идентичности в структуре личности, их зависимости от реализуемых индивидом социальных ролей (Т. Парсонс [138], А. Бандура [17], Р. М. Шамионов [218], Ч. Х. Кули [96], В. А. Ядов [226], А. Н. Татарко и Г. Я. Родионов [184], Р. М. Шамионов и Е. Е. Бочарова [217], М. В. Григорьева, А. А. Шаров и А. И. Заграничный [55], Е. П. Белинская [20]); особенностей социализации военнослужащих и развития отдельных видов их социальной идентичности в процессе этого (А. Р. Лурия [105], Д. Майерс [109], К. К. Платонов [150], С. Московичи [127], Э. Эриксон [222]).

Методы исследования.

Для реализации цели и задач исследования применялись опрос и анкетирование с использованием валидных методик. Последующий расчет качественных и количественных данных проводился с применением комплекса математическо-статистических методов, таких как: корреляционный двухсторонний анализ, разведочный факторный анализ, стандартизация переменных, иерархический кластерный анализ, сравнение средних значений с расчетом Т-критерия для независимых выборок,

множественный линейный регрессионный анализ, путевой и медиационно-модерационный анализ. Для изучения влияния субъективного опыта провоенной активности, реализуемой в детстве и отрочестве, на военную идентичность курсантов, применялся метод ретроспективного анализа. Использование представленных методов было реализовано с расчетом всех необходимых коэффициентов, отражающих объективную достоверность полученных данных.

Изучение особенностей становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза, в соответствии с выдвинутыми гипотезами, предусматривало применение целевого психодиагностического инструментария:

1. Авторская анкета для оценки социально-демографических и психологических характеристик личности (В. О. Акбутаев).

2. Авторский опросник по изучению приверженности личности к провоенным формам активности в детстве и отрочестве (В. О. Акбутаев, Приложение 7).

3. Авторский опросник для оценки характеристик военной идентичности личности, являющийся модификацией опросника по определению уровня военной идентичности А. И. Сорокина (В. О. Акбутаев [7], Приложение 4).

4. Шкала оценки гражданской идентичности (А. Н. Татарко [185]).

5. Шкала «Идентичность по вероисповеданию» опросника Д. Ван Кампа «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» (в адаптации В. А. Шороховой [221]).

6. Шкала идентификации «Отношения с окружающими» методики А. А. Урбановича «Личностная и социальная идентичность» [192].

7. Шкала «Личная идентичность» опросника «Аспекты идентичности» Дж. Чика (в адаптации А. Е. Войскунского, А. С. Евдокименко и Н. Ю. Федунина [41]).

8. Методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца (в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой [196]).

9. Методика оценки удовлетворенности базовых психологических потребностей в компетентности, в установлении связей и отношений и в автономии Э. Л. Деси и Р. М. Райана (в адаптации Е. Н. Осина, Д. Д. Сучкова, Т. О. Гордеевой, Т. Ю. Ивановой [190]).

10. Шкала «Удовлетворенность потребности личности в безопасности» авторской методики для оценки состояния удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности (В. О. Акбутаев [6], Приложение 10).

Основные этапы и организация диссертационного исследования.

В соответствие с обозначенными задачами, диссертационное исследование было организовано в три этапа.

Первый этап – теоретико-методологический, с 2022 по 2023 год. Изучались научные труды и публикации, результаты исследований в области становления военной идентичности и военной социализации личности. Выдвинуты гипотезы исследования, определены актуальность, цель, теоретические, методические и эмпирические задачи, выдвинуты гипотезы исследования. Сформирован научно-методологический аппарат изучения становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военных вузов. Для проверки гипотез исследования определены психодиагностические инструментарии и методы математическо-статистического анализа.

Второй этап – диагностико-аналитический, с 2023 по 2024 год. Организованы письменный опрос и анкетирование респондентов, проведены первичная обработка анкет, заполнение протокола исследования. Проведен математическо-статистический анализ результатов, проанализированы полученные данные.

Третий этап – обобщающе-интерпретационный, с 2024 по 2026 год. Организовано обобщение результатов и подготовка основных выводов

исследования. Ключевые результаты исследования рассмотрены в ходе научно-представительских мероприятий различного уровня, размещены в научных журналах, сборниках по результатам конференций и периодических научных изданиях. Проведено структурирование результатов диссертационного исследования, разработан комплекс рекомендаций по социально-психологическому сопровождению становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза. Оформлены материалы диссертации и автореферата.

Эмпирическая база исследования. Базой для реализации диагностико-аналитического этапа диссертационного исследования стал Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. В общую выборку исследования вошли 537 курсантов мужского пола. По результатам первичной обработки 37 анкет были исключены из дальнейших расчетов как не прошедшие проверку на достоверность ответов. Итоговая выборка составила 500 курсантов в возрасте от 17 до 26 лет (M=20,2 лет; Sd=1,7).

Надежность и достоверность результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, обеспечивается:

- применением валидного психодиагностического инструментария;
- репрезентативностью выборки;
- комплексным применением методов статистического анализа;
- проверкой полученных данных на соответствие верификационным коэффициентам;
- сопоставлением полученных результатов с ранее проведенными исследованиями по аналогичной тематике.

Научная новизна исследования заключается в получении новых комбинаций значимых социально-психологических характеристик и факторов военной идентичности курсантов (ценностей социального фокуса, по Ш. Шварцу [196], провоенной активности в детстве и отрочестве, базовых психологических потребностей), установлении характера связей в структуре

идентичности курсантов между ее отдельными показателями и определении места военной идентичности в структуре идентичности курсантов.

Уточнено понятие феномена военной идентичности как одного из видов социальной идентичности личности, характеризующегося осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде и ее традициям, приверженностью ее идеям, установкам и ценностям, и включающего военно-ролевую идентичность, которая отражает включенность личности в военную сферу, и идентичность с военным подразделением, которая отражает принадлежность к группе военнослужащих.

По результатам путевого анализа ***установлено***, что военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением являются результатом прямых и косвенных эффектов социальной, гражданской, религиозной и личностной идентичности курсантов, где наибольшим суммарным эффектом обладают социальная и гражданская идентичность.

Эмпирически ***выведено***, что типология идентичности курсантов включает два типа. Военный тип идентичности курсантов характеризуется высокими показателями военной, гражданской, социальной, личностной идентичности, умеренными показателями религиозной идентичности. Гражданский тип идентичности курсантов характеризуется высокими показателями гражданской идентичности, умеренными показателями военной, социальной, личностной идентичности, низкими показателями религиозной идентичности. Динамика соотношения курсантов с разной типологией идентичности в процессе социализации в военном вузе отличается. Для курсантов с военным типом идентичности характерна отрицательная динамика, для курсантов с гражданским типом идентичности характерна положительная динамика.

Установлено, что структура идентичности курсантов характеризуется гетерохронностью личностных и социальных компонентов. В процессе социализации курсантов в военном вузе их военно-ролевая идентичность снижается, идентичность с военным подразделением сначала возрастает,

затем снижается. На кризисном этапе социализации курсантов разнонаправленная динамика военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением образует кризис (противофазу показателей), после чего их показатели стабилизируются. Кризис идентичности сопровождается переживанием ценностного кризиса и снижением субъективного психологического благополучия курсантов.

Установлено, что приверженность к провоенной активности в детстве и отрочестве курсантов в имитационных формах (подражание роли военного в играх, участие в патриотических акциях) и неимитационных формах (просмотр военных телепередач, просмотр и обсуждение военных фильмов с одноклассниками, чтение военных книг, мечта о военной карьере), определяет вариации социальной, военной, гражданской, личностной и религиозной идентичности. Более выраженными предикторами военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением являются формы провоенной активности курсантов, представленные их участием в патриотических акциях, просмотром и обсуждением военных фильмов с одноклассниками, чтением книг с военным сюжетом. Менее выраженными предикторами являются имитационные формы цифровой игровой активности курсантов, представленные их участием в играх с военным сюжетом на смартфоне, в РПГ-играх на компьютере, в командных военно-ролевых играх.

По результатам путевого анализа ***установлено***, что приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве в имитационных и неимитационных формах (чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов и телепередач, исполнение роли руководителя в играх, мечта о военной службе) опосредует связь ценностей самоутверждения и сохранения, с характеристиками военной идентичности.

Доказано, что ценностные ориентации объясняют более трети вариаций военной идентичности. Более выраженными предикторами военной идентичности являются ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценности сохранения и самопреодоления), из которых наиболее значимой

является нацеленность на обеспечение безопасности других. В процессе социализации в военном вузе военная идентичность курсантов положительно обусловлена ценностями социального фокуса (ценностями сохранения и самопреодоления) и отрицательно обусловлена ценностями личностного фокуса (ценностями самоутверждения и открытости изменениям).

Установлено, что курсанты с разной типологией идентичности отличаются спецификой ценностей. У курсантов с военным типом идентичности сильнее выражены ценности сохранения, самопреодоления, и открытости изменениям, и слабее выражены ценности самоутверждения, чем у курсантов с гражданским типом идентичности.

Установлено, что на разных этапах социализации курсантов в военном вузе роль характеристик военной идентичности в удовлетворенности базовых психологических потребностей отличается. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности и связанности с другими объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением, потребности в автономии – большей выраженностью военно-ролевой идентичности, потребности в безопасности – большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в обновлении социально-психологического знания в области становления военной идентичности личности. Эффектом военной социализации курсантов являются сформированные характеристики военной идентичности. Их становление начинается задолго до непосредственного включения личности в военную среду и происходит посредством реализации провоенной активности в имитационных и неимитационных формах. Результаты исследования вносят вклад в развитие разделов социальной психологии: феномен множественности идентичности; становление и развитие социальной идентичности; характеристики идентичности личности;

изучение механизмов и этапов социализации личности; факторы социальной идентичности, влияние ценностей на ее становление; исследование социально-психологической проблематики военной психологии и влияние особенностей социальных ролей на отдельные характеристики социальной идентичности.

Практическая значимость исследования заключается в получении эмпирических данных о новых конфигурациях социально-психологических факторов, оказывающих значимое влияние на становление характеристик военной идентичности в процессе военной социализации курсантов. В процессе исследования авторские методики для оценки характеристик военной идентичности личности, приверженности личности к провоенным формам активности в подростковом возрасте, удовлетворенности потребности личности в безопасности, прошли апробацию и верификацию, что расширяет психодиагностический инструментарий для изучения военной социализации личности.

Эмпирические результаты диссертационного исследования были апробированы на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, внедрены в процесс военно-политической работы, социально-психологического сопровождения социализации курсантов в военном вузе, на учебных занятиях, в процессе социально-психологического сопровождения служебной деятельности военнослужащих Управления Федеральной службы войск национальной гвардии по Саратовской области, и в процессе научно-исследовательской деятельности на кафедре военной педагогики и психологии, в адъюнктуре военного института и на кафедре социальной психологии образования и развития факультета психолого-педагогического и специального образования Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Военная идентичность – это один из видов социальной идентичности личности, который характеризуется осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям. Военная идентичность личности является результатом прямых и косвенных эффектов социальной, гражданской, религиозной и личностной идентичности, и включает военно-ролевую идентичность, отражающую принадлежность личности к военной сфере, и идентичность с военным подразделением, отражающую принадлежность личности к группе военнослужащих.

В процессе социализации в военном вузе в структуре идентичности курсантов идентичность с военным подразделением, военно-ролевая, личностная и социальная идентичность изменяются нелинейно и гетерохронно. Наличие кризиса в процессе социализации курсантов в военном вузе представлено эффектом разнонаправленности характеристик военной идентичности (снижением военно-ролевой идентичности и одновременным ростом идентичности с военным подразделением).

2. Приверженность курсантов к провоенной активности в имитационных формах (исполнение роли руководителя в играх, мечта о военной карьере, участие в патриотических акциях) и неимитационных формах (просмотр военных телепередач, просмотр и обсуждение военных фильмов с одноклассниками, чтение военных книг) в детстве и отрочестве в большей степени определяет вариации идентичности с военным подразделением, военно-ролевой, гражданской, социальной идентичности и в меньшей степени определяет вариации личностной и религиозной идентичности.

3. Прямое направленное и косвенное влияние ценностей социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценностей сохранения) и личностного фокуса (ценностей самоутверждения) на военную идентичность курсантов опосредовано их приверженностью к провоенной активности в детстве и отрочестве, реализуемой через исполнение роли командира в играх, наличие

мечты о военной службе, чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов и телепередач. Военная идентичность курсантов обусловлена ценностями социального фокуса (ценностями самопреодоления и сохранения), ключевой из которых является готовность к обеспечению безопасности государства и общества.

4. Характеристики военной идентичности вносят разный вклад в удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности и связанности с другими объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением, потребности в автономии – большей выраженностью военно-ролевой идентичности, потребности в безопасности – большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

Апробация и внедрение результатов исследования в образовательную и научную деятельность.

Ключевые результаты исследования рассмотрены на заседаниях кафедры военной педагогики и психологии СВКИ войск национальной гвардии. Эмпирические данные исследования и основные выводы опубликованы в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рассмотрены на международных, всероссийских и межвузовских научно-представительских мероприятиях: Международная научная конференция, посвященная 118-летию доктора психологических наук, профессора Ивана Владимировича Страхова: «Страховские чтения – 2023: Педагогическая деятельность: психологические, психолого-педагогические и социально-психологические характеристики» (СГУ имени Н. Г. Чернышевского, 13–14 ноября 2023 г.); научно-методическая дискуссия по теме: «Условия защиты от негативного информационного психологического воздействия и профессиональной надежности курсантов военного института» (СВКИ войск национальной гвардии, 18 января 2024 г.);

круглый стол с профессорско-преподавательским составом кафедры военной педагогики и психологии, офицерами отдела по военно-политической работе и заместителями командиров батальонов курсантов по военно-политической работе, по теме: «Традиции и инновации в воспитании будущих офицеров ВНГ РФ» (СВКИ войск национальной гвардии, 5 сентября 2024 г.); всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Патриотизм: вчера, сегодня, завтра», посвященная 23 февраля – Дню защитника Отечества (СВКИ войск национальной гвардии, 20 февраля 2025 г.); Всероссийский научно-педагогический форум с международным участием по теме: «Патриотическое воспитание: проблемы, поиски, перспективы» (Филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, 27-28 февраля 2025 г.); межвузовская научно-практическая конференция по теме: «Становление Росгвардии как элемента правоохранительной системы государства (ко Дню Росгвардии)» (СВКИ войск национальной гвардии, 25 марта 2025 г.); XV Всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Организационная психология: люди и риски» (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 6–7 июня 2025 г.); I Международная научно-практическая конференция по теме: «Патриотизм как интегративный феномен: военно-социальные аспекты, образовательные стратегии и правовые основы» (СВКИ войск национальной гвардии, 18–19 сентября 2025 г.); Международная научная конференция, посвященная 120-летию доктора психологических наук, профессора Ивана Владимировича Страхова, по теме: «Страховские чтения – 2025: Социальная психология личности и группы» (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 17–18 октября 2025 г.); межкафедральная научно-методическая (практическая) конференция с профессорско-преподавательским составом кафедр и офицерами учебного отдела, по теме: «Актуальные проблемы совершенствования военно-профессиональной подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии» (СВКИ войск национальной гвардии, 20 января 2026 г.).

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности.

Область диссертационного исследования соответствует паспорту научной специальности 5.3.5 «Социальная психология, политическая и экономическая психология», отражает пункты: п. 11. Исследование психологических этапов, механизмов, видов и институтов социализации, формирования идентичности личности; п. 16. Персональная и социальная идентичность: структура, функции, динамика. Самодетерминация и самоактуализация личности. Факторы формирования и развития различных видов идентичности; п. 31. Социально-психологические вопросы военной психологии; п. 33. Психология воинских коллективов.

Структура и объем диссертационного исследования.

Диссертационное исследование организовано с целью достижения поставленной цели и реализации обозначенных задач, состоит из: введения, трех глав, выводов по ним, общего заключения, списка литературы и приложений. Объем диссертационного исследования составляет 333 страницы, оно ссылается на 243 источника литературы, из них 16 на иностранном языке. Текст содержит 6 рисунков, 15 таблиц, 13 приложений.

Глава 1. Теоретический анализ проблемы становления военной идентичности курсантов военных вузов и ее критериев

1.1. Понятие, концепции и виды идентичности

Происхождение понятия «идентичность» исторически связано с состоянием похожести объекта на что-либо или кого-либо. Из-за значительного расширения границ научного познания и формирования множества областей естественных и гуманитарных наук, понятие идентичности постепенно приобрело междисциплинарный статус. Его использование оправдано в тех случая, где у нескольких, разных по своей сути, объектов обнаруживаются схожие свойства, качества и характеристики, совокупность которых определяет то, насколько один объект идентичен другому по определенным признакам.

Однако расширение научного познания также стало причиной появления множества толкований понятия «идентичность», обусловленных целями каждого конкретного исследования. И, несмотря на закономерность данного процесса, становится непонятным, какая из множества концепций, объясняющих причины становления данного феномена, является первоисточником.

Объектом данного исследования является феномен идентичности в социально-психологической науке. На первый взгляд, складывается впечатление, что в определениях идентичности преобладает хаос даже в этой одной конкретной области, которая исторически хоть и является синтезом психологии и социологии, но, одновременно с этим, в современных условиях является самостоятельной областью научного познания, имеющей свой предмет и методы исследования.

Чтобы понять сущность феномена идентичности в социальной психологии, необходимо более подробно рассмотреть и проанализировать

историю становления концепций и подходов к ее изучению в гуманитарных областях в целом.

Даже поверхностный анализ показывает, что каждая концепция в той или иной мере раскрывает какую-то одну грань идентичности как категории. Одновременно с этим имеются самодостаточные концепции, объективно признанные классическими, которые, несмотря на более чем вековую историю, и по настоящий день не утратили своей актуальности. Очевидно, что такие концепции и для современных исследований сохраняют статус фундаментальных в социально-психологической науке, в связи с чем требуется их предметный анализ.

Обратимся к разъяснению содержания данного понятия. Идентичность связана с латинским словом *identitas,* дословно означающим такие качества, как одинаковость и тождественность. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [134] прилагательное «идентичный» означает тождественный, полностью совпадающий с чем-либо. В более современном Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова [31] представлено толкование, которое объясняет идентичность как чувство принадлежности к каким-либо социальным или другим группам, как результат отождествления себя с какой-либо группой других людей. Из данного определения видно, что идентичность непосредственно связана с процессом самопредставления личности во взаимодействиях с окружающими, результатом которого становится отождествление личности с ними.

Более подробное разъяснение идентичности предлагается в Словаре социолингвистических терминов В. А. Кожемякина и др. Идентичность – это «психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят» [173, с. 72]. Из данного определения становится очевидным социальный характер феномена

идентичности, а именно – ее становление происходит в процессе непосредственного взаимодействия личности с другими.

Однако наиболее развернутое разъяснение идентичности представлено в Большом психологическом словаре Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко. Так содержание понятия идентичности обращает нас к понятию «социальная идентичность». Она объясняется как «один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически менее значимыми, чем общие групповые свойства» [30, с. 472]. Несмотря на столь подробное разъяснение, необходимо сразу подчеркнуть ключевое различие между идентичностью и идентификацией. Идентификация – это процесс отождествления личности с социальной группой, а идентичность является его завершенным результатом, эффектом реализации данного процесса и представляется как определенное свойство личности. В данном источнике также отмечается, что становление понятия идентичности произошло благодаря трудам таких знаменитых зарубежных психологов и психотерапевтов как З. Фрейд и Э. Эриксон.

Анализ представленных интерпретаций идентичности в данных специализированных словарях демонстрирует значимость социального влияния общества на идентичности личности. Одновременно с этим установлено, что без значимого влияния общества формирование данной характеристики невозможно, личность нуждается в связях с окружающими, она существует в тесной взаимосвязи с обществом и неотделима от него в проявлении своего естества. В этом и заключается социальная обусловленность идентичности – обретая свою идентичность, личность приспосабливается к обществу и взаимодействию с его представителями. Данный феномен проявляется в субъективном ощущении принадлежности к групповым субъектам социальной реальности, следствием чего становится формирование у личности особых социально-психологических

характеристик, имеющих значение для данных групп – ценностей, норм, установок.

Истерическим началом исследований идентичности считают конец XIX века. Например, американским ученым У. Джеймсом идентичность рассматривалась как эффект самосознания личности и один из наиболее значимых элементов Я-концепции, психическая субстанция Души индивида. Однако, на наш взгляд, в представленной интерпретации понятие идентичности было раскрыто более с философской точки зрения, чем с психологической. Так, в одном из переводов труда У. Джеймса «Принципы психологии», о содержании идентичности говорится следующим образом: «<…> сознание личной тождественности можно трактовать либо как субъективный феномен, либо как объективное заявление, т. е. как чувство или как истину. Мы можем объяснять, как одна частичка мысли может прийти к суждению о том, что другие частички принадлежат тому же Эго, что и она <…>» [58, с. 33]. Это означает, что ощущение тождественности с каким-либо объектом в результате определенного психического процесса становится частью Я-концепции личности, представления личности о части себя как принадлежащей объекту. Одновременно с этим подчеркивается, что личная (сознательная) идентичность включает эффекты принадлежности личности к разным сферам бытия – личной, социальной, духовной и др. А одной из ключевых характеристик идентичности обозначается ее верифицируемость. Иными словами, чувственное переживание идентичности является для личности тем фактором, который достоверно (для самой личности) подтверждает и объясняет ее принадлежность к тождественному объекту.

Необходимо обратить внимание на вклад немецкого психолога и основателя «понимающей» психиатрии К. Ясперса, в изучение феномена идентичности с позиции принадлежности индивида к государству. Так, идентификация с государством и с конкретной исторической ситуацией обозначалась как один из наиболее значимых для становления личности

индивида и его существования процессов. Ее результат представлялся как особо значимый для обретения индивидуальности. Одновременно с этим, отсутствие идентификации с государством связывалось с социальным отчуждением личности, его восприятием окружающими как гостя: «ослабление человеческой индивидуальности может, правда, дойти до того, что индивид меняет свою принадлежность определенному государству или вообще теряет государственную принадлежность, живет где-либо как гость, которого терпят» [227, с. 344]. Из этого следует, что гражданская идентичность отражает принадлежность личности только к одному, определенному государству, снижение ее значимости связывалось с утерей важного элемента в обосновании внутреннего мира и целостности личности, и изменением эффекта ее восприятия окружающими. При этом инструментом личности, формирующем идентичность, представлялся разум, являющийся «безграничной волей к коммуникации» [там же, с. 507]. Это означает, что личность посредством разума может включаться во взаимодействие и коммуникацию с окружающими, чтобы в процессе этого формировать свою идентичность с ними. Эффективность реализации данного процесса обеспечивалась памятью личности, которая скрепляла разрозненное общее в осознание целого, т. е. сформированная идентичность обуславливает целостность и непрерывность личности.

Основоположником аналитической психологии швейцарским ученым К. Г. Юнгом [224] идентичность рассматривалась через архетипы личности. Вводится понятие персоны, соотносящееся с ролевыми взаимоотношениями и социальным статусом личности, ее главной характеристикой называется самость, которая может пребывать во множественном состоянии. Сущность самости обозначалась как состояние отождествления с множеством значимых общностей (семья, племя, государство). Самость по своей сути супраординатна, она представлена в сознании личности косвенно, через проекцию (образ) объекта, с которым личность себя отождествляет, и включает в себя сознательный и бессознательный компоненты. Это означает,

что идентичность личности включает в себя все многообразие образов соотнесения себя с объектами социальной реальности, в этом и проявляется феномен ее множественности. Самость же является регулирующим центром психики личности, вокруг которого формируются проекции ее социальных ролей, обуславливающих впоследствии процесс становления идентичности. Таким образом, идентичность служит «маской» личности, включающей весь спектр реализуемых ее социальных ролей, это ее индивидуальная система адаптации к взаимодействию с социальной реальностью.

Значимый вклад в изучение феномена идентичности внес основатель психоанализа австрийский психолог З. Фрейд. Новаторством его теории стала разработка проблем неосознаваемых идентификаций личности посредством подмены объекта отождествления, в целях психотерапевтического лечения. Благодаря обнаружению закономерностей между патологическими и нормальными психическими процессами, психоанализ обрел статус глубинной психологии как самостоятельной отрасли психологического знания. Представленная структура Я-концепции личности включала собственно-Я и Сверх-Я, где последняя инстанция выполняла функцию совести и самонаблюдения. Под идентификацией понимался процесс уподобления Я личности чужому Я, в результате которого собственно Я начинает вести себя как другое Я, подражая ему в определенных отношениях и внедряя чужое Я в свою часть. Результатом этого процесса, происходящего в группах людей, и становится развитие коллективной идентичности: «психологическая масса является объединением отдельных личностей, которые ввели в свое Сверх Я одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем Я» [202, с. 432]. Это означает, что становление идентичности есть результат внедрения образа значимого социального субъекта в Я-концепцию личности, в процессе взаимодействия с ним.

Изучение идентичности в рамках полноценной концепции было организовано американским психологом Э. Эриксоном, одним из учеников

З. Фрейда. Впервые упоминание данного феномена было представлено в его трудах о результатах исследования военного невроза – одного из массовых заболеваний военнослужащих, полученных в годы Второй мировой войны. Однако полноценное учение об идентичности было опубликовано несколькими годами позже. Предлагаемое определение идентичности было достаточно лаконичным по содержанию – это тождественность человека самому себе. Однако автором подчеркивалось, что личность – загадка для самой себя. Процесс познания себя продолжается в процессе непрерывной социализации личности, и постоянно обновляется благодаря усвоенному опыту. Таким образом, под идентичностью понимается «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменений «я» и ситуации» [222, с. 12]. Иными словами, идентичность личности отражает сформированность ее навыков для эффективного решения задач развития, на каждом из этапов социализации. Сформированная идентичность означает, что на определенном этапе развития личности задачи познания себя «прошлого» успешно реализованы.

Таким образом, по Э. Эриксону, идентичность является свойством взрослой (развитой) личности. Так же отмечалось, что данный процесс одновременно протекает сразу на нескольких уровнях психики индивида, что отражает феномен многоуровневости идентичности. Кроме того, установлено наличие кризиса идентичности на каждой из стадий возрастного развития, при этом для преодоления кризиса подросткового возраста «индивид развивает предпосылки своего психологического роста, умственного созревания и социальной ответственности для того, чтобы пережить «кризис идентичности» [222, с. 100].

Э. Эриксоном выделяются 8 стадий развития личности. В контексте нашего исследования необходимо обратить особое внимание на пятую стадию (в возрасте 11–20 лет), являющуюся важной для формирования

внутренней целостности и устойчивости структуры идентичности, и шестую стадию (в возрасте 21–25 лет), характеризующуюся переходом личности к решению задач взрослости, на основе идентичности, сформированной на предыдущих стадиях возрастного кризиса, поскольку именно на этих стадиях происходит наиболее активное становление различных видов идентичности личности. Одновременно с этим, Э. Эриксоном уточняется, что «слово «кризис» здесь употребляется в контексте представлений о развитии для того, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменения, критический период повышенной уязвимости и возросших потенций и, вследствие этого, онтогенетический источник возможного формирования хорошей или плохой приспособляемости» [222, с. 105]. Из этого следует, что возрастной период индивида в роли курсанта (от 17 до 26 лет) является особенно значимым с позиции становления личности, обретения «взрослой» идентичности и эффективного решения задач военной социализации. Именно в этом возрасте не только формируется «внутренняя» идентичность, но и закрепляется связь между представлением личности о себе и пониманием того, какой ее видит общество (представленное окружающими) и что от нее ожидается. Иными словами, в соответствии с концепцией Э. Эриксона, этап социализации курсантов в военном вузе совпадает с необходимостью разрешения задач обретения взрослости, что, тем самым, предполагает наличие кризиса идентичности на данном этапе становления личности.

Исследования Э. Эриксона было продолжено канадским психологом J. E. Marcia. Подчеркивается, что становление идентичности включает весь комплекс навыков, убеждений и социальных идентификаций, сформированных на основе обретенного опыта и объединенных в уникальное целое. Эта психическая структура развивает у индивида чувство преемственности с прошлым и формирует нацеленность на предстоящее. Вместе с тем, отмечается и ее отличие от других когнитивных структур личности: «<…> идентичность, как структура, относится к тому, как обрабатывается опыт, а также к тому, какой опыт считается важным»

(перевод автора, оригинал текста: «<…> identity, as a structure, refers to how experience is handled as well as to what experiences are considered important» [237, с. 3]). Это означает, что идентичность не только включает в себя то, каким образом происходит усвоение опыта личностью, но и обуславливает значимость конкретной ситуации из всего многообразия социальных взаимодействий, ставших для личности источником такого опыта. Идентичность отражает не только процедурный стиль обработки опыта, но и элементы его содержания. Также отмечается значимость исследований Э. Эриксона для последующего изучения феномена идентичности – благодаря его подходу, идентичность была рассмотрена в схеме непрерывного процесса становления личности. Он впервые представил изменчивость идентичности в процессе жизни индивида как характеристику личности, которую можно измерить эмпирическим путем и сравнить ее динамику на разных этапах возрастного развития. J. E. Marcia был представлен подход к изучению идентичности, основанный на статусах личности. В качестве критериев выступили эффекты наличия-отсутствия поиска жизненных выборов (обозначенного, как этап поиска идентичности), и наличия-отсутствия совершенных жизненных выборов (обозначенного, как этап принятия идентичности), что в своей сути и отражало сам процесс обработки социального опыта с последующим выборочным внедрением его отдельных элементов в структуру личности. Иными словами, ситуации, в которых оказывается личность, определяют становление ее идентичности.

Концепция статусной идентичности J. E. Marcia была дополнена американскими психологами M. D. Berzonsky [230] и A. S. Waterman [243]. Было установлено, что, в зависимости от ранее подтвержденных стилей идентичности, обнаруживается связь со способами жизненных выборов (стилем решения проблем и принятия решения для их преодоления, по M. D. Berzonsky [230]). Также было выявлено, что наиболее значимые изменения идентичности происходят в студенческие годы, что в концепции Э. Эриксона соответствовало возрасту от 21 года до 25 лет. Эти изменения

сопровождаются возникновением кризиса идентичности. Кроме того, на формирование идентичности в подростковом возрасте значимое влияние оказывают идентификации с родителями. Так, изменение статуса идентичности может являться адаптивной реакцией личности на требования социального окружения, в частности родителей (A. S. Waterman [243]). Иными словами, индивиду в процессе бытия свойственно конструировать модели окружающего социума, согласовывая их с личными возможностями по преодолению проблем во взаимодействиях с окружающими. В этом случае идентичность может определяться как способ адаптации к социуму и стремления личности к самоактуализации в его условиях. Наиболее значимые аспекты идентичности закладываются в подростковом и студенческом возрасте, что более подробно освещается в концепции идентичности Э. Эриксона.

Рассмотренные концепции З. Фрейда, Э. Эриксона, J. E. Marcia, M. D. Berzonsky и A. S. Waterman принято объединять в рамках психоаналитического подхода к изучению идентичности. Применение данного подхода позволило изучать данный феномен как в процессуальном (изучение особенностей процесса формирования и становления идентичности), так и в содержательном направлении (особенности и сущность ценностей, установок и убеждений личности как характеристик идентичности). В рамках психоаналитического подхода идентичность рассматривается как результат самоидентификации личности, эффект действия психологического механизма принятия характеристик чужой личности как своих (А. К. Мароян, М. Ю. Бурыкина [114]).

В рамках интеракционистского подхода феномен идентичности рассматривается с точки зрения символических аспектов социальных взаимодействий, позиции социального происхождения внутреннего Я личности. Среди ключевых представителей данного подхода необходимо выделить У. Джеймса (рассмотренного выше), Ч. Х. Кули и Д. Г. Мида.

Ч. Х. Кули принадлежит заслуга в популяризации понятия Я-концепции, выдвинутой ранее У. Джеймсом. Согласно предлагаемой интерпретации, наиболее значимое влияние на формирование Я-концепции оказывает взаимодействие личности с малым социумом, то есть теми социальными группами, которые наиболее близки к ней в социальном контексте. К таким группам автором относились семья, профессиональные сообщества, различные неформальные объединения, которые объединялись в первичную социальную группу. Ч. Х. Кули считал, что в процессе взаимодействия группы с личностью вырабатываются сущности, присущие только данному взаимодействию и отражающие его особенности, и идентичность в этом случае выступает как структурный элемент Я-концепции, ответственный за осознание личности своей групповой принадлежности и являющийся субъективным отражением личностью мнения окружающих о ней самой. Так, автором подчеркивалось, что социальное сознание личности не существует раздельно от ее самосознания: «<…> вряд ли мы можем мыслить себя иначе, нежели в соотнесении с какой-нибудь социальной группой, а группы – иначе, нежели в соотнесении с собой» [96, с. 136]. Это означает, что самосознание личности формируется, в том числе, через восприятия себя членом общества как социального целого, и в структуре идентичности личности актуализируется переменно личностный и социальный аспект, в зависимости от контекста ситуации.

Важный вклад в развитие интеракционисткого подхода к изучению идентичности внес представитель американской школы психологии Д. Г. Мид. Им представлена теория Я, ключевым аспектом которой стало обоснование процесса становления Я внутри социальной реальности. Индивидуальный разум (личность) не может существовать отдельно от социума и реализует себя только в процессе взаимодействия с другими разумами (личностями), в процессе чего и создается социальная реальность. Так, в исследованиях подчеркивается соотнесенность личности с другими, что описывается как «принятие ролей и установок других и в конечном счете

обобщенного (или генерализованного) другого» [124, с. 254-255]. Вместе с тем, также отмечается, что соотнесенность личности с другими не просто включает принятие ролей, а подразумевает формирование взаимодействий с объектами социальной реальности через принятие их ролей. Из этого следует, что идентичность включает усвоение личностью социальных ролей и статусов как ментальных образов социальной реальности, для реализации деятельности, в которой эти роли исполняются самой личностью. В процессе восприятия себя через ментальный образ другого участника социального взаимодействия инициируется особый внутренний диалог личности с собой, который и обозначается как идентичность.

Другой взгляд на бихевиористский подход к изучению феномена групповой (социальной) идентичности представлен в работах турецкого психолога M. Sherif, проведенных совместно с американским психологом C. W. Sherif. Их исследования строились на изучении влияния ситуации в развитии межгрупповых процессов. При этом идентичность определялась ими как результат процесса осознания и приятия личностью своей сопричастности к какой-либо группе, протекающего под влиянием социальных взаимодействий. Результаты проведенных исследований доказали, что индивид, длительно вовлеченный в какие-либо межгрупповые отношения с другими участниками, со временем осознанно принимает свое групповое членство, и впоследствии действует в соответствии с установленными группой социальными нормами. При этом следствием данного процесса является постепенная актуализация в поведении личности социальных факторов вместо личностных. В описании к одному из экспериментов отмечается, что реакции отдельных членов группы должны интерпретироваться с точки зрения обстановки в группе, в условиях которой они происходят: «с точки зрения этого предварительного исследования, это означает, что реакции отдельных членов должны быть поняты с точки зрения групповой обстановки, в которой они имеют место, в дополнение к их индивидуальному вкладу в эту групповую обстановку» (перевод автора,

оригинал текста: «in terms of this preliminary study, this means that the reactions of individual members must be understood in terms of the group setting in which they take place, in addition to their individual contributions to this group settings» [240, с. 288]). Это означает, что осознание членства в группе оказывает влияние на поведение индивида, реализуемое в совместной с группой деятельности. Групповая идентичность оказывает влияние на реакцию индивида в составе группы, участником которой он является. Таким образом, посредством экспериментов по изучению природы социального взаимодействия была установлена значимость групповых норм, принадлежности к группе (социального контекста) и социальной идентичности в структуре личности. В этом случае, поведение личности становится ориентированным на группу, участником которой она является, ее действия направлены на достижение результата, имеющего значимость для группы, а не для самой личности, в результате чего происходит укрепление групповой солидарности участников группы.

Несколько отошедшим в своих исследованиях от концепции классического бихевиоризма считают канадского психолога А. Бандуру. Его теория социального научения заключалась в особенностях процесса идентификации как важнейшей формы социального научения личности. Выделяется значимость когнитивных процессов в регуляции поведения личности на основе социальной имитации и социального подражания, делается акцент на внешней стороне идентификации. Так, индивид в процессе взаимодействия с окружающими участниками социальных отношений заимствует мысли, ценности и установки от другого индивида, выступающего в качестве модели. При этом в качестве условного критерия эффективности заимствования автором выделяется их практическая полезность для жизнедеятельности самого индивида и для достижения желаемых результатов. Кроме того, также обращалось внимание на освоение накопленного опыта в процессе становления личности: «научение через наблюдение влечет за собой появление так называемых подфункций,

которые развиваются по мере взросления и накопления опыта – то есть, другими словами, очевидна зависимость человека от всего его предшествующего опыта развития» [17, с. 49]. Иначе говоря, в процессе социального научения личность обретает персональную идентичность как завершенную форму и результат идентификации, ее содержательными характеристиками становятся «сымитированные» от окружающих ценности и убеждения, и социальный опыт, обретенный и освоенный личностью в процессе взросления и взаимодействия с обществом.

Когнитивно-ориентированный подход к изучению идентичности раскрывается английскими психологами Г. Тэшфелом и Д. Тернером. Идентичность обозначалась как осознание личностью эмоциональной и ценностной принадлежности к социальным группам, через структуру и сущность которых личность определяет себя. Ключевое значение придавалось отличительной характеристике, эффект которой и определял социальную принадлежность личности. Отмечалось, что «когда социальная идентичность становится отличительной чертой, индивидуальное самовосприятие деперсонифицируется <…>» (Д. Тернер [187, с. 218]). Иными словами, находясь непосредственно в социуме, индивид идентифицирует себя, используя групповые стереотипы (категории), в то время как его отличительные индивидуальные особенности не играют определяющего значения. Одновременно с этим установлено, что для личности принадлежность другого к своей группе имеет определяющее значения для выбора стратегии взаимодействия с ним, в то время как его индивидуальные особенности не имеют настолько значимого влияния (H. Tajfel [242]). Это означает, что сформированная социальная идентичность отражает отношение личности к социальной реальности, она определяет поведение личности в отношениях со «своими» как членами своей группы, и «чужими» как представителями других групп.

Разработанная на основе результатов совместных исследований Г. Тэшфела и Д. Тернера теория самокатегоризации объясняет сущность

процесса социального отождествления личности. Так, «отчетливая категоризация групп по критерию «свои-чужие» приводит к социальной стереотипизации «Я» (Д. Тернер [187, с. 221]). Это означает, что социальная идентичность является фактором, усиливающим самостереотипизацию. При этом в качестве точки отсчета используется мнение группы, что впоследствии и становится причиной группового поведения всех участников группы. Данный эффект обозначался как принцип метаконтраста, и стал одним из ключевых аспектов теории самокатегоризации Д. Тернера.

Из представленных публикаций видна широта географии зарубежных исследований тех или иных граней феномена идентичности. Одновременно с этим, заслуживают отдельного внимания труды отечественных ученых в данном направлении.

Так, советским психологом И. С. Коном [83] Я-идентичность обозначалась как самость – один из аспектов субъектности личности, наравне с Я-Эго и образом-Я. Я-идентичность определялась как сущность восприятия личностью самой себя. Я-Эго отражало самосознание личности и выступало в качестве регулятивного механизма идентичности, обусловленного наличием информации о себе и преемственностью психической деятельности. Утверждалось, что самосознание личности является генерализацией всех психических процессов, в ходе которых личность во взаимодействиях с другими познает себя с позиции субъектности своей психической деятельности. Совокупность представлений личности о себе и формирует целостность образа-Я. Иными словами, сформированная идентичность отражает эффективность социализации личности и выступает регулятором поведения личности в различных социальных взаимодействиях с участниками социальных групп.

С. Л. Рубинштейном принадлежность личности к другому субъекту обозначалась как ключевая особенность всех психических явлений. Отмечалось, что каждое психическое явление отражается в сознании индивида посредством переживания определенного отношения к нему, таким

образом «внутренняя его природа выявляется через его отношение к внешнему» [163, с. 10]. Определяющим фактором развития личности, ее сознания и самосознания, является их социальная обусловленность, а сформированная идентичность является фактором, отражающим осознанность бытия личности, субъективное переживание объективной реальности. Идентичность личности формируется во взаимодействии с обществом, так развивается ее субъектность. Индивид как личность реализует себя «<…> в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует и с которыми он через нее вступает в контакт» [там же, с. 436]. Это означает, что в отношениях с другими личность одновременно и познает, и проявляет себя, посредством становления идентичности – элемента самосознания личности, являющегося результатом осознания самостоятельного и целостного личностного Я, развивающегося в процессе взаимодействия с социумом.

Идентичность стала объектом научного интереса советско-белорусского психолога Л. С. Выготского, который изучал данный феномен сквозь призму отождествления личности. Утверждалось, что центральная проблема психологии заключается в ограниченности, избирательности непосредственного опыта личности, поскольку психика изолирует отдельные черты явлений, выборочно реагируя на те или иные раздражители, что предотвращает хаос восприятия. Следствием реакции психики на действие раздражителя становится рефлекс. Из всего многообразия раздражителей выделялась группа социальных раздражителей, исходящих от других (система рефлексов социального контакта), воспроизведение которых в определенный момент времени становилось возможным для личности, и, тем самым, иным образом определяло ее поведение, что и уподобляло личность, отождествляло ее с самой собой. Л. С. Выготским утверждалось, что механизмы самосознания личности и познания окружающих идентичны: «мы сознаем себя, потому что мы сознаем других, и тем же самым способом, каким мы сознаем других, <…> мы сами в отношении себя являемся тем же

самым, чем другие в отношении нас» [46, с. 52]. Это означает, что становление идентичности происходит через непосредственное взаимодействие с окружающими и познание их в процессе этого. Самосознание формируется в социальных взаимодействиях, а идентичность есть результат развития самосознания личности.

Российским психологом Л. Б. Шнейдер идентичность определялась как тождество между объектом мыслительной деятельности индивида (тем, что имеется в сознании в конкретный момент времени), и его реализацией во внешнем поведении индивида. Утверждалось, что данный процесс отражает тождественность сущности с тем, как выглядит личность для окружающих, при этом внутренние процессы, происходящие в сознании личности, обладают большей значимостью, нежели внешние (социальные). Автором акцентировалось внимание на динамичности и неравномерности становления идентичности, уточнялось, что «<…> она развивается и переструктурируется на протяжении всего жизненного пути человека <…>» [220, с. 75]. Это означает, что становление идентичности происходит непрерывно в процессе всей социализации личности, ее фундаментом служит восприятие уникальности своего бытия, неповторимости личностных свойств и осознание персональной принадлежности к социальной реальности.

Исследования в данном направлении проводил специалист в области социальной психологии, «пионер» советской социологии В. А. Ядов. Отмечается фундаментальность проблемы социальной идентификации личности, заключающаяся в том, что социальное естество личности одновременно побуждает ее включаться в общество как полноправного участника, и способствует выделению личности из него как индивидуальности. Согласно определению автора, «социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям» [226, с. 159]. Данное социально-психологическое образование не только способствует подчинению личности той группе, к которой она переживает чувство

принадлежности, но и обеспечивает групповую защиту личности, выступает в качестве основания самооценки и оценки окружающих. Также затрагивается проблема восприятия окружающих как «своих», с которыми личность себя идентифицирует, и «не своих», взаимодействие с которыми может порождать противоречия, вплоть до возникновения чувства агрессии. Иными словами, раскрывается одна из ключевых социально-психологических задач идентичности – предопределенность поведения личности в социуме, его социальная обусловленность. Личность зависима от общества, и в то же время нуждается в нем для самовосприятия и самоопределения.

Значительный вклад в изучение феномена идентичности сделан отечественным социальным психологом Т. Г. Стефаненко. На каждом этапе социализации личности сохраняется потребность в ощущении себя частью какой-либо группы, что подчеркивает социальную природу личности. На примере этноса автором раскрывается сущность этнической идентичности с позиции социально-психологического подхода, обращается внимание на функции этноса как социально-психологической группы, в отношении личности: «1) ориентировать в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; 2) задавать общие жизненные ценности; 3) защищать, отвечая не только за социальное, но и за физическое самочувствие» [180, с. 4]. Аскриптивные (предписываемые обществом) качества личности выступают в роли оснований для достижения идентичности, и, одновременно с этим, не составляют ее суть. Ядром процесса социализации личности выступает сознательное освоение аскриптивных характеристик (ценностей, традиций, установок), что и проявляется в достижении идентичности с группой. Кроме того, автором придавалась особая значимость эмоциональным и ценностным характеристикам принадлежности личности к группе. Из этого следует, что идентичность жизненно необходима для развития личности, осознания

своего места в социальной реальности и формирования эмоционально-оценочной сферы личности.

Другой подход к изучению этнической идентичности, через призму этнического самосознания личности, представлен в исследованиях одного из выдающихся ученых современной этнопсихологии, В. Ю. Хотинец. Как отмечается автором, «этническое самосознание есть целокупная идеальная представленность в сознании человека компонентов этнической реальности. В итоге формирования данной системы человек осознает себя в качестве представителя конкретной этнической общности» [203, с. 144]. Становление данного социально-психологического феномена происходит на двух взаимосвязанных последовательных уровнях: формирование представления об этнической реальности и этнокультурных особенностях своего народа (типологический уровень), и развитие этнической самоидентификации (идентификационный уровень) (В. Ю. Хотинец и А. И. Троянская [208]). Иными словами, представления личности о своей этнической группе выступают фактором этнического самосознания, поскольку их сформированность предопределяет его становление. Так, без восприятия знаний об истории, традициях, нормах и особенностях культуры той или иной этнической общности развитие идентификаций с данной общностью становится невозможным.

Феномен преобразования идентичности рассматривается Н. Л. Ивановой и Т. В. Румянцевой, подчеркивается проблема определения значимости сформированной идентичности для всей структуры личности, ее влияния на поведение и процесс взаимодействия личности с окружающими. Авторы рассматривают идентичность как «как динамическую индивидуально-личностную характеристику, включающую в себя осознание своей принадлежности к отдельным социальным общностям, переживание постоянства своего Я и тождественности самому себе, которые конструируются прижизненно в ходе взаимодействия и социального сравнения» [72, с. 16]. Подчеркивается ее целостность как, в первую очередь,

социально-психологического образования, стабильность структуры которого чувствительно реагирует на изменения той социальной среды, в условиях которой происходит социализация личности. Это означает, что те или иные изменения в социуме оказывают значимое влияние на определенные характеристики (показатели) идентичности, их выраженность в структуре идентичности как сложной многоуровневой системы. Результатом такой реакции психики личности на динамику социальной ситуации становится трансформация идентичности, представленная ее внутренними преобразованиями. Иными словами, изменения в обществе отражаются (прямо или косвенно) на системе социальных идентификаций личности, и, тем самым, неизбежно оказывают влияние на внутреннюю структуру личности.

Проблема презентации идентичности рассматривается Г. М. Андреевой. Установлено, что представление идентичности в процессе взаимодействия личности с другими обусловлено социальной направленностью данного взаимодействия. Оценка идентичности, презентованной участникам социальных контактов, сравнивается с самоидентичностью личности, результат данного сравнения в последующем запускает механизм определения поведения личности непосредственно в процессе взаимодействия с ними. Иными словами, раскрывается социальность данного явления. Личность более глубоко познает социальную реальность только через взаимодействие с ней, в том числе – посредством презентации своей идентичности другим, «повествования» о себе. А социальная среда в этом случае рассматривается как источник одновременно и динамических тенденций, и постоянства идентичности – «общество представляет собой значимую ценность как для изменений, так и для стабильности идентичности» [11, с. 9]. Для разрешения противоречий между развитием социальной ситуации и необходимостью в самопрезентации личности другим, автором предлагается концепция нарративной идентичности, ключевыми характеристиками которой являются

стабильность/изменчивость идентичности и соотнесенность идентичности и ответственности личности. Иными словами, соблюдение личностью предписанных обществом правил презентации другим своей идентичности обеспечивает жизнеспособность социальной «сети взаимных идентичностей» (по Г. М. Андреевой [11]), и устойчивость социального контекста в целом.

Таким образом, исходя из анализа представленных определений данного феномена, можно сделать вывод, что идентичность личности формируется социально, непосредственно во взаимодействиях с социальной реальностью. Вступая в контакты с другими в процессе социализации, личность обретает понимание себя, формирует персональную картину мира и своего места в нем. Направленность социальных контактов личности опосредует выраженность тех или иных показателей идентичности. Это означает, что структура идентичности личности находится в прямой (и косвенной) зависимости от факторов той социальной среды, в условиях которой происходит социализация личности; от особенностей социальных ролей, которые она реализует в обществе; и, наконец, от способа демонстрации своей идентичности окружающим участникам взаимодействий.

Совокупность данных факторов и их эффектов освещает разные грани такого сложного социально-психологического феномена как идентичность личности. Вместе с тем, становится возможным выделить ключевые аспекты во взглядах на изучаемую проблематику – сформированная идентичность личности есть результат идентификационных процессов, возникающих в процессе социального взаимодействия с другими. Ресурсом для ее становления выступают эффекты восприятия личностью социальной реальности и воспроизведения целого комплекса ценностных, эмоциональных и поведенческих реакции в процессе субъективной жизнедеятельности личности.

Значимость социального окружения личности более подробно раскрывается в теории мотивации А. Маслоу. Так, обращается внимание на

особую значимость удовлетворения потребности в принадлежности (социальной) для становления личности, важность доброжелательных и устойчивых взаимоотношений с ближайшим окружением, что отражает «<…> наши животные стремления сбиться в стаю, держаться вместе, объединиться, быть частью группы» [116, с. 66]. Это означает, что стремление к объединению с другими является фундаментальной, эволюционной потребностью, неудовлетворенность которой сопровождается переживанием чувства одиночества и социального отчуждения, что отражается и на становлении идентичности личности. Одновременно с этим, удовлетворение высших потребностей в принадлежности, уважении, самоактуализации не только дает ощущение счастья и безмятежности, но и является более предпочтительным для общества, с точки зрения наступления желательных и одобряемых гражданских и социальных последствий. Так, если низшие потребности направлены на саму личность и являются по своей сути эгоистичными, то высшие потребности направлены на окружающих, в процессе их удовлетворения личность склонна проявлять свои положительные гражданские качества (преданность группе, патриотизм и др.). Иными словами, изменения в стремлении личности к удовлетворению потребностей от низших к высшим, отражают и смену вектора нацеленности личности на поиск идентичности. Личность стремится найти себя в окружающих, развить в себе то, чем она действительно является, «человека в полном смысле слова», т. е. отличающегося от ряда ему подобных и являющегося самим собой» [там же, с. 106]. Иными словами, становление идентичности невозможно без стремления личности к ее обретению, в том числе, во взаимодействиях с окружающими, поскольку именно направленность на поведение на других раскрывает возможность личности переживать ощущение счастья и полноценности бытия. Сформированная идентичность отражает внутреннюю согласованность в структуре личности, между стремлением к укреплению индивидуальности и ее одновременным ограничением в социуме.

Таким образом, в стремлении к выстраиванию границ личностности во взаимодействиях с другими, личность опирается на мнение окружающих как критерия обусловленности данного процесса. Это означает, что так социальное одобрение становится определяющим в построении идентичности личности. Она, тем самым, осознанно (а иногда – и неосознанно) стремится быть идентичной значимым окружающим, перенимает ценности, установки, поведение, что и проявляется в сформированности идентичности.

На примере теории мотивации А. Маслоу видно, что последовательное движение к компенсации потребностей от низших к высшим не всегда оправданно, и зачастую имеет место быть их одновременная актуализация. При этом удовлетворение высших потребностей не только обеспечивает личность бóльшим счастьем, но и оказывает прямое (положительное) влияние на ее развитие. Это означает, что после удовлетворения базовых физиологических потребностей следующей принципиальной задачей становления личности является организация социального взаимодействия. Личность не только стремится определить свою принадлежность к определенной группе относительно окружающих, но и выразить эту принадлежность другим различными способами.

Например, стоит обратить внимание на возросшее количество исследований о влиянии феномена моды на становление идентичности в современных условиях. По результатам одних исследований подтверждено, что одежда, соответствующая моде, дает возможность «создавать образ самих себя, <…> управлять восприятием нас другими людьми и создавать социальную идентичность» (А. О. Ефимкина [64, с. 110]). Из этого следует, что одежда используется личностью в качестве «зеркала» своей идентичности для окружающих, или, по Г. М. Андреевой [11], как инструмент «повествования» информации о себе другим.

Это означает, что одежда может рассматриваться как портрет самости, и транслировать другим аффективно-оценочный эффект, оказывая влияние,

таким образом, на самооценку и самоуважение. С этой точки зрения особое значение приобретает информационное поле, в котором происходит самооценка и восприятие представленного облика через значимость одежды. Адекватность такого восприятия определяется социокультурными правилами понимания выбора одежды в зависимости от пола, возраста и роли человека, передающего информацию о себе.

Одновременно с этим, мода может выступать в негативном качестве и оказывать разрушительное воздействие на идентичность личности, подрывая ее ценностную и культурную основу. Так, К. Д. Заниной [67] обращается внимание на опасность неосознанного заимствования образцов иностранной моды для развития идентичности молодежи. Подчеркивается связанность процессов осмысленного следования модным тенденциям, соответствующим национальным особенностям, и развития системы ценностей социально-ориентированной личности. Иными словами, механизмы моды являются значимыми для развития национально-культурных характеристик идентичности, что реализуется через социальный контекст.

Кроме того, из представленной литературы следует, что объектом принадлежности личности может выступать не только другая личность, но и социальная группа, особенности которой определяют показатель соответствующей характеристики идентичности, или вида идентичности. Как уже отмечалось выше, субъективное восприятие социальной реальности формируется в процессе социализации личности, ее взаимодействия с окружающими. Это означает, что на становление данного феномена оказывают влияние две разные группы факторов – те, которые значимы с точки зрения социума, и те, которые значимы с точки зрения самой личности. Данный факт дает основания для разделения идентичности индивида и идентичности группы.

Идентичность индивида базируется на восприятии взаимосвязанных внутренних психических процессов. Для того, чтобы более полно раскрыть сущность данного феномена, следует привести в пример интерпретацию

понятия «взаимосвязь» в психологической науке, предложенную В. В. Киселевым: «это некая зависимость двух явлений друг от друга, которая проявляется в большинстве случаев с высокой долей вероятности» [78, с. 193]. Из предложенного определения видна не просто взаимосвязь, но и взаимозависимость многих психических идентификационных процессов, протекающих во внутреннем мире личности и обусловленных ее отождествлениями с различными социальным объектами.

Таким образом, переживая тождество самому себе и непрерывность своего бытия, индивид одновременно с этим осознает, что другие участники признают его тождество и непрерывность. Э. Эриксоном утверждается, что идентичность не просто относится к факту существования индивида, она определяет качество его бытия. Так, в интерпретации Э. Эриксона эго-идентичность есть «осознание того, что синтезирование «эго» обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении» [222, с. 59]. Первопричиной значимости психосоциального тождества обозначается социогенетическая эволюция человека, что также подчеркивает важность социального контекста в социализации личности. На примере становления личности ребенка в семье, автором приводится пример воспитания в группе (семье) как процесса формирования индивидуальной идентичности ребенка, в то время как передача способов организации опыта, характерных для группы, является отражением сущности социальной идентичности. Иначе говоря, если индивидуальная идентичность отражает субъективное восприятие непрерывности личности в пространстве-времени, то групповая идентичность отражает ее персональный способ освоения социального опыта, сформированный на основе постигаемых от ближайшего окружения моделей. Как подчеркивается А. А. Кондрашовым и Р. Б. Акжигитовым, «быть неизменным независимо от времени и ситуации – это и есть ощущать идентичность» [87, с. 35]. Данный факт раскрывает

важность потребности индивида в психосоциальном тождестве, ее дефицитарный характер для процесса становления личности и усвоения опыта.

Представленные Э. Эриксоном элементы идентичности являются подтверждением феномена множественности идентичности, что впервые и было отмечено в его трудах. Опираясь на подтвержденный факт многоуровневости структуры идентичности, Э. Эриксон выделял такие элементы как: индивидуальная идентичность (осознание личностью своей уникальности в сравнении с другими), групповая идентичность (ощущение единства с окружающими и включенность в социальные группы) и психосоциальная идентичность (восприятие личностью значимости своего бытия для социума в целом). Подчеркивалось, что их наличие формирует устойчивость всей структуры идентичности личности.

В исследованиях Д. Г. Мида выделяются личностный и социальный аспекты идентичности личности, которые взаимосвязаны друг с другом и взаимозависимы друг от друга. Так, связи личности с другими, формируемые в процессе взаимодействий с ними, обеспечивают устойчивость идентичности и обуславливают развитие в ее структуре Мы-идентичности на основе Я-идентичности. Данный эффект обозначается автором как механизм приспособления личности к социальной реальности в процессе взаимодействия с ней. Это означает, что социальная идентичность формируется непосредственно в процессе отношений с другими, что интерпретируется автором как «эта устойчивость и эта идентичность реализуются в деятельности и через деятельность» [124, с. 255].

В теории самокатегоризации Д. Тернера идентичность разделяется на личную и социальную. Данная теория подчеркивает значимость социальной идентичности личности и ее изменений, в зависимости от содержания социального контекста, а также выделяет связь между социальной и личной идентичностью – «теория самокатегоризации основана на том, что социальная идентичность распространяется и на личное «Я», что социальные

нормы определяют и формируют активность личного «Я», и наоборот» [187, с. 216]. Автором отмечается, что теория самокатегоризации также является и теорией группового поведения, поскольку объясняет сущность группового поведения как поведение индивидов, которые действую на основе общей (а не личной) идентичности. Личность категоризирует себя на основе своих отличий от других, а группы индивидов – на основе общих групповых признаков, отличающих их от неучастников группы.

Схожая позиция прослеживается в исследованиях H. Tajfel. Социальное поведение объясняется как длительное обучение личности в процессе социализации, основанное на операциях личности с символами и характеризующееся способностью изменять поведение в зависимости от условий и содержания социальной ситуации. Обнаруживается взаимосвязь между понятиями «групповости» как позиции большинства группы, и «справедливости» как позиции самой личности. Отмечается, что в реальных взаимодействиях позиция личности менее значима, чем позиция большинства (как социальная норма), что влечет за собой изменение в социальном поведении личности: «эта норма определяет поведение – как это делают другие социальные нормы – когда индивид оказывается в ситуации, к которой, по его мнению, применима норма» (перевод автора, оригинал текста: «this norm determines behavior – as other social norms do – when an individual finds himself in a situation to which, in his view, the norm applies» [242, с. 102]). Это означает, что в основе социальной идентичности личности состоят групповые нормы и признаки (категории), которые используются личностью для соотнесения себя с группой. Кроме того, выделяется взаимосвязь между формированием социальной идентичности личности на основе социальных норм, и реализации личностью социальной активности, которая формирует ее групповую идентичность.

J. Marcia рассматривает идентичность в трех итеракциях: как личностную структуру, как социально-психологический феномен, и как мотивационно-поведенческий аспект социальных взаимодействий –

«идентичность можно рассматривать в трех аспектах: структурном, феноменологическом и поведенческом» (перевод автора, оригинал текста: «identity may be considered in three aspects: structural, phenomenological, and behavioral» [237, с. 3]). Отмечается, что идентичность не только включает особенности интерпретации обретенного социального опыта, но и обработку этого опыта, выделение его наиболее значимых для личности аспектов. Иными словами, в процессе социализации личность обрабатывает усвоенный социальный опыт и на его основе формирует личные качества, и тем самым развивает идентичность и соотносит свое поведение в социуме с требованиями общества.

Продолжая исследования стадий кризисов идентичности по Э. Эриксону, на выборке подростков A. S. Waterman было установлено, что наибольшие изменения в структуре идентичности обусловлены переходом личности к состоянию взрослости, а именно – формированием профессиональной идентичности подростка: «из тематических областей, которые могут стать центром внимания проблемы идентичности, существует наибольшая документация прогрессивных сдвигов в развитии для профессионального выбора» (перевод автора, оригинал текста: «of the topic areas that may become the focus of identity concern, the greatest documentation of progressive developmental shifts exists for vocational choice» [243, с. 355]). Отмечается, что среди сфер бытия, ключевых для формирования идентичности, наиболее значимой является именно профессиональная сфера социального бытия индивида, которая направляет развитие профессиональной идентичности. Одновременно с этим, в этот возрастной период наименьшим изменениям подвержена религиозная идентичность подростков. Из этого следует, что освоение профессии не только обуславливает становление профессиональной идентичности, но и оказывает эффекты на всю структуру идентичности личности в целом, определяет характер и направление связей между ее отдельными характеристиками.

Понятие профессиональной идентичности прочно закрепилось в трудах отечественных исследователей, при этом его содержательность несколько отличается. В одном случае под профессиональной идентичностью личности понимается эффект осознания себя как представителя конкретной профессии, отождествления себя как участника профессиональной группы, результат профессионального определения личности (Л. Б. Шнейдер [220]). В другом случае она рассматривается как отдельный показатель профессионально-деловой сферы личности, который выполняет роль целеполагания и нацеленности личности на позитивную жизненную перспективу (Н. Л. Иванова [72]), иными словами, характеризуется ожидаемой в будущем самореализацией, наличием ментального образа желаемого места личности в социальной реальности как исполнителя конкретной профессиональной роли. В обоих случаях исследователями отмечается наличие эффекта отождествления личности с профессиональной сферой и включенности в профессиональную группу как показателей профессиональной идентичности, ее структурных элементов.

Кроме профессионально-ролевых отличий, в качестве критериев для выделения показателей идентичности исследователями используются характеристики этничности личности. По мнению одних ученых, этническую идентичность личности необходимо рассматривать как переживание «отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» (Т. Г. Стефаненко [180, с. 15]); как социально-психологический феномен, характеризующий «ценностно-мотивационную направленность личности в восприятии социально-политических, экономических, этнокультурных явлений современного общества» (И. В. Малышев [113, с. 43]). Другие авторы считают, что содержание этнической идентичности не только «отражает специфические социокультурные и этнонациональные характеристики личности, усвоенные ею в процессе социализации, общие для всей этнической группы» (В. Ю. Ивлев, В. А. Иноземцев и М. Л. Ивлева [73, с. 8]), но и включает

«историческую память, психологический аспект восприятия исторических фактов и их отражения в национальном самосознания народа» (А. С. Берберян и О. А. Корнилова [19, с. 110]). Есть также ученые, которые полагают, что этническая идентичность определяет принципы, согласно которым строится социальное окружение личности, и, тем самым, оказывается доминирующее влияние на всю систему идентификаций личности, т. е. «индивидуальная или личная идентичность человека основывается на социальной идентичности, которая в свою очередь уже основывается на этнической» (В. П. Коробкин и С. Д. Гуриева [90, с. 6]). Из этого следует, что основаниями для развития этнической идентичности выступают принадлежность личности к определенному этносу как группе, и наличие в структуре личности значимых этнических характеристик, сформированных в процессе этнической социализации.

В качестве основания для формирования национальной идентичности может выступать принадлежность к определенному национальному признаку. Нация рассматривается как характеристика социальной группы индивидов, объединенных национальными принципами, идеалами, и нормами. Принадлежность к данной характеристике способствует становлению национальной идентичности, через осознание связи личности с единой культурно-исторической общностью, с идеями, ценностями, языком как признаками нации. Кроме того, национальная идентичность также рассматривается исследователями в ракурсе политического аспекта – включенности личности в политические и государственные социальные институты на основании национальной принадлежности, участия в жизни гражданского общества. (В. С. Ерохин [63]). Обязательным условием для развития национальной идентичности являются наличие исторического наследия, культуры и религии, что отражает включенность личности в устойчивую межпоколенную связь. Также в исследованиях роли национальной идентичности в структуре личности установлена ее доминирующая роль по отношению к гражданственности и этничности: «под

национальной идентичностью мы понимаем надэтническую категорию, характеризующуюся самосознанием (самоопределением) индивида гражданином своей страны и носителем ее культурного кода» (М. А. Юрченко [225, с. 427]). Из этого следует, что в определенных социальных ситуациях национальная идентичность может выступать идентичностью более высокого порядка, чем этническая идентичность.

Национальная идентичность рассматривалась в рамках теории самокатегоризации Г. Тэджфела и Д. Тернера. По результатам проведенных исследований установлено, что самоопределение личности с позиции принадлежности к конкретной нации непосредственно связано с образованием психической группы. Так, на примере выборки англичан, ирландцев и полуирландцев, проживающих в Англии, установлено, что «респонденты, которые предпочли определить себя как «ирландцев», проявили большую склонность к созданию группы <…>» (Д. Тернер [187, с. 222]). Были обнаружены следующие эффекты – включенность личности в группу по национальному признаку возрастает по мере увеличения количества участников ситуации сравнения. Это означает, что сходство личности с другими по национальному признаку (национальной идентичности) есть эффект активного и динамичного процесса самокатегоризации, обусловленного влиянием социального контекста.

Гражданская идентичность как один из видов социальной идентичности, рассматривается в контексте соотнесения личности с гражданами определенного государства как макросоциальной группы. Она основана на государственных традициях, ценностях и нормах светского общества, его истории и культуре. Ее сущность в том, что она отражает осознание личностью своего статуса гражданина и принятие особенностей этого статуса. Как отмечается учеными, «гражданская идентичность формируется на основе культурных, исторических, политических и социальных факторов, которые определяют уникальные черты и ценности данного общества» (П. А. Сакевич, [169, с. 43]). В данном контексте

подчеркивается процесс персонификации личностью содержания данных категорий и наполнения их индивидуальным смыслом, результатом которого становится отождествление личности с государством, включение ее в сферу деятельности государства и сформированная гражданская идентичность.

Изучение гражданской идентичности как одного из видов социальной идентичности личности, необходимо в современных условиях. В сознании индивидов гражданственность занимает одну из ключевых позиций, поскольку именно она оказывает влияние практически на все значимые стороны бытия (социальные, политические, экономические, национальные и др.), а также определяет ориентацию на будущее. Как отмечается Н. Л. Ивановой и Г. Б. Мазиловой, гражданская идентичность «выражается в принятии личностью себя не только в качестве члена достаточно большого сообщества – нации или страны, но и в разделении ответственности, соответствующих обязанностей и требований этого сообщества» [70, с. 66]. Это означает, что гражданская идентичность является связующим звеном между самостоятельной личностью (гражданином) и крупным социальным сообществом (государством), поскольку данная характеристика отражает персональное отношение личности к этому сообществу, его истории и культуре.

В свою очередь, А. Н. Музыкантовым и Ю. П. Прокудиным раскрываются социально-психологические факторы данного феномена. По результатам исследования, проведенного на выборке студентов, были установлены такие компоненты гражданской идентичности как: «ценностно-смысловой (ценности и личные смыслы), когнитивный (знание и понимание), эмоционально-оценочный (эмоции и чувства), коммуникативный (способы и стили общения) и поведенческий (проявление в деятельности и активность)» [128, с. 36]. Из этого следует, что гражданская идентичность является сложным социально-психологическом феноменом, характеристики которого действительно дополняются конитивным содержанием и определяют отношение личности к государству, его историческому и культурному

наследию, формируют ответственное отношение к его судьбе и готовность защищать его в случае необходимости.

С другой стороны, М. А. Гагариной, Е. Н. Викентьевой и А. С. Горшковой гражданская идентичность рассматривается в соотношении с экономическим менталитетом россиян. Так, по результатам исследования установлено, что «чувство причастности к своей стране сопряжено с моральными суждениями, согласно которым неуважительное отношение к традициям, авторитетам, предательство интересов группы осуждается, а патриотизм, уважение к власти, готовность подчиняться, преданность группе поощряются» [47, с. 57]. Из этого следует, что гражданская идентичность взаимосвязана с ценностями сохранения и самопреодоления (по Ш. Шварцу [196]), а также прогнозируется ее взаимосвязь с идентификациями личности с ролью военного. Иными словами, спаянность гражданской и военной идентичности в менталитете россиян является традиционной, что подчеркивается С. А. Ворожейкиным [44].

К другой грани идентичности относится культурная идентичность, которая изучалась отечественным психологом И. С. Коном. Так, в одной из его работ приводится определение социальной идентичности: «социальная идентичность в ее объективных (статус, принадлежность к группе) и субъективных (самокатегоризация) характеристиках есть одновременно а) стадия формирования Я (в онто- и филогенезе) и б) его постоянный аспект и стержень» [85, с. 242]. Это означает, что социальность личности может быть представлена как набор социальных ролей, используемый для взаимодействия с другими участниками. Набор ролей формируется в зависимости от референтных групп, участником которых является личность. Среди видов социальной идентичности особенно выделяется культурная идентичность как принадлежность к социальной группе, характеризующаяся приверженностью к определенной культуре. Автором также освещается связанность культурной и этнической идентичности, наличие точек их соприкосновения и, в некоторых случаях, взаимопроникновения в

социальных плоскостях (предубеждениях, стереотипах, установках и ценностях). Например, отмечается, что «рост культуры является одним из необходимых условий для преодоления этнических предубеждений [84, с. 15]. Из этого следует, что культурная идентичность является идентичностью более высокого порядка, поскольку культура является более широкой социальной категорией, включающей, в том числе, и этничность. Кроме того, становление культурной идентичности возможно и в случае деактуализации в структуре идентичности личности компонента этнической идентичности, что и является «преодолением этнических предубеждений».

Другим видом социальной идентичности является религиозная идентичность. Значимый вклад в изучение данного феномена внесли американские психологи Г. У. Олпорт и Дж. М. Росс. Сущность религиозной идентичности обозначалась как осознание личностью своей принадлежности тем традициям, идеям, установкам и ценностям, которые в условиях конкретной культуры принимаются другими участниками как религиозные, а также персональной принадлежности к определенной религии и участникам социальной группы, являющихся «носителями» данной религии. Объектом их исследования стало соотношение религиозной идентичности, представленной религиозными ориентациями личности, с психологическим благополучием. Установлено, что отношение к религии выступает способом преодоления трудностей через аспекты религиозных ориентаций личности (внутренние, внешние, поиск), а высокий показатель религиозной идентичности связан с низкими показателями депрессии и тревожности (G. W. Allport, J. M. Ross [228]). Это означает, что принадлежность к религии объясняет уровень субъективного благополучия личности, что указывает на высокую значимость религиозной идентичности в структуре личности.

Этнорелигиозная идентичность как вид социальной идентичности, изучалась Р. Б. Акжигитовым и В. В. Константиновым [9]. По результатам исследования установлено, что сформированность этнорелигиозной идентичности обусловлено практикуемой религиозной активностью

личности. Кроме того, реализуемая религиозная активность способствует формированию позитивных и социально-ориентированных ценностных ориентаций, посредством влияния религиозной группы на персональные ценности личности. Это указывает на значимую связь между идентичностью, системой ценностей и поведением, которое личность реализует в социуме.

Религиозная активность способствует формированию и укреплению этнорелигиозной идентичности, что позволяет молодежи чувствовать себя частью более широкой общины. Это может повышать уверенность в себе и содействовать развитию позитивных социальных установок и ценностных ориентаций. Участие в религиозных практиках и мероприятиях создает условия для взаимодействия с единомышленниками, что может усиливать влияние группы на индивидуальные ценности и установки.

Проблема соотношения разных видов идентичности неоднократно освещалась учеными-психологами. Впервые данный феномен был обозначен в трудах Э. Эриксона. Так, несмотря на разграничение индивидуальной и групповой идентичности, подчеркивалось, что эти две характеристики личности строго взаимосвязаны и должны развиваться одновременно. Только при соблюдении данного условия структура идентичности обретает устойчивость, а личность – свою целостность. Данная позиция так отражается в одном из его трудов: «вместо того чтобы выяснить, чего давление общества лишает ребенка, мы хотим понять, что оно дает ребенку, поддерживая его жизнь, и как, удовлетворяя его потребности, общество включает его в определенный стиль культуры» [222, с. 56]. Подчеркивалась необходимость взаимодополнительности и синтеза личности и общества, что указывает на социальную обусловленность становления личности, обретения ею ключевых социально-ориентированных ценностей и черт.

Исследования взаимосвязи личностной и социальной идентичности проводятся современными исследователями. Так, В. В. Константиновым и Н. В. Путиловой [88] изучалось соотношение личностной и социальной идентичности студентов-иностранцев, в период их адаптации к условиям

социализации в вузе. Полученные результаты указывают, что структура идентичности студентов-мигрантов реструктурируется в условиях необходимости их адаптации к поликультурной социальной среде вуза, что представлено выработкой нового стиля идентичности (типа идентичности). При этом у респондентов формируются специфические личностные и групповые ценности, что проявляется в особом характере взаимосвязей личностной и социальной идентичности, а так же на общем «упрочнении» структуры идентичности. Иными словами, соотношение личностной и социальной идентичности студентов-мигрантов характеризуются динамичностью и позитивным вектором личностного развития в процессе социализации в вузе. Кроме этого, из результатов проведенного исследования можно сделать косвенный вывод о том, что условия поликультурной среды у респондентов, наряду с развитием их личностной и социальной идентичности, также способствуют развитию культурной идентичности. В процессе взаимодействия студентов с иностранцами происходит познание и интериоризация (по Л. С. Выготскому – «вращивание стимула-средства внутрь» [46, с. 27]) культурных ценностей и установок, формирование межнациональных и межконфессиональных правил и паттернов поведения и взаимодействия внутри образовательных групп студентов. Это означает, что под влиянием определенных условий, в которых социализируется личность, взаимосвязи разных характеристик идентичности личности образуют новые комбинации, что способствует выработке нового типа идентичности личности, являющегося результатом адаптации личности к условиям социализации в определенной среде. Тот стимул, что изначально воспринимался личностью как внешнее (навязанное социумом) поведение, в процессе социализации обретает статус высшей психической функции, которая выражается в социально-ориентированном поведении личности.

Одновременно с этим, не всегда личность успешно адаптируется к взаимодействию с социальной реальностью. Следствием этого становятся различные нарушения социальной идентичности, связанные с дезадаптацией

личности в социуме. Н. Л. Ивановой и др. отмечаются следующие виды отклонений социальной идентичности: «нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (аддиктивная идентичность); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (делинквентная идентичность); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии)» [4, с. 130–131]. Иными словами, аддиктивная идентичность может быть результатом кризисных процессов, которые переживает личность в конкретный момент времени, и проявляться в дезорганизации тех или иных личностных структур, нарушениях ценностной системы личности в зависимости от тяжести испытываемого кризиса.

Соотношение личной и социальной идентичности изучалось И. В. Борковой [33]. Данным автором освещалась проблематика «социального серфинга» – технологии эффективного социального включения, посредством которого индивид быстро «переключается» между разными группами и соответствующими им ценностями и стилями общения. Иными словами, такая технология становится неотъемлемой частью бытия современного человека, позволяя комфортно себя чувствовать в поликультурной социальной среде и своевременно «переключаться» между разными идентичностями.

На соотношение персональной и профессиональной идентичности указывается Т. А. Егоренко и Е. С. Зориной. Подчеркивается значимость профессиональной идентичности учащихся старших классов в процессе становления их персональной идентичности. При этом сам процесс становления данных показателей идентичности совпадает с процессом личностного и предстоящего профессионального развития старшеклассников. По мнению авторов, об этом также свидетельствует тот факт, что у респондентов старших классов актуализируется потребность в личностном самоопределении, что в последующем определяет роль наиболее значимой детерминанты при выборе будущей профессии, а, следовательно, –

и профессиональной идентичности. Отмечается, что «оценка разных параметров развития идентичности демонстрирует нам процессы прохождения старшеклассниками стадий разрешения волнующих их вопросов, принятия ответственности за выбранные ценности и предстоящую профессиональную деятельность» [62, с. 191]. Это означает, что профессиональная идентичность на определенной стадии подросткового периода развития личности становится значимой характеристикой идентичности личности и предопределяет будущее развитие личности.

Значимость профессиональной идентичности на определенном этапе развития личности отмечается и О. А. Браун с М. Г. Аркузиным. Так, «для периода обучения в вузе ведущая идентичность – профессиональная» [34, с. 874]. Кроме того, авторами также отмечается, что состояние структуры идентичности в целом на данном этапе отражает готовность к внутреннему принятию профессиональных ценностей и, как следствие, профессиональному самоопределению личности. Это означает, что профессиональная идентичность на определенном этапе онтогинеза личности определяет всю систему социальных идентификаций.

Одновременно с этим, Ю. М. Перевозкиной и С. Б. Нестеровой дополняется, что «роль и профессиональное самоопределение взаимно взаимодействуют в формировании целостной профессиональной идентичности, являющейся важнейшим компонентом психологической зрелости и социальной адаптации подростка» [144, с. 70]. Это означает, что сформированность профессиональной идентичности на данном этапе становления личности является отражением внутреннего принятия согласованной профессиональной роли, обретения поведенческих мотивов и развития необходимой социальной ответственности.

Кроме того, Е. В. Рягузовой отмечается значимость «устойчивой профессиональной идентичности личности, которая связана с высокой компетентностью и самореализацией, самосовершенствованием и мастерством» [167, с. 22]. Очевидно, что профессиональная идентичность

может выступать значимым фактором субъективного психологического благополучия личности, представленного, в частности, удовлетворенностью базовых психологических потребностей в компетентности и связанности с другими, поскольку принадлежность к профессиональной группе ожидаемо взаимосвязана с переживанием личностью своей уникальности и персональной ответственности перед обществом и другими участниками профессионального сообщества, в контексте реализации определенной профессиональной роли.

С другой стороны, исследователями также отмечается влияние особенностей социализации в условиях той или иной образовательной организации, на становление профессиональной идентичности личности. Так, С. Е. Мухиной и В. В. Мухиным отмечается, что в процессе социализации в вузе у студента формируется уникальный стиль учебной деятельности, «достаточно устойчивое образование, характеризующее не продуктивность деятельности, а индивидуальный способ достижения цели, проявляющийся в поведении» [130, с. 122]. Это означает, что условия, в которой происходит социализация личности в образовательной организации, оказывают значимое влияние на характеристики профессиональной идентичности и определяют мотивационно-поведенческую компоненту личности.

Влияние цифровой среды на показатели виртуальной идентичности современных подростков изучалось И. А. Коротиным. По результатам исследования установлено, что особенности цифровой среды определяют механизмы взаимодействия юношей и девушек на подсознательном уровне, при этом данные условия возникают «благодаря стремлению соответствовать принятому поведению в Интернете, не осмысляя его» [91, с. 282]. Это означает, что в современных условиях социализации особенности такой социальной среды обеспечивают в достаточной степени эффективное усвоение норм и правил поведения интернет-сообществ, посредством как сознательного, так и бессознательного стремления личности соответствовать

сверстникам. Иными словами, более эффективно социализация протекает в тех условиях, где возраст участников взаимодействия различается незначительно.

Взаимосвязь личностного и социального компонентов идентичности личности изучалась Е. П. Белинской. Отмечается, что благодарю развитию социальной психологии как самостоятельной науки, научное сообщество несколько отошло от классического понимания идентичности как некоего ядра личности. Целью исследований стала проблематика в контексте соотношения и взаимопереходов личностной и социальной идентичности личности. Так, «изменчивость/устойчивость идентичности все более начала пониматься как неоднозначность результата самокатегоризации, задающая множественность и потенциальность Я в целом» [20, с. 7]. Иными словами, необходимо изучать вариативность соотношений индивидуальной и социальной идентичности личности, эффекты «балансирования» между ними в зависимости от условий социальной среды и правил взаимодействия с окружающими.

На соотношение гражданской и региональной идентичности указывают результаты исследования М. В. Григорьевой, А. А. Шарова и А. И. Заграничного [55]. Объектом исследования стала связь социальной активности современной молодежи с социальным самосознанием, представленным гражданским и региональным компонентом (гражданской и региональной идентичностью). Полученные результаты указывают на факт положительных взаимосвязей социальной активности и самосознания молодежи, что объясняется возрастом респондентов (М=19,7 лет). Так, в данный период у молодых людей происходит актуализация стремления к личностному росту, что и реализуется посредством выбора и освоения будущей профессии, проявления гражданской позиции, а также активного участия в политической жизни общества. Вместе с тем, в данном исследовании обнаруживаются факты, свидетельствующие о более высокой социальной значимости гражданской идентичности, в сравнении с

региональной идентичностью. Так, молодежь с высоким гражданским самосознанием склонна направлять активность на развитие общества, в то время как молодежь с высоким региональным самосознанием стремится улучшать бытовой аспект своего бытия. Данный факт указывает на то, что гражданская идентичность является более социально-ориентированной характеристикой личности, чем региональная идентичность, однако эти две характеристики взаимосвязаны.

Соотношение персональной и гражданской идентичности изучалось В. С. Мухиной и С. В. Мелковым [129]. Отмечается, что достижение личностью определенного уровня развития является значимым условием становления гражданской идентичности. Это означает, что целостность и сформированность персональной идентичности личности, наличие у нее выраженной «внутренней позиции» предвосхищает становление активной (деятельной) и положительной гражданской идентичности. При этом внутренняя позиция личности понимается авторами как сформированное ценностное отношение личности к самой себе и к другим участникам взаимодействия, к своему бытию и бытию в общем понимании; как психологический конструкт личности, неотделимо связанный с ее самосознанием и представленный рефлексией о своем положении в социальной реальности. Иными словами, без сформированной персональной идентичности невозможен процесс становления гражданской идентичности, ее включения в структуру идентичности личности и роста ее значимости.

Феномен соотношения гражданской и религиозной идентичности рассматривался А. Н. Татарко и Г. Я. Родионовым [184]. Объектом исследования стало изучение взаимосвязей разных видов идентичности русскоязычного населения на территории постсоветских стран. Отмечается, что идентичность личности является одним из наиболее значимых факторов, который образует социальный капитал и оказывает влияние на структуру социальных связей. Установлено, что гражданская и религиозная идентичность положительно взаимосвязаны как между собой, так и с

социальным капиталом русскоязычного населения. Это означает, что взаимосвязь данных видов идентичности оказывает влияние на объем, разнородность и качество социальных контактов личности, что в свою очередь связано с ростом социального капитала. Как отмечается В. А. Бурко, под социальным капиталом личности понимается «совокупность межличностных связей личности, предоставляющих ей и ее партнерам взаимный доступ к различным ресурсам друг друга» [36, с. 79]. Сопоставляя данное определение с результатами исследования А. Н. Татарко и Г. Я. Родионова, можно предположить, что для граждан постсоветского пространства гражданская и религиозная идентичность является определяющим фактором для организации социального взаимодействия и становления социального капитала.

Проблема соотношения гражданской идентичности и профессиональной эффективности на примере выборки профессиональных спортсменов рассматривается А. В. Кушнирук [97]. По результатам исследования установлено, что высокая позитивная гражданская идентичность значимо связана с чувством самоуважения личности и ее стремлением укреплять престиж своей страны через высокие достижения в на спортивных соревнованиях. Также установлено влияние возраста на гражданскую идентичность – у более молодых спортсменов гражданская идентичность и профессиональная идентичность демонстрируют более сильную связь, в сравнении с более зрелыми спортсменами. Из представленных выводов следует, что ключевым фактором положительной взаимосвязи гражданской и профессиональной идентичности является социальная значимость выбранной профессии – чем более важную социальную роль реализует личность, тем более значима соотнесенность данных видов идентичности в общей структуре идентичности личности, что может усиливаться принадлежностью к определенной возрастной группе.

Э. П. Утликом предлагается другой подход к изучению соотношения профессиональной идентичности с другими характеристиками идентичности.

Структура личности характеризуется множественностью видов идентичности, соотносящихся с социальными ролями, которые реализует личность в процессе социализации в современном обществе. При этом центральное место в структуре занимает профессиональная идентичность, а все другие характеристики идентичности группируются вокруг нее, что объясняется значимостью освоения профессии в социальной среде. Вместе с тем, ключевая роль в становлении профессиональной идентичности принадлежит личностной идентичности: «развитие профессиональной идентичности – это успешное переструктурирование эго-идентичности под влиянием освоения профессии и продвижения в ней» [195, с. 75]. Это означает, что, несмотря на связанность профессиональной идентичности с региональной, гражданской, личностной, гендерной, возрастной, культурной идентичностью, и на ее определяющее влияние на них, наибольшая связанность принадлежности к профессионально-ролевой сфере обнаруживается именно с личностной идентичностью. Принадлежность к профессии предопределяет всю систему идентификаций и самоидентификаций личности. По мере освоения профессиональной роли происходит не только становление профессиональной идентичности, также развивается и персональная идентичность, запускается процесс реструктуризации идентичности в связи с включением в профессиональную деятельность. Иными словами, становление профессиональной идентичности обуславливает развитие персональной идентичности личности.

Н. С. Мекебаевым, Ю. М. Перевозкиной и Е. В. Ветерок изучалось соотношение ролевой и профессиональной идентичности, на примере выборки военнослужащих. Ролевая идентичность рассматривается авторами как результат уникального восприятия себя как личности, обусловленный ролями и ролевыми позициями, которые она реализует в социуме. Ролевая идентичность отражает индивидуальную смысловую наполненность ролевого репертуара личности, ее социальных намерений и моделей поведения. В этом случае роль воспринимается личностью как готовый

«образец» поведения, включающий в себя социально-закрепленные и одобряемые обществом ценности и установки. По результатам исследования установлено, что модели поведения курсантов ориентированы на освоение профессиональных ценностей, обеспечивающих эффективность их военной социализации в военном вузе и определяющих всю структуру личности. Так, «личность в виде системного образования интегрирует роли военнослужащего и в соответствии с мотивами, потребностями и служебно-боевыми ситуациями выстраивает их в иерархической последовательности в рамках системного и метасистемного уровней» [119, с. 120]. Из этого следует, что ролевая идентичность военнослужащего и курсанта оказывает влияние на всю структуру идентичности, что соотносится с данными Э. П. Утлика. При этом подчеркивается факт негативного влияния личностных ценностей на становление ролевой идентичности в условиях военной социализации, что проявляется в необходимости соблюдения требований военного устава.

А. Н. Завариным [65] изучалось соотношение гражданской и межличностной идентичности. По мнению автора, в процессе становления идентичности у молодого человека окончательно не сформирована внутренняя принадлежность к родной культуре, государству и обществу, что представлено низкими показателями гражданской идентичности. Межличностная идентичность обозначается как результат взаимопроникновения ценностных характеристик разных участников социальных отношений, в том время как гражданская идентичность отражает отношение конкретной личности к государству, его социальным структурам и ценностям. Гражданская идентичность может выступать значимым компонентом идентичности группы, что установлено по результатам исследования – развитие гражданской идентичности молодежи положительно связано с когнитивным компонентом межличностной идентичности в изучаемой группе респондентов. Это означает, что формирование чувства принадлежности личности к гражданскому обществу

связано с выделением (и последующей интериоризацией) определенных гражданских ценностей и качеств у соотечественников, которые личность идентифицирует как положительные и необходимые, и к которым она переживает свою сопричастность.

А. М. Беспаловым, М. С. Власовым и О. Н. Макаровой [25] изучалась этническая и гражданская идентичность. Отмечается, что этническая идентичность есть одна из форм выражения социальности личности, представленная как результат переживание персональной причастности к социальной группе на основе единства языка, общности территории проживания, характерных этнических обычаев и традиций. И этническая и гражданская идентичность как характеристики, относятся к социальной идентичности личности, и в исследованиях граждан России они демонстрируют наибольшую связанность, поскольку этническая идентичность отражает принадлежность личности к этносу, культуре и языку. Так как в Российской Федерации русский язык является не только общегосударственным языком, но и ключевым средством общения и взаимодействия представителей разных этносов между собой, то именно принадлежность к русскому языку является фактором, обуславливающим и гражданскую, и этническую идентичность. Вместе с тем, также установлено, что на примере выборки коренных сибирских этносов именно принадлежность к этническому языку совместно с русским языком выступает фактором, усиливающим этническую идентичность и ее взаимосвязь с гражданской идентичностью народов Сибири. Это означает, что сформированная этническая идентичность лежит в основе развития гражданской идентичности. В условиях нашей страны, этническая идентичность малочисленных народов при межэтническом взаимодействии не «размывается», а напротив, достигает наивысших значений, следствием чего становится также и рост гражданской идентичности.

Из результатов представленных исследований видна особая значимость соотношений некоторых видов социальной идентичности в современных

динамичных реалиях социального бытия. Их изменчивость предопределяет тенденции к преобразованию условий взаимодействий между участниками социальных отношений, что, в свою очередь, проявляется и в структуре личности, отдельных характеристиках ее идентичности и взаимосвязях между ними. Закономерным становится развитие множественности идентичности личности, восприятие себя в разнообразных аспектах социального бытия, где она может являться одновременно и участником, и творцом социальной реальности.

Одновременно с этим обнаруживается прямая связь становления идентичности с процессом социализации, в связи с чем необходимо провести подробный анализ научных подходов к изучению феномена социализации личности.

1.2. Становление идентичности личности в процессе социализации

Феномен социализации, наряду с изучением идентичности является одним из центральных в социально-психологической науке и смежных областях научных знаний. В результате многочисленных исследований было установлено, что идентичность не является статичной характеристикой личности. Идентичность обладает динамическим характером, она подвержена изменениям в процессе всего бытия личности и отражает уровень ее развития. Также идентичность связана с особенностями социальной среды, в условиях которой происходит социализация личности. Иными словами, по сформированности отдельных характеристик идентичности можно судить об эффективности социализации личности в той или иной социальной среде.

Изучение феномена социализации стало одной из центральных задач социальной психологии. Как правило, в рамках таких исследований проводилось изучение идентичности, поскольку процессы социализации и становления идентичности взаимосвязаны.

Исследования в области социализации проводились как на территории нашей страны, так и за рубежом. Впервые понятие «социализация» было представлено в трудах американского ученого Ф. Г. Гиддингса. Главными аспектами социализации выделялись: наличие взаимодействия, контактов с окружающими, знакомство с миром, освоение социальных ролей в профессиональной, деловой и других сферах бытия. В процессе социализации индивид уясняет, что с одними индивидами он в процессе взаимодействия испытывает удовольствие и симпатию, а с другими – негативные чувства. Именно этот фактор является той ключевой тенденцией, наличие которой подталкивает индивидов к включению в группы. Так, процесс взаимного знакомства и установления симпатий и дружеских отношений в процессе контактов, обучения наслаждению общением и сотрудничеством в работе, следует обозначать как социализацию: «процесс

знакомства друг с другом, установления симпатий и дружеских отношений, обучения общению и сотрудничеству друг с другом в нашей работе мы можем назвать социализацией (перевод автора, оригинал текста: «the process of getting acquainted with one another, establishing sympathies and friendships, learning to enjoy association and to cooperate with one another in our work, we may call socialization» [233, с. 5]). Иначе говоря, социализация включала в себя процесс подготовки индивида к вступлению в социальную жизнь и ее непосредственная реализация.

Результаты исследования феномена социализации легли в основу теории психоанализа З. Фрейда [202], который направлял процесс социализации своих пациентов особым образом. Отмечалось, что психотерапия должна следовать ключевым принципам социализации. Их суть заключались в том, что психотерапевт путем последовательного, многократного и доброжелательного убеждения формирует новые и корректирует уже имеющиеся установки пациента, а также устанавливает новые причинно-следственные и смысловые связи между событиями и переживаемыми пациентом чувствами. Утверждалось, что в этом случае в процессе социализации и терапевт оценивает положительный результат лечения как существенный шаг к более зрелому восприятию собственной личности и формированию более эффективного (в социальном и профессиональном контексте) поведения.

Выдающимся американским ученым Т. Парсонсом рассматривалась политическая грань социализации, на примере связи между социетальным сообществом и приверженностью его участников к групповым ценностям, обеспечивающим единство сообщества. Отмечалась, что причина данного эффекта состоит «в подчинении интересов этого сообщества особым коллективным целям, которое требует справляться с обстоятельствами особых условий среды» [138, с. 51]. Из этого следует, что становление приверженности индивида какой-либо социальной группе в процессе социализации сопровождается обретением особого социального статуса,

включающего не только права индивида, но и его обязательства как представителя данного сообщества. Также подчеркивается, что в процессе социализации создается особая социальная обстановка, необходимая для реализации индивидом социальных установок и ценностей.

По Л. Хьеллу и Д. Зиглеру социализация выступает инструментом, посредством которого принадлежность личности к определенной культуре осознанно и неосознанно обеспечивает соблюдение нормативных моделей в поведении личности. Продолжая исследования З. Фрейда и изучая подростковую социализацию, Л. Хьеллом и Д. Зиглером [209] утверждалось, что в начале процесса социализации подросток является асоциальным, то есть не владеет необходимыми для взаимодействия в социуме моделями поведения. Это означает, что социальная среда в процессе социализации формирует у личности образ самой себя, определяет ее организацию взаимодействия с другими, потребности и способы их компенсации, предстоящие цели, на достижение которых направляется социальная активность личности. Иными словами, социализация есть процесс последовательного включения личности в социальную систему и ее интеграции в социальную среду.

А. Адлером [5] социализация рассматривалась как процесс, посредством которого индивиду прививается чувство общности, социальности. Отмечалось, что главная задача и требование социализации – это формирование восприятия личностью значимого другого как «Ты», позицию которого она будет учитывать в процессе взаимодействия с ним. В процессе социализации личность должна чувствовать значимых других как часть некого целого, формировать сопринадлежность с ними. Это означает, что в процессе социализации личность научается взаимодействовать с другими как с частью себя в лице других, тем самым развивая свою идентичность с ними. Также отмечается, что процесс социализации личности начинается с момента рождения и продолжается непрерывно всю жизнь. Для ребенка как для личности, наиболее значимыми другими являются родители,

именно они прививают ребенку навыки отношений с другими в своем лице, что пересекается с позицией Ч. Х. Кули о значимости первичной социализации личности в семье.

К. Г. Юнгом понятие «социализация» соотносилось с понятием «индивидуация». Автором отмечалось, что «он находит в четверице свойство того «центра» целостности человека, который он рассматривает как результат индивидуации и называет «самостью» [224, с. 29]. Из этого следует, что идентичность является результатом процесса социализации личности, она формируется как образ в сознании личности, включающий совокупность ее бессознательных и сознательных элементов. Именно воздействие окружающего социума как коллективного бессознательного, формирует благоприятные условия, необходимые для становления личности, развития у нее именно тех качеств, которые способствуют ее включению в социальную реальность наилучшим образом.

Исследования З. Фрейда о феномене социализации были продолжены Ж. Пиаже [147]. В соответствие с теорией познания, основанной на когнитивном развитии личности, социум структурирует накопленные социальные знания и опыт, и преобразует их в так называемые ментальные схемы. Благодаря этому в процессе социализации необходимые социальные навыки обретаются личностью последовательно на каждой стадии социализации, по мере ее развития. Социализация представляется как активный процесс адаптации личности к взаимодействию с обществом, и объединяет два взаимосвязанных процесса – ассимиляцию и аккомодацию, различие между которыми заключается в механизме обработке социального опыта. Так, если в процессе ассимиляции личность усваивает обретенный опыт, используя уже ранее сформированные ментальные схемы поведения, то в процессе аккомодации ранее сформированные схемы подвергаются обновлению и развитию под влиянием уже усвоенного опыта. Иными словами, в процессе социализации личность овладевает способностью дополнять и обновлять уже существующие ментальные схемы, заключая в

них новую социальную информацию, обретенную в результате взаимодействия с окружающими, а также обновляя уже имеющуюся. Следствием таких обновлений является необходимое развитие уже сформированных схем, что позволяет личности более полно понимать и усваивать социальный опыт.

Особенности социализации изучались Э. Эриксоном, при этом определяющее значение придавалось возрастным аспектам социализации. Выделялось 8 возрастных периодов, охватывающих непрерывный процесс всей социализации индивида от момента рождения до смерти. При переходе от одного периода к следующему перед индивидом стоит задача по формированию и развитию определенных личностных качеств и характеристик. В качестве фактора, который определяет их становление, обозначались условия той социальной среды, в которой социализируется индивид. Иными словами, обретение социально-обусловленных качеств, необходимых для дальнейшего развития, и есть эффект социализации личности. Одновременно с этим, данный эффект может быть как положительным, так и отрицательным. Так, на примере отрочества отмечалось, что данный период «можно считать полностью завершившимся только тогда, когда индивид подчинит свои детские идентификации новому виду идентификации, достигнутому в ходе социализации» [222, с. 166]. Это означает, что эффективность социализации личности определяется развитием необходимых (социальных) идентификаций, сформированностью идентичности более высокого порядка, соответствующей задачам возрастного этапа.

Д. Г. Мид соотносил феномен социализации с усвоением личностью социальных установок в процессе реализации социально-ролевой деятельности. Отмечалось, что личность усваивает не все установки других участников, а только их часть, несмотря на то, что в результате социальных взаимодействий бесчисленное множество чужих установок вплетаются в социальное поведение личности. Однако ее значимой частью становится

только генерализованный обществом вариант чужих установок, соответствующий природе самой личности: «по-настоящему важно то, принадлежат ли эти разные формы деятельностей члену человеческого общества так естественно, что при принятии роли другого его деятельности оказываются принадлежащими его собственной природе» [124, с. 235]. Иными словами, социализация связана с процессом становления социального Я в структуре личности, завершенным результатом которого является интеграция личности в окружающий социум, в том числе через действительное усвоение установок и ценностей, определенных содержанием социальных ролей.

Схожая позиция о феномене социализации высказывалась Д. Майерсом [109]. Социализация объяснялась как процесс формирования личности в конкретных социальных условиях, соответствующих направленности социальных групп, участником которых она является. Отмечалось, что эффект социализации является значимым фактором в той мере, в которой он сказывается на реализуемых личностью социальных ролях, на избирательности ценностей и установок, внедряемых в структуру личности в качестве социальных поведенческих ориентиров. Это означает, что в процессе социализации происходит становление ценностной системы личности, принятие одобряемых обществом норм, традиций и правил поведения, как персональных ценностей для личности.

Ч. Х. Кули рассматривал социализацию во взаимосвязи Я личности с другими участниками взаимодействий. Подчеркивается, что в процессе социализации через взаимодействие личности с социальным миром развивается чувство восприятия своего Я. Также, на примере развития личности ребенка социализация соотносится с процессом «формирования его Я в соотнесении с социальным окружением» [96, с. 12]. Из этого следует, что социализация происходит в рамках референтных социальных групп, участники которых принимают наиболее значимое участие в формировании личности. Одновременно с этим, теория социализация Ч. Х. Кули

рассматривается в тесной взаимосвязи с понятиями первичных и вторичных социальных групп, что, тем самым, предполагает первичную и вторичную социализацию личности, в зависимости от направленности этих групп – семья, школа, друзья или формальные социальные коллективы, характеризующиеся безличным характером взаимодействий их участников.

Таким образом, оценивая значимость отдельных социальных групп в становлении личности, необходимо более подробнее остановиться на значимости их влияния именно на этапе первичной социализации. Современными исследователями отмечается особая роль семьи как ключевой социальной группы, в которой происходит процесс первичной социализации подростка. Так, А. М. Рагулиной отмечается, что «именно социальный институт семьи выступает в роли ключевого института социализации, формирующего личность» [154, с. 79]. О. В. Суворова считает, что «семья – опорная структура нашего общества, где воспроизводятся и передаются социальные ценности» [181, с. 27]. В свою очередь, С. В. Беляковой и О. И. Петруниной утверждается, что «семья – это не просто сообщество двух людей, связанных узами любви, но и ячейка общества, которая передает ценности, традиции и моральные нормы от поколения к поколению» [23, с. 5]. В представленных источниках отражена роль семьи как значимой социальной группы, которая формирует личность и в условиях которой протекает ее первичная социализация, что соотносится с теорией социализации Ч. Х. Кули [96]. Так, одним из наиболее значимых этапов развития личности является ее первичная социализация. К первичной социальной группе относится семья, поскольку именно в институте семьи представлен источник ключевых социальных норм, уяснив которые, личность затем руководствуется ими в процессе бытия. Тем самым придается особая значимость социальным нормам и ценностям, усваиваемым личностью в процессе первичной социализации в семье. Это означает, что процесс становления социальности личности происходит, главным образом, в рамках первичной социализации в семье.

Г. Тэшфелом и Д. Тернером феномен социализации изучался в рамках теории самокатегоризации. В процессе изучения склонности личности к сравнению себя с другими участниками взаимодействия, было установлено, что в основе такого сравнения лежит механизм ценностного сопоставления персональных характеристик самой личности и характеристик окружающей ее социальной группы (H. Tajfel [242]). В последующем, опираясь на результаты данного сравнения, личность не только усваивает социальный опыт, но и вырабатывает персональные установки и ценности, чтобы затем посредством их применения регулировать свое поведение в социуме, тем самым преобразуя и свою идентичность, и идентичность группы, членом которой она является.

В рамках теории социального научения А. Бандуры социализация личности рассматривалась как процесс овладения внутренними средствами контроля. Так, «успешная социализация требует, чтобы внешние санкции и требования постепенно замещались символическими и внутренними средствами контроля» [17, с. 68]. На примере социализации подростков был показан последовательный процесс замещения физических санкций социальными, для направления поведения детей. Это означает, что социализация связана с развитием у личности механизмов внутреннего (а не внешнего) контроля в процессе контактов с другими. В процессе социализации личность научается самостоятельно выстраивать границы своего поведения в рамках, дозволенных обществом.

Согласно К. Роджерсу [158], социализация есть процесс «выстраивания» личности. Влияние опыта, обретенного в процессе социализации, связано с выстраиванием ценностной системы личности. Эффект социализации заключается в «оттачивании» ценностей личности таким способом, чтобы она могла в последствии успешно реализовывать социально-ориентированную деятельность. В процессе социализации происходит изменение личности и на сознательном, и на более глубоком бессознательном уровне, чтобы она могла справиться с жизненными

трудностями более социализировано и конструктивно. При этом обращалось внимание, что данный процесс реализуется самой личностью, однако его неотъемлемым внешним условием является наличие социальной группы. Это означает, что средой для социализации является группа, в деятельность которой личность вовлечена.

А. Маслоу социализация рассматривается в рамках теории мотивации личности. Основной целью социализации личности является ее вовлечение в социальную среду и обретение необходимых качеств, для эффективности реализации личностью как члена социальной группы, персональных социальных функций. Одновременно с этим уточнялось, что только удовлетворение высших потребностей влечет за собой проявление истинной индивидуальности личности. Подчеркивалось, что «жизнь на уровне высших потребностей предполагает расширение идентификации любви, т. е. более глубокую социализацию» [116, с. 111]. Это означает, что наиболее осознанная социализация личности предопределяется стремлением к удовлетворению высших социальных потребностей (потребностей в любви и принадлежности, в уважении, в самореализации). В этом случае в процессе самореализации любовь личности к себе дополняется любовью к окружающим, что делает бытие личности более осознанным с позиции социальной ответственности.

У. Джеймсом социализация рассматривалась с позиции восприятия личностью отношения других к себе. Утверждалось, что Я-концепция личности, будучи устойчивой психической структурой, одновременно с этим может подвергаться изменениям в процессе социализации. Отмечалось что образ личности, сформированный в сознании других в процессе социализации, является одновременно и частью самовосприятия личности. Этот образ является внешним по отношению к личности, из чего следует, что на его формирование личность не может оказать прямое воздействие, поскольку он содержится в чужом уме. Вместе с тем, изменение содержания такого образа в ту или иную сторону оказывает непосредственное влияние на

самовосприятие личности. Так, У. Джеймс утверждал: «когда я воспринимаю, что мой образ в вашем уме изменился к худшему, я чувствую себя так, как будто изменилось что-то еще: что-то во мне, к чему этот образ относится и что еще мгновение назад я ощущал внутри себя большим, сильным, крепким, а теперь ощущаю слабым, сжавшимся и сломленным» [58, с. 27]. Иначе говоря, в рамках данного подхода обнаруживается прямая связь феномена социализации с процессом становления социальной идентичности личности – идентичность является непосредственным инструментом социализации личности, она обеспечивает ее самотождественность со значимыми другими и адаптацию к взаимодействию с ними.

В рамках теории структуризации Э. Гидденса социализация рассматривалась не просто как процесс усвоения социальных ценностей и норм, а как активный процесс формирования общества. Обращалось внимание на ее двойственный характер – личность формируется в процессе социализации в обществе, и общество развивается, изменяет свою структуру, социализируя в себе личность. Одновременно с этим, в процессе социализации формируется связанность между личностью и социальными группами, посредством развития практического сознания у личности, т. е. способности реализовывать какую-либо деятельность в рамках социальных правил и ограничений. Так, «оно (сознательное) относится к рефлексивному контролю за собственным поведением, или тому, что мы привыкли называть «практическое сознание» [51, с. 93]. Иными словами, в процессе социализации обеспечивается рефлексивное поведение личности в обществе в рамках социальных предписаний.

Не менее значимый вклад в изучение социализации был сделан отечественными учеными. Л. С. Выготским социализация рассматривалась с точки зрения усвоения опыта и овладения социальным поведением и мышлением. Подчеркивалось, «что человек изначально асоциален, что социализация прививается ему извне» [46, с. 25]. Это означает, что

становление личности и обретение ею качества социальности происходит в процессе социализации в обществе. Социальность не свойственна личности с рождения, она прививается социумом в процессе взаимодействия личности с ним.

А. Н. Леонтьевым социализация связывалась с этапами психического развития личности. Отмечалось, что до определенного момента идет процесс ее психического развития, после которого наступает процесс социализации продуктов данного развития. Иными словами, под социализацией понимался процесс осознанного вступления личности, сформированной на определенном этапе развития, в социальные взаимодействия с другими. То есть А. Н. Леонтьевым [99] социализация рассматривалась, главным образом, с позиции гуманизации, очеловечивания личности в рамках онтогенеза.

Б. Д. Парыгиным [139] социализация рассматривалась как процесс развертывания интеллектуального потенциала личности, который связан с освоением и присвоением ею социального опыта и его дальнейшего представления в жизнедеятельности личности. Необходимым и ключевым условием социализации обозначалось общение – именно оно делало возможным обмен опытом между разными поколениями индивидов, его последующее освоение в процессе этого отдельной личностью. Общение в процессе социализации делало возможным включение личности в историческую связь прошлого поколения с настоящим. Благодаря этому происходила постоянная последовательная фильтрация традиций, формирование и сохранение лучшего опыта, с последующей трансляцией и его освоением личностью. Это означает, что социализация личности возможна только в процессе взаимодействия с социумом и освоения социального опыта в результате этого.

В свою очередь, И. С. Коном социализация обозначалась как процесс усвоения социального опыта, и не сводилась только к контактам и общению личности с другими. Результатом социализации являлась индивидуальность личности, которая и создавалась в процессе взаимодействия с другими под

воздействием определенных социальных условий, являющихся ключевыми факторами данного процесса. Отмечалось, что индивидуальность создается в процессе социализации «<…> через усвоение определенной системы социальных ролей и культурных ценностей» [85, с. 119]. Главными механизмами социализации являются подражание другим и подчинение позиции большинства. Иными словами, только в процессе освоения социального опыта личность познает свою индивидуальность, через сравнение себя с другими и подражанием им в процессе социализации. В этом случае обращается внимание на идентичность как целостность самосознания личности, которая формируется в процессе социализации в социуме. Становление идентичности личности обеспечивается влиянием множества институтов социализации, наиболее значимым среди которых обозначалась семья.

Б. Г. Ананьевым [10] социализация определялась как процесс становления личности, ее социального формирования. В процессе социализации личность последовательно, проходя определенные возрастные стадии, обретает статус субъекта познания и деятельности. Вначале в детстве происходит освоение игровых функций, затем, уже во взрослости – трудовых функций. Одновременно с этим происходит и изменение социально-ролевых статусов личности, или, другими словами, ее социальное становление в процессе социализации. Это означает, что в процессе социализации личность «социально оформляется» и в процессе этого осваивает различные статусы и роли в обществе.

Г. М. Андреевой делается акцент на особенности понятия сущности социализации в советской психологии как идеи о развитии личности. Подчеркивалось соотношение понятий «социализация» и «воспитание» личности в их широком смысле. Так, «социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны (часто недостаточно подчеркиваемой в

исследованиях), процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [12, с. 338]. Из этого следует двойственность феномена социализации личности. С одной стороны, в процессе социализации происходит усвоение накопленного опыта личностью, что характеризует то, как социум влияет на личность. Одновременно с этим с другой стороны, личность, проявляя социальную активность, воздействует на структуру социальной среды, посредством своих взаимодействий с окружающими. Отмечается, что активность проявляется в поведении личности, а если быть более точным, то через процесс принятия решений, определения цели и выбора стратегии для ее достижения, в чем, собственно, и проявляется влияние личности на социальную среду. Кроме того, в процессе социализации происходит не просто развитие личности, а становление ее самосознания, формирование образа Я, представленного определением собственной идентичности. Это означает, что в процессе социализации посредством влияния социальной среды на личность происходит становление ее идентичности.

Одновременно с этим, Э. Ф. Зеером подчеркивается, что социализация личности невозможна без наличия потребности быть личностью. Она является одним из ключевых социально-психологических факторов и главным критерием эффективности социализации как процесса развития личности под влиянием социальной среды. Так, «развитие психики является основным фактором развития личности, которое происходит в процессе выполнения многоплановых видов деятельности и общения» [68, с. 66]. Из этого следует, что «социализация – это процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизведения социального опыта, осуществляемые в деятельности и общении» [там же]. В этом случае «проводниками» социализации выступают различные формальные и неформальные социальные институты. Также социализация может быть как регулируемой и последовательной, так и стихийной. В качестве примера

регулируемой социализации в социальном институте рассматривается профессиональная социализация личности. Данный процесс связан с развитием специфического профессионального менталитета в процессе освоения определенной профессии, выработкой соответствующего поведения и, что самое главное, идентификацией личности с профессией. Иными словами, в процессе профессиональной социализации, через реализацию профессиональной роли, происходит становление профессиональной идентичности личности.

Рассматривая социализацию как науку, Л. И. Божович подчеркивает, что необходимо изучать личность как структуру, социальную по происхождению и имеющую ключевую значимость в жизнедеятельности индивида. Эта значимость связана с процессом освоения социальных ролей, эффективность которого обеспечивается влиянием факторов социализации на социализирующегося индивида. На примере социализации ребенка отмечается, что отсутствие практического опыта в реализации тех или иных ролей (социально-ролевого опыта) приводит к задержке его социализации. Иными словами, под социализацией подразумевается процесс усвоения личностью продуктов накопленного другими социального опыта, представленного особенностями выполняемых ролей. Это указывает на ключевую роль функции общества в воспитании личности: «социализация ребенка, весь процесс превращения его из организма в психологически зрелого и морально полноценного члена общества, должен осуществляться под контролем воспитания. Именно оно и есть активное и целенаправленное руководство формированием человеческой личности» [29, с. 313]. Это означает, что сущность социализации индивида заключается в целенаправленном процессе становления его личности под влиянием общества.

С. Л. Рубинштейном социализация рассматривалась, как внешне обусловленное воздействие личности на личность. Отмечалось, что процесс социализации личности в детстве «происходит извне, под напором

социальной среды, которая постепенно побуждает ребенка приспособить свою мысль к мысли окружающих и вытесняет из него таким образом заложенный в его природе эгоцентризм» [163, с. 373]. Из этого следует, что в процессе социализации личность научается изменять свою направленность с эгоистической (ориентация на себя) на альтруистическую (ориентация на других). Кроме того, социализация происходит в условиях определенной социальной среды, участники которой воздействуют на личность прямым и косвенным образом, опосредуя ее поведение в социуме, вследствие чего оно обретает характер разумной человеческой деятельности.

Б. Ф. Ломовым социализация связывалась с феноменом отражения, который определялся как ключевой в психологической науке. В процессе социализации происходило включение психической реальности отдельной личности в общую взаимосвязь социальных явлений окружающего мира, посредством отражения. Так, личность не могла бы соответствовать социальной среде, регулировать свое поведение в соответствие с социальными нормами в случае, если бы психика не обладала способностями отражения реальности. Иными словами, социализация связывалась с процессами отражения личности в процессе социогенеза, благодаря которым реализуется ее способность быть относительно самостоятельным целым и проявлять активность в материальном мире. Подчеркивалось, что отражательная способность «обеспечивает ориентировку индивида в среде, организацию и регулирование его поведения, интеграцию организма как целостности» [103, с. 9]. Это означает, что в процессе социализации посредством отражательной способности обеспечивается включение личности в социальное целое как его части.

В исследованиях К. А. Абульхановой-Славской [2] социализация рассматривалась во взаимосвязи с объективацией деятельности личности. Изучалось соотношение личности и реализуемой деятельности посредством социальной активности в процессе социализации. Именно активность личности обеспечивала ее социализацию в обществе и связывала

социализацию с процессом ее становления. Так, в процессе социализации личность реализует определенные действия не спонтанно, а исходя из их социальной обусловленности, тем самым она стремится к оптимизации внешних и внутренних условий, которые способствуют их реализации. Следствием этого является рост психической и социальной активности личности, что способствует развитию самой личности, поскольку в процессе деятельности происходит передача и усвоение накопленного социального опыта. Иными словами, в процессе социальной активности личность объективирует себя в социальном познании, реализации социальной деятельности и взаимодействии с другими.

Таким образом, содержание различных толкований процесса социализации свидетельствует о многогранности данного феномена, в связи с этим требуется выделить основные характеристики данного процесса.

1. Социализация связана с процессом становления личности, который представлен последовательным усложнением внутренней структуры, развитием необходимых черт и характеристик. В процессе социализации личность постепенно развивает новые качества и обретает новые свойства. Одним из основных эффектов социализации является становление идентичности личности, формирование устойчивого образа Я, совокупности представлений о себе и своем месте в окружающем мире.

2. В процессе социализации происходит включение личности во взаимодействия с другими, в чем проявляется воздействие личности на социальную среду и систему социальных связей в ней – проявляя активность и вовлекаясь в отношения с окружающими, личность непосредственно оказывает влияние на среду. Одновременно с этим социальная среда воздействует на личность в процессе ее взаимодействия с другими, прививая ей социальные нормы, установки и ценности. В этом проявляется двойственный характер феномена социализации личности.

3. Важным фактором социализации является потребность личности быть включенной в общество. В этом проявляется социальная природа

личности, ее социальное естество. Личность нуждается в связях с другими, что является ее дефицитарной, базовой потребностью. Социализация возможна при актуализации потребности личности быть включенной в общество и устанавливать связи с другими.

4. В процессе социализации происходит усвоение множества социально-ролевых статусов, и соответствующих им норм и ценностей. Формируется Я-образ личности, представленный осознанием и становлением собственной идентичности, через механизмы отражения социальной реальности в сознании личности.

5. Идентичность является одним из ключевых эффектов социализации личности. Она формируется на основе отношений других к личности и является частью ее социального самовосприятия. Идентичность развивается в процессе социализации под совокупным воздействием различных социально-психологических факторов.

Таким образом, становление идентичности непосредственно связано с процессом социализации личности. Идентичность является эффектом социализации, она обусловлена особенностями исполняемых личностью социальных ролей и направленностью реализуемой деятельности, нацеленной на удовлетворение потребностей как самой личности, так и социума. Одной из наиболее значимых сфер личности является профессиональная сфера. Характеристикой включенности личности в профессиональную сферу является сформированная профессиональная идентичность, которая занимает значимое место в структуре идентичности взрослой личности.

Например, О. А. Успенской подчеркивается значимость профессиональной идентичности в общей структуре идентичности личности, ее связанность с процессом освоения профессии. Так, «работник, идентифицирующийся с организацией, стремится ее поддерживать, способствовать достижению ее целей и интересов, а также чувствует свою эмоциональную привязанность к ней» [194, с. 116]. Отмечается несколько

этапов профессиональной социализации, характеризующихся последовательным погружением личности в профессиональную среду, освоением роли сотрудника организации и принятием профессиональных ценностей.

В свою очередь, А. И. Медынцевой [117] ценности рассматриваются в качестве значимого социально-психологического фактора, обуславливающего процессы социализации и становления идентичности личности. Подчеркивается, что усвоение ценностей связано с непрерывной и последовательной социализацией личности в процессе всей жизнедеятельности. Из этого следует, что ценности являются значимым фактором идентичности личности, в период взрослости они связаны с освоением профессии и продвижения личности в ней.

Е. Н. Волковой и Г. В. Сорокоумовой рассматривается связанность потребностной сферы, субъективного благополучия и социализации личности в виртуальной среде. По результатам исследования установлено, что «в подростковом возрасте основной вклад в психологическое благополучие в контексте социализации в цифровой среде будет вносить удовлетворение потребности в компетентности и потребности во взаимосвязи с другими людьми» [42, с. 12]. Это означает, что в процессе социализации базовые психологические потребности личности являются значимым фактором субъективного благополучия личности. В частности, в процессе социализации в цифровой среде личности реализует свое социальное естество через виртуальные связи с другими. Кроме того, установлено, что основным критерием, объясняющим эффективность социализации личности в виртуальной среде, является просоциальность поведения, представленная через альтруизм и заботу о благополучии окружающих. Это означает, что на современном этапе процесс массовой цифровизации общества одновременно способствует реализации задач социализации личности, цифровые технологии выступают ее орудием,

которые обеспечивают эффективность социализации, что и было установлено в данном исследовании.

О значимости цифровой идентичности высказываются Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова и С. Н. Илюхина. Отмечается, что «рост значимости различных цифровых социокультурных практик и онлайн-пространств их реализации способствует выстраиванию целостной гибридной идентичности, сложным образом совмещающей характеристики, условно относящиеся к виртуальному и реальному мирам» [177, с. 29]. Иными словами, в современных условиях особая гибридная идентичность, формируемая на основе взаимосвязей отдельных видов социальной идентичности с цифровой идентичностью, выступает ключевым эффектом социализации личности в смешанной реальности, охватывающей все ее проявления (в том числе, ее социальный и цифровой аспекты), которые являются неотъемлемой частью бытия современного человека.

Этими же авторами, в рамках концепции социальной идентичности Э. Эриксона, подчеркивается, что «соотношение неизменного и динамичного, целостного и множественного – один из ключевых вопросов в анализе идентичности в условиях конвергенции онлайн- и офлайнмиров в смешанной реальности» [176, с. 43]. Одновременно с этим, выделяются новые направления кризисов идентичности, обусловленные особыми условиями современной реальности: «переосмысление телесности как основы идентичности; потерю контроля над цифровыми достройками и нарушение баланса между человеческим и технологическим как ключевой риск для идентичности достроенной личности» [там же, с. 51]. Иными словами, на данном этапе развития социума актуализируется значимость навыков индивида, по эффективному управлению отдельными надстройками своей смешанной идентичности, что еще раз обращает внимание к феномену множественности идентичности, освещаемому в трудах Э. Эриксона [222].

О соотношении потребностной сферы с эффективностью профессиональной социализации личности в юношеском возрасте отмечается

Н. Д. Тарабаевой и Е. А. Туковой: «потребность в самоактуализации и самореализации подчеркивает важность социально-психологической зрелости для успешного формирования профессиональной идентичности» [183, с. 130]. Одновременно с этим уточняется, что на данном этапе развития личности имеют место быть кризисы идентичности, успешность преодоления которых оказывает влияние на всю структуру идентичности личности. Иначе говоря, становление профессиональной идентичности оказывает влияние на удовлетворенность базовых психологических потребностей личности, является ее социально-психологическим фактором, в особенности, в процессе активного включения в профессиональную роль. К слову, С. А. Лясковской [108] обращается внимание на наличие кризиса, обусловленного отсутствием сформированной системы ценностей персонального Я, неудовлетворенностью своим положением и профессиональным выбором, в связи с чем статус идентичности личности чаще всего не является ее осознанным выбором.

Становление идентичности личности, особенно в период активного включения в социальные связи, связано с освоением множества социально-ролевых статусов. Обоснованным будет утверждать, что в содержательных характеристиках идентичности отражаются эффекты психических процессов личности, связанных с осознанием своей социальной роли и включением, в связи с этим, в ту или иную социальную группу. В этом случае группа выступает субъектом социализации (как источник социальных норм по отношению к личности), а личность – ее объектом (усваивает транслируемые обществом нормы и ценности).

Отдельные характеристики идентичности личности являются отражением направленности ее социальных взаимодействий, ее структурные элементы представлены разными видами идентичности, среди которых профессиональной идентичности уделяется значимое место. Н. Л. Ивановой и И. А. Булгаковым отмечается, что «вопрос соотношения человека и профессии становится актуальным для разработки нового видения на

проблему становления человека как профессионала ввиду изменений, происходящих в окружающем мире» [71, с. 150]. Из этого следует значимая роль становления личности именно в процессе профессиональной социализации, развития себя как профессионала в определенной сфере, соотношение развития личности со способностью освоения профессиональной роли в процессе взаимодействия с другими участниками профессионального коллектива, сообщества. В этом случае становление идентичности происходит в пределах социальных границ, сформированных в рамках профессионально-ролевого статуса, а их безопасное расширение связано с уровнем принадлежности личности к профессиональному коллективу.

Таким образом, все многообразие характеристик идентичности личности обусловлено количеством и направленностью взаимодействий с социальной средой, установленных между личностью и социальными группами в процессе социализации. Одновременно с этим социализация личности связана с освоением личностью социальных ролей и соответствующих им традиций, норм, ценностей и поведенческих моделей.

На примере социализации подростков Д. Н. Слабкой подчеркивается, что «динамика идентичности представляет собой ключевой аспект в процессе социализации подростков, влияя на формирование их мировосприятия, социальных ролей и личностного восприятия» [172, с. 203]. Иными словами, взаимодействие с социумом через освоение многообразия социальных ролей в процессе подростковой социализации выражается в естественном динамичном характере идентичности подростков, изменчивости и нелинейности ее отдельных элементов. Данный эффект оказывает значимое влияние на всю структуру идентификаций личности, что обусловлено взаимосвязанностью соответствующих психических процессов личности.

Также значимую роль в профессиональном становлении молодежи и формировании профессиональной идентичности играет наличие

положительного образа желаемых будущих результатов в освоении выбранной профессиональной роли. Определяющая роль в этом процессе принадлежит ценностной структуре личности. И. А. Ральниковой подчеркивается, что «ценности как фундаментальные мотиваторы личности играют важную роль в формировании ПИ молодежи» [155, с. 65] (ПИ – профессиональная идентичность, прим. автора). По результатам исследования данным автором установлено, что статусы профессиональной идентичности и ценностная структура молодых людей находится в прямой зависимости от условий, в которых они социализируются, где основным фактором выступает влияние семьи. Это означает, что становление профессиональной идентичности происходит уже в процессе первичной социализации личности в семье, где семья выступает основной референтной группой, транслирующей ценности, которые обуславливают профессиональный выбор молодежи. К слову, в исследовании А. В. Рогачевой и В. В. Киселева [157] ранее также было установлено, что семейные традиции и наличие родственников в выбранной профессиональной сфере являются факторами, предопределяющими выбор профессии уже на этапе первичной социализации личности.

Важность школы как одной из референтных социальных групп в процессе социализации личности, отмечается Ю. И. Ганиевой [50]. Так, если под влиянием семьи происходит становление будущих ролевых установок личности, то в школе происходит расширение ее ролевого репертуара и освоение необходимых социальных навыков, связанных с этим. Из этого следует значимая роль школы в вовлечении личности в освоение будущей профессии. Одновременно с этим автором обращается внимание на тот факт, что влияние семьи и школы не должно быть противоречивым. В противном случае это может создавать трудности в освоении профессиональных ролей и становиться причиной ролевого конфликта у школьников, что в целом снижает эффективность социализации личности.

Одновременно с этим, Б. А. Гунзуновой, Д. Р. Галсановой и А. В. Белоусовым установлено наличие значимых закономерностей между самооценкой и профессиональной идентичностью подростков. Так, в процессе социализации в школе «у школьников преобладает статус сформированной профессиональной идентичности, что свидетельствует о способности значительной части респондентов к осознанному построению профессиональных траекторий» [54, с. 210]. При этом, среди компонентов профессиональной идентичности выявлен значимый эффект влияния художественных образов, определяющих будущий выбор профессии подростком.

Одним из этапов становления личности курсантов является их социализация в среде военного вуза, характеризующаяся некоторыми особенностями, в отличие от социализации студентов гражданских (не военных) профессий. И. В. Белюшиной подчеркивается, что «психологический аспект социализации курсантов военных вузов в большинстве своем заключается в формировании их готовности к выполнению служебно-боевых задач, которые могут быть связаны с рисками и стрессом» [22, с. 67]. Это означает, что среда, в которой происходит социализация личности, оказывает значимое влияние на характеристики личности, в том числе – на структуру идентичности. На примере военной социализации курсантов видно, что особую значимость в эффективности социализации курсантов имеет воинский коллектив, т. е. референтная социальная группа по отношению к личности.

А. В. Наумовым и К. Г. Борисовым подчеркивается, что «военная организация как социальная среда может сформировать человека, индивида, если будет развивать его как личность и как воина» [132, с. 183]. Из этого следует, что в условиях военной социализации происходит освоение личностью военнослужащего традиций, норм, ценностей и установок, представляющих сущность особой военной культуры. Военная организация как социальная группа выступает транслятором военных ценностей для

отдельного военнослужащего, чем и объясняется ее значимость для военной социализации личности.

Таким образом, ключевым эффектом военной социализации личности является становление военной идентичности. Становление военной идентичности представлено в изменении ценностной структуры личности военнослужащего. Так, наиболее значимой ценностью для личности военнослужащего становится готовность обеспечивать безопасность общества и государства, даже если это связано с риском для жизни. К слову, другим эффектом военной социализации является способность военнослужащих к критическому анализу, саморефлексии и бдительности, что, по мнению О. С. Михно, определяет «успешность их профессиональной деятельности как в обычных условиях, так и в экстремальных ситуациях» [125, с. 68]. Иными словами, рассмотренная выше ценность социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]), направленная на удовлетворение потребностей социума в безопасности, взаимосвязана с готовностью военнослужащих к риску и самопожертвованию.

Проблема исследования становления военной идентичности в процессе военной социализации личности в современных условиях недостаточно разработана в социально-психологической науке, в силу ряда объективных причин. Из этого следует актуальная потребность в изучении комплекса социально-психологических факторов, влиянием которых обусловлен данный процесс, что и составило цель данного исследования.

1.3. Военная идентичность как предмет социально-психологического исследования

В данном исследовании изучение становления характеристик военной идентичности (военно-ролевой идентичности и приверженности к военному подразделению) неотделимо от изучения особенностей процесса социализации курсантов. Чтобы более полно раскрыть предмет исследования, необходимо подробно рассмотреть ключевые различия между понятиями «становление» и «формирование», в социальной психологии.

Для начала обратимся к содержанию данных понятий. Так, в Толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова понятие «становление» означает «оформление, приобретение новых признаков и форм в процессе движения и развития» [198, с. 651], в то время как понятие «формирование» означает «действие по глаголу «формировать», т. е. «придавать форму чему-нибудь» [там же, с. 727]. Из представленного содержания видно, что главное различие в интерпретации данных понятий заключается в реализации какого-либо действия (внешнего воздействия) по отношению к объекту познания. Иными словами, если становление предусматривает обретение объектом каких-либо новых свойств в процессе стихийного развития, то формирование предполагает обретение подобных свойств у объекта в результате воздействия на него.

Для того, что рассмотреть связь между этими понятиями в психологической науке, вновь обратимся к Большому психологическому словарю Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко [30]. Она заключается в содержании понятий «социализация» и «формирование способностей». Так, отмечается, что способности есть психические свойства личности, являющиеся условиями успешного овладения какой-либо деятельностью. Формирование способностей происходит в процессе усвоения тех видов деятельности, для осуществления которых они являются необходимыми. Однако, если приобретение знаний, умений и навыков – это прямой

результат обучения какой-либо деятельности, то формирование способностей при существующих формах обучения выступает его косвенным, побочным результатом. Это означает, что формирование психических свойств связано с процессом воздействия на личность в результате овладения той или иной деятельностью.

Если же обратиться к содержанию понятия «социализация», то следует обратить внимание на тот факт, что процесс социализации характеризуется как постепенное расширение, по мере приобретения индивидом социального опыта, сферы его общения и деятельности, как процесс развития саморегуляции и становления самосознания. Как уже отмечалось выше, идентичность непосредственно связана с работой самосознания личности (Э. Эриксон [222], У. Джеймс [58], Ч. Х. Кули [96], С. Л. Рубинштейн [163], И. С. Кон [83], Л. С. Выготский [46], В. Ю. Хотинец [203]). Иными словами, в процессе социализации личности, по мере расширения сфер взаимодействия с социальной реальностью и усвоения обретенного опыта в результате этого, и происходит становление идентичности личности как ее нового психического свойства, обусловленного осознанием своей принадлежности к определенному социальному объекту.

Одновременно с этим в Большом психологическом словаре Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко [30] понятие «характеристика» (психологическая) раскрывается как форма изучения индивидуальных особенностей индивида, которая содержит конкретные данные об объекте познания (его поведении, деятельности, особенностях личности, материалы, собираемые путем систематического наблюдения, проводимого в различных жизненных ситуациях). Из этого следует, что понятие «характеристика» может применяться в качестве вспомогательного метода в социально-психологическом исследовании, а его содержание определяется в соответствии с задачей, которая стоит перед исследователем. В связи с этим, исследуемые характеристики такого рода отражают не все психологические

особенности изучаемого субъекта, а лишь те, которые являются наиболее значимыми для решения поставленной в конкретном исследовании задачи.

Таким образом, в данном исследовании становление военной идентичности рассматривается как результат включения личности в определенную социальную группу, которая в той или иной мере связана с военной сферой, как результат осознания своей принадлежности к военной среде и ключевой эффект стихийной военной социализации личности, возникающий в процессе овладения деятельностью, связанной с обеспечением безопасности государства и общества.

Обратимся к истории изучения феномена военной идентичности. Военная идентичность является предметом исследований ученых уже более века. Вместе с тем, наиболее масштабные исследования зафиксированы в трудах зарубежных ученых в годы Второй мировой войны. П. И. Бычковым, Т. А. Терешонок и А. С. Смирновой отмечается, что «принято считать, что первыми кто фундаментально начал изучать проблемы социализации военнослужащих были американские ученые» [38, с. 240]. Однако более подробный анализ демонстрирует несколько иную картину.

Действительно, невозможно переоценить вклад зарубежных ученых в изучение феномена военной социализации и военной идентичности военнослужащих. Одновременно с этим, не стоит умалять и роль отечественных ученых, результаты исследований которых в свое время не только стали передовыми в данной области, но и заложили перспективы на многие десятилетия вперед, что подтолкнуло всю психологическую науку к дальнейшему развитию.

В трудах К. Г. Юнга [224] в содержании артехипа духа использовались образы героя и охотника. Противопоставляя их смысловое наполнение друг другу, представляя через конфликт между основной функцией героя и дополнительной функцией охотника, подчеркивается, что в конечном итоге образ охотника замещается положительным образом героя. Иными словами, обращалось внимание на изменение отдельных аспектов самосознания при

воздействии определенных психотехнологий и факторов социализации, в результате чего даже реализация безнравственных функций со временем воспринимается личностью как норма. Через содержательную подмену образа героя архетип духа в процессе индивидуации становился выразителем запретной части бессознательного, чтобы обеспечить общую целостность личности.

Одновременно с этим в данный временной период образ героя в структуре личности также изучался отечественными психологами. Например, К. К. Платоновым сопоставлялись различные интерпретации образа героя. Было отмечено, что «героем называют то лицо, которое проявило какой-либо вид мужества (храбрость, смелость, отвагу, самообладание, терпение и т. д.), достойного того, чтобы проявленный подвиг был передан потомству в поучение и назидание». Так писал в 1911 году Шумков, первый русский психолог, специально изучавший этот вопрос» [149, с. 299]. Данный факт не только указывает на значимость трудов отечественных психологов начала XX века для развития психологической науки в целом, но и подчеркивает влияние феномена склонности к подвигу и дисциплине. В последующем, результаты изучения данного феномена были положены в содержание теории отражения К. К. Платонова, как высшие формы социально обусловленной активности личности, представленные отражением социального сознания через самоотверженную деятельность личности.

Знаменитым советским нейропсихологом А. Р. Лурией изучались методы восстановления психических функций, нарушенных вследствие физиологических повреждений мозга у военнослужащих. В частности, применялся метод письма для восстановления утраченных функций активного мышления. В результате исследований было доказано, что применение установленной в письме системы артикуляции и совмещение письма с одновременным проговариванием текста ведет к реорганизации функций активного мышления, утраченных вследствие ранений головы.

А. Р. Лурией отмечалось, что «подобная реконструкция, использующая сложную, культурно опосредствованную, внешнюю систему знаков, иллюстрирует тот принцип, что после поражений мозга в процессе восстановления высшие функции могут быть использованы для замещения низших» [105, с. 138]. Одновременно с этим подчеркивалась значимость условий среды, в которой происходит восстановительная социализация военнослужащих после ранений: «чтобы преодолеть затруднения больного в активном мышлении, мы использовали внешние раздражители для организации и активизации его интеллектуальной деятельности» [там же, с. 142]. Из этого следует, что для становления (восстановления) личности важную роль имеют особенности социальной среды, в которой происходит социализация личности. Исследования А. Р. Лурии положили начало активному развитию военной психологии как самостоятельной области психологической науки.

Однако целенаправленное исследование военной идентичности возникло в годы Второй мировой войны, благодаря результатам экспериментов Э. Эриксона. Проводились исследования заболевания военных подводников, в то время обозначавшегося как военный невроз. Отмечалось, «<…> что именно в этих исследованиях была впервые выдвинута идея идентичности» [222, с. 9]. Его исследования послужили толчком к изучению особых форм мужской солидарности в условиях военной агрессии, что впоследствии стало обозначаться военной идентичностью. Изучался новый элемент психики, заставляющий солдат подчиняться даже самым отвратительным и античеловечным приказам со стороны командования. Также разрабатывались психотехнологии его закрепления в сознании солдата. Затем, в послевоенное время изучалась проблема формирования идентичности американской молодежи для противодействия последствиям нацистской гитлеровской идеологии. Из представленных данных видно, какую значимость имело изучение военной социализации и становления идентичности военнослужащих в процессе

этого, для развития всей области психологических знаний. Ключевую роль в становлении военной идентичности имели условия социализации личности, в частности, наличие военной атрибутики в ее различных формах способствовало становлению военного идеала в сознании личности. Одновременно с этим подчеркивалось, «как историческое средоточие многих более частных идентификаций, идентичность военных продолжает по-прежнему доминировать даже у тех, в ком в результате политических событий она не успела сформироваться» [там же, с. 64]. Иными словами, выделялась преобладающая значимость военной идентичности в общей структуре личности, ее преобладание над другими характеристиками идентичности в течение долгого времени с того момента, когда было прекращено воздействие определенных факторов социализации. Это свидетельствует о роли, закреплении и сохранении длительного эффекта воздействия определенных социально-психологических факторов (установок, ценностей, традиций), оказывающих влияние на становление военной идентичности личности.

Послевоенное время также было ознаменовано чередой значимых исследований в области социализации военнослужащих. Как отмечается современными российскими учеными, «в конце 1960-х годов в военной сфере США появился термин «мягкие навыки», который не был связан с профессиональными навыками и умениями, а подразумевал наличие у военнослужащих личностных качеств и навыков, обеспечивающих успешность выполнения служебных задач» [80, с. 160]. К данным «мягким навыкам» авторами относятся такие качества как: устойчивость, умение переносить стресс, гибкость, резилентность, жизнестойкость, ментальная стойкость, сопротивление. Одновременно с этим подчеркивается значимость эффективности социализации военнослужащих как успешной адаптации индивида к особым условиям военной службы.

В продолжение послевоенных исследований, в психологии масс С. Московичи социальная психология сравнивалась с психологией толп.

Отмечалось, что «психология толп глубоко проникла в различные сферы, начиная с военной» [127, с. 65]. Данный факт также указывает на значимость исследований психических явлений в воинских коллективах для развития психологической науки. Также военная идентичность характеризуется «системой родства, принадлежностью к военному корпусу или профессии» [там же, с. 344], что обусловлено, в первую очередь, эмоциональной привязанностью личности к определенным ценностям. Иначе говоря, что в становлении военной идентичности важна эмоциональная вовлеченность личности в специфическую деятельность, связанную с реализацией функции вооруженной защиты государства.

Таким образом, невозможно переоценить результаты трудов ученых во время массовых военных конфликтов прошлого века. Нашим современником американским психологом Д. Майерсом отмечается, что «однако такой живой областью знания, какой она предстает сегодня, социальная психология начала становиться только во время Второй мировой войны, когда психологи выполнили впечатляющее исследование убеждений и морального состояния солдат» [109, с. 13]. Результаты исследований тех лет значительно расширили границы социально-психологического знания, доказали значимость влияния группы и эффектов социального-психологических факторов, на личность и поведение индивида.

К слову, российским ученым П. А. Кисляковым отмечается, что «военные конфликты повышают внутригрупповую солидарность и просоциальные установки, в том числе кооперативное поведение внутри локальных сообществ» [81, с. 225], что подчеркивает значимость социально-психологических механизмов защиты позитивной групповой идентичности в условиях военных конфликтов или их угрозы.

Это указывает на прямую связь между особыми условиями военной службы и феноменом военной идентичности как одного из видов социальной идентичности военнослужащих. Из содержания рассмотренных источников видно, что проблема изучения особенностей военной социализации личности

и становления военной идентичности обретает все большую актуальность, полученные данные имеют важность не только для развития социальной психологии, но и всей психологической науки в целом. Этим обусловлен возросший интерес к изучению феномена военной идентичности как одного из видов социальной идентичности личности, в современных исследованиях.

Одновременно с этим, необходимо принять во внимание рассмотренный выше феномен множественности идентичности. С учетом особенностей становления военной идентичности, ее исследование некоторыми учеными проводится во взаимосвязи с профессиональной и ролевой идентичностью личности.

Так, Л. А. Кузнецовой военная идентичность кадета обозначается как «отражение его ценностного отношения к военной службе, стремление связать свою жизнь со служением Отечеству и твердое желание стать достойным его защитником» [95, с. 69]. При этом отмечается, что процесс становления военной идентичности (от увлеченности до профессионального самоопределения) должен определяться некоторыми особенностями их социализации в учебном заведении, в частности, содержанием их внеурочной деятельности. Используя образовательные технологии, можно определять эффективность становления военной идентичности в процессе социализации подростков в кадетской школе. Кроме того, подчеркивается связанность гражданской и военной идентичности личности. Иначе говоря, проявлением военной идентичности является реализация стремления служить Отечеству и защищать его, чем и опосредовано соотношение данных характеристик идентичности кадет в процессе военной социализации.

В свою очередь, А. И. Черлюнчакевичем военная идентичность представляется в неразрывной связи с профессиональной идентичностью курсантов. Автором предлагается синтез этих двух характеристик личности, отмечается, что военно-профессиональная идентичность курсантов «является сложным психологическим образованием, детерминированным несколькими психологическими явлениями, такими как личностная идентичность,

«самость», Образ-Я, самооценка, и обусловленным особенностями будущей профессиональной деятельности» [210, с. 536]. Отмечается, что данная характеристика личности формируется в процессе социализации в военном вузе и реализации образовательной деятельности. Становление военно-профессиональной идентичности претерпевает кризисы профессионального развития, что соответствует социализации курсантов на 1, 3 и 5 курсах обучения. Кроме того, обращается внимание на тот факт, что военно-профессиональная идентичность взаимосвязана с личными качествами курсантов. Это означает, что военная идентичность взаимосвязана с личностной идентичностью курсантов, поскольку развитие определенных личных военно-ориентированных качеств курсантов сказывается на укреплении их военно-профессиональной идентичности. Кроме того, становление личности курсанта как будущего офицера в процессе социализации в военном вузе является и фактором самореализации курсантов и восприятия себя как успешной личности в обществе, что также указывает на значимость военной идентичности в структуре идентичности курсантов.

М. В. Петровской и Н. В. Купрейчук военно-профессиональная идентичность курсантов раскрывается через отождествление личности с деятельностью по защите государства и общества, и принятие соответствующих социально-ориентированных ценностей. Так, «профессиональная идентичность – это положительное отношение к выбранной профессии, нормам, требованиям, ценностям профессионального сообщества, проявляемая через чувства, эмоции человека, его желание работать в данной сфере, понимание значимости и важности военной профессии для общества» [146, с. 246]. Отмечается, что главной задачей социализации курсантов в военном вузе является развитие необходимых профессиональных ценностей, их принятие личностью как персональных, что и является фундаментальной основой военно-профессиональной идентичности курсантов. Иными словами, направленность личности на общество, разделение социальных ценностей, связанных с обеспечением

безопасности общества и государства, отражает отождествление курсантов с военно-профессиональной сферой.

Схожее по содержанию определение профессиональной идентичности военнослужащих предлагается А. А. Корниенко – это «осознание индивидом своей принадлежности к делу защиты свободы и независимости народа и Отечества, принятие социальных норм и образцов поведения, ценностей и образа жизни военнослужащих» [89, с. 7]. Однако ключевой характеристикой профессиональной идентичности военнослужащих обозначается готовность личности к самореализации через деятельность, которая соответствует традициям и нормам профессионального сообщества. Это означает, что профессиональная идентичность военнослужащих содержит выраженный социальный компонент, отражающий включенность личности в военный коллектив.

Включенность группового компонента в структуру идентификаций личности рассматривается С. И. Дьяковым и С. Ю. Добряком. Утверждается, что военно-профессиональная идентичность есть «результат когнитивно-эмоционально-поведенческого процесса отождествления себя с профессией офицера и военно-профессиональным сообществом» [60, с. 50]. Однако, в отличие от А. А. Корниенко, групповой компонент в структуре военно-профессиональной идентичности курсантов представлен как отождествление с конкретной специальностью. Подчеркивается, что главными целями социализации курсантов в военном вузе должно быть вовлечение личности в освоение той военно-ролевой специальности, подготовка по которой реализована в военном вузе, и формирование значимой внутренней принадлежности к конкретной роли военного специалиста. Это предполагает более высокую значимость группового компонента в структуре военной идентичности, его приоритетность по отношению к индивидуальному, что также отмечается в исследовании Т. В. Мальцевой [112]. Так, у руководящего состава правоохранительных органов среди наиболее значимых показателей субъектности личности были установлены активность,

направленная на достижение целей в деятельности, связанной с обеспечением общественной безопасности, и стремление к построению эффективного взаимодействия с другими людьми. Иными словами, самостоятельная реализация деятельности, нацеленной на обеспечение безопасности общества и государства, очевидно, невозможна, в связи с чем была установлена ее связь с включенностью в группу специалистов в данном направлении.

О значимости влияния группы на процесс становления личности военнослужащего указывается Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришиным. Так, взаимодействие военнослужащих в особых условиях военной среды, для которой характерна обязанность соблюдать требования уставов, «позволяет солдатам приобрести специализированный набор навыков, посвятить себя миссии и впоследствии укрепить сплоченность независимо от товарищеских отношений внутри воинского формирования» [143, с. 4]. Из этого следует значимая роль отождествления себя с группой сослуживцев, в освоении роли военного, при этом значимым фактором, обуславливающим данный процесс, является наличие сплоченности воинского коллектива.

Профессиональная идентичность курсантов понимается Л. М. Медяниковой и Г. Б. Горской как «естественный положительный результат профессионального самоопределения, связанный с выбором профессии и формированием личностных особенностей человека как профессионала» [118, с. 131]. В отличие от других представленных исследований, данными авторами обращается внимание на связанность становления профессиональной идентичности будущих курсантов, с направленностью их образа жизни и референтных социальных групп. Это означает, что становление идентичности курсанта начинается задолго до момента непосредственного поступления в военное образовательное учреждение, и этот процесс обусловлен влиянием значимых окружающих.

В свою очередь С. А. Ворожейкиным военная идентичность рассматривается как «результат успешной военно-профессиональной

социализации, осознания военнослужащими своей военно-профессиональной принадлежности, разделения ее взглядов, ценностей, норм, установок, традиций» [43, с. 338]. Одновременно с этим, обращается внимание на роль воинского коллектива в становлении военной идентичности, на примере социализации курсантов военного вуза. Это означает, что подразделение, в которое включен курсант в процессе социализации в военном вузе, является по отношению к нему референтной социальной группой, в условиях которой происходит становление группового компонента военной идентичности. Иными словами, принадлежность к военному подразделению является значимой характеристикой военной идентичности личности, становление которой происходит в условиях непосредственной социализации в военной среде. При этом группа (подразделение) выступает основным источником социальных ценностей и профессиональных моделей поведения для личности, чем и обеспечивается эффективность ее военной социализации в профессиональной группе.

С. А. Ворожейкиным также рассматривается связанность военной идентичности и референтной социальной группы военнослужащих. Военная идентичность изучается «в качестве одного из важнейших факторов эффективности военно-профессиональной социализации, а также функционирования воинского коллектива» [45, с. 67]. На примере социализации курсантов военного вуза обращается внимание на роль воинского коллектива как субъекта военной социализации, который транслирует военные ценности курсантам, тем самым формируя в сознании необходимый положительный образ военной службы. Это означает, что военная идентичность курсантов основана на принятии военных традиций, ценностей и установок, которые передаются группой, что, в свою очередь, способствует социализации курсантов в среде военного вуза.

Л. А. Кузнецовой также отмечается, что военно-педагогическая идентичность курсанта есть «интегративное качество его личности, отвечающее за его самоотождествление с военной профессией,

взаимодействие с воинским коллективом и военно-профессиональной средой с присущими для этого необходимыми качествами, навыками и ценностями» [94, с. 3]. Из данного определения можно выделить несколько основных характеристик военной идентичности, отражающих отождествление личности с военной средой и с военным подразделением, их можно обозначить как индивидуальный и групповой компоненты военной идентичности. Одновременно с этим обращается внимание на динамичность данных характеристик курсантов в процессе социализации в военном вузе, а именно – на каждом этапе социализации показатели военной идентичности изменяются, их динамика отражает процесс последовательного включения курсантов в освоение роли офицера. Иными словами, необходимо изучать становление военной идентичности в условиях непрерывной социализации в военном вузе, последовательно на каждом из ее этапов.

О значимости особенностей социализации личности в воинском коллективе высказываются Е. И. Панасенко и др. Так, отмечается важность «понимания воинского коллектива как саморазвивающейся и адаптивной системы, способной к трансформации своей структуры, норм и практик в меняющихся условиях» [101, с. 274]. Из этого следует значимая роль военного подразделения как самостоятельной социальной группы, со своими сформированными традициями, ролевой структурой и правилами взаимодействия между участниками.

В то же время, Ю. Г. Быченко и А. Н. Болдыревым отмечается организационная составляющая курсантских коллективов. Так, в условиях социализации в военном вузе современные воинские коллективы характеризуются статичностью, вызванной тем, что «образовательная деятельность осуществляется в рамках норм жесткой дисциплины, порядка, подчинения, статично установленной роли обучаемого и обучающих» [37, с. 12]. Т. М. Баландиной и Ю. Г. Быченко также утверждается, что «деятельность современных воинских коллективов осуществляется в условиях строгой регламентации и стратегической ориентации на защиту

государственных и общественных интересов» [16, с. 40]. Это подчеркивает особую значимость внешних правил организации взаимодействий между участниками воинского коллектива, отсутствие эффекта его самоорганизации и главное отличие от гражданских сообществ.

При этом С. Б. Перевозкиным, Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришиным подчеркивается, что в воинском коллективе формируются коллективные ментальные модели, посредством которых «осуществляется взаимовлияние индивидуальных ментальных моделей членов коллектива, появление общих целей, мотивов, ценностей, отработка взаимодействия и передачи информации» [142, с. 46]. Из этого следует значимая роль военного подразделения для эффективности социализации курсантов в среде военного вуза, поскольку жесткость и статичность внешних условий является одновременно и фактором, усиливающим эффекты группы на личность курсанта, в том числе – и на систему идентификаций с ролью военного.

О значимости коллективной ментальной модели взаимодействия для повышения эффективности совместных действий военнослужащих, высказываются А. В. Спирин, М. И. Федоришин и Ю. М. Перевозкина. Отмечается ее важность для военно-профессиональной деятельности военнослужащих в современных условиях. Так, по результатам теоретического анализа установлено, что «межличностное взаимодействие более эффективно, когда члены команды разделяют ментальные модели, что позволяет им работать эффективней» [179, с. 237]. Иными словами, совместные действия, реализуемые на основе когнитивной ментальной модели взаимодействия, сформированной у группы военнослужащих, способствуют укреплению их идентичности с группой или, иными словами, – отождествлению с воинским коллективом.

С другой стороны, по результатам исследования Е. А. Юмкиной, В. В. Волкова и Л. О. Борисенко отмечается, что «в становлении профессиональной идентичности курсантов и их мотивации к достижениям

большую роль играет семья» [223, с. 25]. Из этого следует, что значимое влияние на становление профессиональной идентичности курсантов, и ее коррекцию при необходимости, оказывается через семейную сферу личности. Также установлено, что одними из наиболее сильных корреляций идентичности курсантов с военной сферой, а также наиболее сильным ее предиктором являются семейные сценарии. Из представленных данных можно сделать вывод, что пример родственников-военнослужащих и наличие семейных традиций службы в армии во многих поколениях являются образцом для подражания и положительной поведенческой моделью для подростков, благодаря чему выбор будущей профессии непосредственно связан с военной сферой. Это указывает на сильную роль семейных (военных) традиций в процессе первичной социализации – семейные ценности, сопряженные с патриотизмом и стремлением защищать свою семью и обеспечивать ее безопасность, являются одними из определяющих в формировании осознанного желания молодого человека связать предстоящую профессиональную деятельность с военной службой. Поддерживаемые старшим поколением мужчин в семье и усваиваемые юношами в процессе первичной социализации, такие ценности формируют ценностную основу будущей военной идентичности курсантов, что указывает на значимость наследственного семейного межпоколенного фактора в формировании военной идентичности, мотивации и направленности курсантов на военную службу.

В свою очередь О. Б. Полушиной и И. В. Жилясовым изучалась проблема самоотношения курсантов, его роль в адаптации к условиям военной социализации в военном вузе и становлении их профессиональной идентичности. Подчеркивается, что «самоотношение в юношеском возрасте не структурировано, расплывчато, неустойчиво, определяется образом жизни, идентификацией с группой, связано с профессиональным самоопределением» [151, с. 410]. Одновременно с этим указывается, что сформированное положительное самоотношение курсантов способствует

эффективной социализации курсантов в среде военного вуза. Из этого следует, что становление идентичности курсантов с военной сферой происходит в семье, в процессе первичной социализации, определяющую роль в этом процессе играет образ жизни курсантов до момента поступления в военный вуз. Иными словами, можно предположить, что некоторые из установок и увлечений, реализуемых в детстве и отрочестве, оказывают (прямое или опосредованное) влияние на военную идентичность курсантов.

Таким образом, ценностные основы профессиональной идентичности будущих офицеров закладываются в семье, а затем в процессе непосредственной социализации в военной среде проявляются и закрепляются в форме соответствующей поведенческой мотивации. Схожие выводы отмечались в исследования других авторов (Ч. Х. Кули [96], А. М. Рагулина [154], О. В. Суворова [181], С. В. Белякова и О. И. Петрунина [23] и др.).

Р. Ф. Гизатулинным в качестве ключевых характеристик идентичности курсантов с военной сферой также обозначаются ценности. Одновременно с этим отмечается, что «профессиональная идентичность курсантов военных образовательных организаций высшего образования характеризуется <…> высоким уровнем удовлетворенности деятельностью» [52, с. 136]. Это означает, что в качестве социально-психологических факторов идентичности курсантов с военной сферой могут выступать элементы потребностной сферы личности, в частности, состояние удовлетворенности отдельных психологических потребностей. Например, по Э. Л. Деси и Р. М. Райану [190], удовлетворенность деятельностью соотносится с потребностью в компетентности. Иными словами, военная идентичность курсантов связана с удовлетворенностью базовой психологической потребности в компетентности, и может выступать ее предиктором.

Схожая позиция о значимости потребностной сферы курсантов выражается А. К. Туртаевым. Так, уточняется, что «важным аспектом направленности личности курсанта является его мировоззрение – это

совокупность знаний, убеждений и взглядов на мир и общество. Мировоззрение определяет жизненные цели, характер потребностей и мотивацию деятельности» [189, с. 157]. Из этого следует, что потребности определяются направленностью личности, через Я-концепцию курсантов, которая включает идентичность с военной сферой. Кроме того, среди всех элементов потребностной сферы выделяется значимость потребности в овладении ролью офицера и отличной учебе, что также можно охарактеризовать как базовую психологическую потребность в компетентности.

M. Kleykamp, S. Montgomery, A. Pang, K. Schrader в интерпретации военной идентичности опираются на теорию самодетерминации Г. Тэшфела и Д. Тернера. В частности, обозначается, что военная идентичность является одним из видов социальной идентичности, и включает в себя осознание принадлежности к принадлежности к новой группе, усвоение ее ценностей и норм, восприятие себя как ее участника и сравнение членов своей группы с представителями других групп: «военная идентичность была описана <...> как социальная идентичность, которая включает в себя признание нового членства в группе, усвоение ценностей и норм группы, восприятие себя в качестве членов этой новой группы, а затем сравнение этой группы с другими» (перевод автора, оригинал текста: «military identity has been described <…> as a social identity that involves recognizing a new group membership, internalizing the values and norms of the group, seeing themselves as members this new group, and then comparing that group to others» [236, с. 375]). Одновременно с этим подчеркивается роль военной идентичности как значимой характеристики личности, оказывающей влияние на вовлеченность личности в освоение военной деятельности. Установлено, что высокая военная идентичность затрудняет процесс перехода от военной социализации личности к гражданской социализации после окончания военной службы, в то время как низкая военная идентичность облегчает данный процесс. Иными словами, наличие сформированной военной идентичности является той

характеристикой личности, которая повышает эффективность ее военной социализации непосредственно в военной среде.

Более подробный анализ международных практик реабилитации военнослужащих после участия в боевых действиях представлен П. А. Кисляковым, Я. В. Шимановской и Н. П. Константиновой. Отмечается роль личностно-ориентированного подхода и социально-педагогических технологий как критериев эффективности реабилитации военнослужащего. Из результатов анализа видно, что в случае если «реабилитационная программа строится вокруг индивидуальных потребностей, ценностей и целей ветерана, а не вокруг его диагноза» [79, с. 228], вероятность успешной ресоциализации и вовзращения ветерана к полноценной гражданской жизни значительно увеличивается. Иными словами, подчеркивается эффективность воздействия на потребностную сферу и ценностную систему военнослужащего для восстановления целостности его личности после участия в боевых действиях.

C. Heward, T. Y. Chun, P. A. Waterworth военная идентичность также рассматривается как значимый эффект военной социализации личности. Отмечается, что военная идентичность есть результат военной социализации личности и ее адаптации к военной службе, она формируется в процессе освоения военной культуры и взаимосвязана с личностной идентичностью: «военная идентичность, являющаяся продуктом этого уникального культурного контекста, в дальнейшем формируется и поддерживается социальными процессами, <...> переплетается с личными идентичностями и обеспечивает основу для позиционирования в военном социокультурном контексте» (перевод автора, оригинал текста: «military identity, a product of this unique cultural context, is further shaped and maintained by social processes, <…> intertwines with personal identities, and provides a framework for positioning within the military sociocultural context» [234, с. e2382]). Одновременно с этим обращается внимание на связанность личной и военной сферы личности, а именно – характеристики военной и личностной

идентичности в структуре идентичности демонстрируют сильную корреляцию. Из этого следует значимая роль военной идентичности в общей системе идентификаций личности.

S. Sachdev, S. Dixit становление военной идентичности также связывают с вовлеченностью личности в военную службу. Отмечается, что отождествление с профессией военного связано с особым образом жизни в процессе военной службы: «военная служба есть профессия и особый образ жизни, с которым военнослужащие идентифицируют себя в разной степени» (перевод автора, оригинал текста: «military service is a profession and a distinct way of life with which military members identify to varying degrees» [239, с. 579]). Также подчеркивается, что образ жизни военнослужащего основан на освоении военной культуры, представленной преимущественно в особых ценностях, таких как: чувство долга, честь, готовность к самопожертвованию, стремление соблюдать военную дисциплину, стремление признавать авторитет военной власти, преданность сослуживцам и своей нации. Иными словами, военная идентичность характеризуется усвоением необходимых ценностей, которые способствуют повышению эффективности военной социализации личности и формированию соответствующего поведения в условиях военной среды.

В. Н. Лымаревым изучался вопрос соотношения ценностных характеристик и профессиональной идентичности курсантов. Подчеркивается, что «процесс интеграции складывается в период обучения курсантов в вузе Росгвардии и выступает основой для успешного процесса профессиональной идентичности с военной профессией, механизмом вхождения курсантов в военно-профессиональное сообщество» [106, с. 142]. Иными словами, идентификация с профессией и ролью военного является механизмом военной социализации личности, в процессе обучения. Находясь в особой военной среде военного вуза, посредством профессиональной идентификации происходит усвоение военных традиций, ценностей, установок и норм. Их внедрение в личностную структуру курсантов затем

становится основой их мотивации на освоение роли офицера. Это указывает на особую, фундаментальную роль ценностей в становлении идентичности курсантов с военной сферой.

Проблема соотношения ценностей просоциальной направленности и профессиональной идентичности курсантов более подробно рассмотрена П. А. Камбалиной. По результатам исследования установлена значимая роль патриотизма как профессионально образующей ценности, в процессе социализации курсантов в военном вузе. Отмечается, что «благодаря патриотическому воспитанию, осуществляемому в образовательных организациях ФСИН России, у курсантов происходит становление профессиональной идентичности как будущих офицеров» [74, с. 352]. Проявление патриотизма как одной из базовых духовно-нравственных ценностей, связано с преданностью, любовью к Родине, со стремлением ее защитить, что представлено как нацеленность личности на общество, а не на себя. Кроме того, обращается внимание на тот факт, что данная ценность просоциальной направленности является фундаментом как для профессиональной, так и для гражданской идентичности курсантов. Из этого следует значимая роль отдельных ценностей в становлении разных характеристик идентичности курсантов, что представляет научный интерес для будущих исследований.

По результатам изучения взаимосвязи ценностных ориентаций курсантов и особенностей освоения роли военного в условиях военного вуза, С. Б. Перевозкиным и Ю. М. Перевозкиной отмечается, что «представляя образ офицера, и формируются ценностные ориентации для обучения и освоения военной профессией» [140, с. 31]. Это означает, что ценности оказывают одно из определяющих значений на стремление подростка освоить роль военного и офицера, что, в свою очередь, и является значимым фактором при выборе поступления в гражданский или военный вуз. В частности, приоритет социальной ответственности над личной ответственностью обуславливает становление принадлежности к военной

сфере уже на этапе первичной социализации курсантов до момента поступления в военный вуз. Кроме того, данный эффект также может свидетельствовать о сильной взаимосвязи гражданской и военной идентичности, поскольку стремление обеспечивать безопасность государства и общества является одновременно и готовностью проявлять соучастие в гражданско-государственной сфере социального бытия личности.

Так, Е. В. Дроздовой рассматривается символический аспект военной идентичности и его связь с формированием ценностей просоциальной направленности. Так, роль некоторых символов, связанных с ростом военной эффективности государства, посредством политического контекста повлияла на укрепление ценностных характеристик военной идентичности личности современного гражданина России. Подчеркивается, что «результатом данных процессов стало усиление амбивалентных характеристик ценностно-символического пространства российской военной идентичности по векторам» [59, с. 164], где в качестве векторов выступают ценности безопасности, порядка и мира. Данные категории также относятся к ценностям социального фокуса, и являются содержательными характеристиками ценностной ориентации «безопасность-общественная», по Ш. Шварцу [196]. Иными словами, данные ценности являются ключевыми социально-психологическими факторами военной идентичности. Кроме того, из представленного определения следует, что военная идентичность является одной из характеристик идентичности личности, деятельность которой может быть не связана с непосредственной реализацией задач военной службы. Иными словами, военная идентичность может являться одной из основных показателей структуры идентичности каждого гражданина России.

Однако результаты исследований также показывают, что ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]) не всегда являются определяющим фактором военной идентичности. Например, В. Я. Гожиковым, П. В. Поветьевым и С. А. Шкондой изучалось соотношение ценностной сферы и военно-служебной идентичности

личности. Из полученных результатов установлено, что «для военнослужащих по призыву Росгвардии характерен недостаточный уровень военно-профессиональной идентификации (проявляется тенденция «дифференцировать» ценности «для военной службы» (нормативный уровень) и «для себя» (личностный уровень)» [53, с. 82]. Это означает, что ценностные детерминанты военнослужащих-призывников и курсантов имеют существенные различия, что обусловлено значимостью отождествления личности с военной сферой. Так, если курсанты переживают социализацию в среде военной организации как необходимый этап для освоения роли офицера, то солдаты – как условия, не способствующие и препятствующие реализации их личных целей.

Такое различие эффектов военной социализации обусловлено, в том числе, ее длительностью. Процесс социализации курсантов в среде военного вуза происходит в течение длительного пятилетнего периода, в том время как срок социализации солдат, проходящих военную службу по призыву в воинской части, составляет всего один год. Очевидно, что в течение более длительного периода в системе идентификаций личности происходят более значимые и глубокие изменения. В частности, особенности социализации курсантов военных вузов дают возможность рассмотреть процесс становления характеристик их идентичности более подробно. Это можно рассматривать как социально-психологический эксперимент в естественных условиях военной среды (по Д. Майерсу «изучение важных переменных в естественных условиях» [109, с. 30]), где в качестве исследуемых переменных выступают характеристики идентичности курсантов, а независимыми переменными становятся социально-психологические факторы, обуславливающие изменения зависимых переменных.

Несмотря на тот факт, что становление военной идентичности более подробно можно изучить на примере социализации курсантов военных вузов, подход разных ученых к изучению конкретных этапов их социализации в военной среде отличается.

Например, Т. С. Просветовой военно-профессиональная социализация курсантов рассматривается как часть общего процесса социализации, эффективность которой определяется их социализированностью. Отмечается, что социализированность следует обозначать как «приобретение и владение совокупностью ролевых ожиданий и предписаний на основе усвоения и выработки социокультурных и военно-профессиональных, мировоззренческих и ценностных ориентаций; социальных и военно-профессиональных установок; социальных и военно-профессиональных норм» [152, с. 216]. Иными словами, военная социализация связана с процессом освоения роли военного и содержательных характеристик ценностной системы военнослужащих, что выражается в сформированной военной идентичности личности.

И. В. Белюшиной рассматривается отличие социализации курсантов в среде военного вуза от их социализации до момента поступления в военную образовательную организацию. Отмечается, что в процессе социализации можно выделить такие этапы как: «первичный, осуществляемый преимущественно в детском и подростковом возрасте, в ходе которого происходит усвоение знаний, умений, навыков, накопление опыта», и «вторичный – этап выполнения человеком социальных ролей, обновление и углубление полученных ранее знаний, умений и навыков» [22, с. 66]. Из этого следует, что военную социализацию курсантов необходимо рассматривать как единый непрерывный процесс, который начинается задолго до включения личности в военную среду и носит преимущественно стихийный характер, и затем продолжается уже в процессе непосредственного включения в военную среду с целью полноценного исполнения роли военного.

Изучая влияние смысложизненных ориентаций на идентичность курсантов с военной сферой, О. С. Михно и В. С. Катрецким [126] в состав выборки были включены курсанты 1 и 4 курсов, что соответствует первоначальному и завершающему этапу социализации курсантов в военном

вузе. По результатам исследования установлено, что профессиональная идентичность воспринимается курсантами 4 курса как навязанная, в том время как курсантами 1 курса – как неопределенная. Из этого можно сделать вывод о том, что в процессе социализации в военном вузе на определенном этапе происходит изменение личностного отношения к будущей роли офицера, что проявляется в качественном и количественном изменении показателей профессиональной идентичности курсантов.

Е. А. Соколовой, Е. С. Григорян и Р. М. Ахмедовым социализация курсантов в военном вузе рассматривается как первичная социализация офицера. В связи с этим предлагается исследовать «три стадии профессиональной социализации: адаптирование, индивидуализацию и интеграцию» [175, с. 280]. Так, первая стадия включает социализацию курсантов до момента поступления в военный вуз и в процессе обучения с 1 по 3 курс военного вуза. Вторая стадия соответствует социализации курсантов на старших 4-5 курсах. Заключительная стадия совпадает с завершением социализации в военном вузе и соответствует полноценному включению курсантов в роль офицера после выпуска. Однако мы не можем полностью согласиться с таким подходом, поскольку первичная социализация не всегда связана со стремлением овладеть именно ролью офицера. Ключевым фактором эффективности военной социализации личности служит нацеленность освоить, в первую очередь, именно общую роль военного. Иными словами, личность отождествляет себя с ролью военного в контексте реализуемой деятельности по обеспечению безопасности государства и общества.

Д. А. Семенищенковым и Л. Д. Сыркиным делается акцент на изучении первоначального этапа социализации курсантов в военном вузе, условия которого соотносятся с условиями военнослужащих по призыву. Так, установлено наличие нескольких аспектов военной социализации курсантов, «одним из которых выступает социально-психологическая адаптация, формирующаяся в процессе принятия норм, ценностей и установок

социальной группы и освоении новых социальных ролей, а вторым – личностно-профессиональная адаптация, возникающая в ответ на нормы и требования конкретной профессии» [171, с. 85]. Из этого следует, что социализации курсантов протекает одновременно на двух уровнях: восприятия себя в роли военного и в роли члена военного подразделения, чем и может быть обусловлено наличие личностного и группового компонента военной идентичности военнослужащих.

Несколько другой подход к разграничению этапов социализации курсантов применяется С. В. Бобаровым. Отмечается, что становление курсантов проходит через «рекрутский, профессиональный, лидерский и переходный этапы» [27, с. 262]. В качестве сравнительного критерия для оценки различий между этапами были обозначены степени освоения специальных навыков и вовлеченности курсантов в учебно-служебную деятельность. Такой подход интересен с позиции уникальности предложенного автором критерия, поскольку он отражает одну из основных отличительных особенностей военной социализации будущих офицеров – последовательное освоение определенных военно-социальных ролей. Однако невозможность соотнести предложенные этапы становления личности курсантов с этапами их обучения в значительной степени осложняет возможность поиска и анализа факторов, оказывающих влияние на эффективность военной социализации курсантов и становление военной идентичности в процессе этого. Так, значительная часть условий социализации обусловлена особенностями обучения курсантов, являющимися факторами-детерминантами по отношению к становлению личности будущих офицеров и, при этом, значительно отличающимися от курса к курсу. Следовательно, необходимо исследовать особенности социализации последовательно на каждом из этапов (курсов) освоения роли военного. Кроме того, каждый из этапов социализации в военном вузе сопровождается постепенным вовлечением курсантов в роль военного. Такой подход также используется некоторыми авторами.

В частности, Р. А. Терехиным и О. Б. Полушиной проводится более подробная интерпретация этапов социализации курсантов военного вуза. Так, 1 курс обучения в военном вузе соответствует первоначальному этапу военно-профессиональной социализации курсантов, 3 курс – этапу целенаправленной военной подготовки, и 5 курс – завершающему этапу. Данный подход к изучению особенностей социализации курсантов в военном вузе является более подходящим для цели нашего исследования. Кроме того, авторами делается акцент на кризисность социализации курсантов на 3 курсе обучения в военном вузе: «резкое снижение лидерских качеств характерно для курсантов 3 курса военного института, что подтверждает кризисность данного этапа социализации» [186, с. 251]. Из данных результатов можно сделать вывод о том, что социализация курсантов в военном вузе характеризуется наличием кризисного периода, который выражается через снижение некоторых показателей личности курсантов, в частности лидерских качеств, что является одной из ключевых характеристик будущего офицера.

С другой стороны, С. В. Лычагиной [107] изучались различия в показателях профессиональной идентичности курсантов 2 и 4 курсов. По результатам исследования выявлено, что значимые различия между показателями профессиональной идентичности курсантов 2 и 4 курсах не выявлены. Одновременно с этим, обращается внимание на различия во внешних условиях курсантов, которые отличаются на разных этапах социализации. Из этого следует, что на данных этапах социализации идентичность курсантов с военной сферой определяется не внешними условиями социализации, а внутренними социально-психологическими факторами. Вероятно, что различия имеются в отдельных характеристиках идентичности данного вида, что может быть связано с кризисным периодом (по Р. А. Терехину и О. Б. Полушиной [186]).

Однако наиболее подробно проблема кризисов в процессе социализации курсантов в военном вузе раскрывается Р. Р. Галиевым. Отмечается, что этапы социализации курсантов соответствуют отдельному

курсу обучения в военном вузе. При этом весь процесс социализации в военном вузе сопряжен с чередованием кризисных и относительно стабильных этапов, переживание которых представлено ориентацией личности либо на себя, либо на социум. Одновременно с этим подчеркивается, что наиболее выраженный кризис представлен на 3 курсе обучения: «третий курс обучения сопровождается кризисом становления будущих офицеров, в его условиях курсанты личностно растут и ищут субъективно значимые смыслы приобретаемой профессии» [48, с. 84]. Из этого следует, что наиболее выраженный кризис становления курсантов происходит на 3 курсе обучения, когда происходят резкие переломные изменения в структуре личности, в то время как на 2 и 4 курсе обучения изменения протекают более плавно, что обозначается автором как относительно стабильные этапы социализации.

Из представленных исследований видно, что на данном этапе проблема становления военной идентичности в процессе социализации личности не только не потеряла своей актуальности, но и является одной из центральных в современной социальной и военной психологии. Научный интерес представляет изучение места военной идентичности в структуре идентичности личности, динамики ее показателей в процессе военной социализации личности на разных этапах, ее обусловленности различными социально-психологическими факторами и их соотношениями.

Естественные условия социализации курсантов в среде военного вуза обеспечивают возможность рассмотреть объективную картину изменений характеристик военной идентичности в динамике. Данный подход позволит проследить взаимосвязь становления характеристик военной идентичности с особенностями каждого из этапов социализации в военном вузе, установить наиболее значимые факторы-детерминанты, определяющие военную идентичность курсантов, и оценить их вклад в становление характеристик военной идентичности.

Таким образом, изучение становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза является предметом данного социально-психологического исследования, а полученные результаты позволят расширить границы психологических знаний о военной социализации личности.

Одновременно с этим, принимая во внимание многогранность феномена военной социализации личности, стоит подчеркнуть, что военная идентичность является одновременно и эффектом социализации курсантов, и, в некотором роде, формой выражения личности в военной среде. Как отмечалось С. Л. Рубинштейном, «между внутренними и внешними проявлениями человека, между его сознанием и поведением всегда существует связь, в силу которой внутренняя психологическая природа акта деятельности сказывается и на внешнем его протекании» [163, с. 31]. Это означает, что внешние и внутренние проявления личности не являются зеркальными, связь между ними опосредована совокупным эффектом множества социально-психологических факторов и особенностей социальной среды, в которой протекает социализация личности.

Следовательно, эффекты влияния данных факторов и особенностей военной социализации курсантов возможно проследить по качественному и количественному изменению отдельных элементов личностной структуры, в частности – характеристик идентичности курсантов. Именно они являются теми измеряемыми психическими образованиями личности, динамика которых будет отражать процесс военной социализации курсантов. С. Л. Рубинштейном подчеркивалось, что «всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т. д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении» [163, с. 36]. Это означает, что изучение становления характеристик военной идентичности курсантов одновременно является и изучением особенностей их военной социализации, и неотделимо от нее.

Таким образом, в соответствии с концепцией социальной идентичности Э. Эриксона, Г. Тэшфела, Д. Тернера, а также других ученых, изучающих особенности становления идентичности, обоснованным будет утверждать, что военная идентичность является одним из видов социальной идентичности личности и обладает всеми признаками, присущими данной социально-психологической категории. Исходя из анализа представленных определений военной идентичности личности, необходимо обозначить характерные особенности данного феномена.

1. Военная идентичность является одним из видов социальной идентичности личности. Как характеристика личности, она занимает значимое место в структуре идентичности. Ее сформированность проявляется через включенность личности в военную сферу и нацеленность на реализацию деятельности, связанной с обеспечением безопасности других.

2. Становление военной идентичности отражает социальную направленность личности, что представлено в формировании особых военных и социальных ценностей, разделении традиций и норм военного сообщества, их преобладании над ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]).

3. Становление военной идентичности характеризуется сформированностью индивидуального компонента, отражающего включенность личности в военную сферу в целом, и группового компонента, отражающего принадлежность личности к военному сообществу, коллективу, подразделению.

4. Становление военной идентичности происходит задолго до включения личности в военную среду. Военная идентичность является результатом определенного образа бытия индивида, включающего провоенную деятельность в подростковом возрасте и влияние участников значимых референтных групп.

5. Изучение особенностей становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военных вузов может являться предметом социально-психологического исследования. Становление характеристик военной идентичности происходит в процессе непрерывной социализации курсантов, которая начинается до поступления в военный вуз и затем продолжается в нем.

6. Ключевую роль в становлении военной идентичности в процессе первичной социализации курсантов играет семья, в процессе социализации в военном вузе данную роль выполняет военное подразделение.

7. Содержательные характеристики военной идентичности включают личностный компонент, отражающий включенность личности в военную сферу, и групповой компонент, отражающий отождествление личности с группой сослуживцев одного подразделения.

8. Динамика характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов обусловлена совокупностью социально-психологических факторов и их соотношений, эффекты влияния которых отличаются на каждом из этапов социализации.

1.4. Ценности, установки, увлечения, потребности как факторы идентичности и социально-психологические факторы военной идентичности

Проблема значимости влияния определенных условий на формирование идентичности неоднократно изучалась среди зарубежных и отечественных ученых.

Например, Э. Эриксоном утверждалось, что новое психическое образование в структуре личности может возникнуть в том случае, когда для его появления в прошлом были созданы необходимые психологические условия. Так, отмечалось, что «и внутренние условия и внешние обстоятельства усиливают болезненное или восторженное «сознание идентичности» [222, с. 32]. Этим утверждением подчеркивалась особая роль некоторых условий, в которых протекало бытие личности, а также выделялся тот факт, что формированию любого психического конструкта предшествует воздействие определенных условий, которые обозначались как факторы.

С другой стороны, в результате изучения соотношения влияния наследственных и обретенных в процессе социализации личности факторов, Р. Б. Кэттеллом, Г. Ю. Айзенком, Г. В. Оллпортом было установлено, что более 2/3 личностных характеристик индивида определяются именно влиянием окружающей социальной среды, в том время как всего лишь 1/3 личностных характеристик имеют в своей основе биологический наследственный фактор. Это означает, что именно в процессе социализации, через влияние некоторых социально-психологических факторов, индивид обретает свое социальное естество посредством формирования черт и качеств личности. Отмечалось, что данные факторы проявляются в личностных чертах индивида: «как теперь показывают исследования, эти исходные черты соответствуют реальным унитарным силам – физиологическим, темпераментальным факторам» [98, с. 23]. Из этого

следует, что отдельные факторы опосредуют становление личностных структур индивида и, в том числе – формирование идентичности.

Одновременно с этим Р. М. Шамионовым отмечается, что профессиональная социализация начинается задолго до фактического выполнения самой профессиональной деятельности, и ее значимую часть составляет профессиональный аспект. Подчеркивается, что, несмотря на тот факт, что феномен профессионального определения в процессе социализации изучается многими учеными, «сегодня остаются нерешенными вопросы относительно мотивации, ценностно-смысловых оснований, установочных и иных факторов профессионального самоопределения» [213, с. 93]. Также предлагается разделение совокупности всех факторов на объективные и субъективные. К первой группе относятся факторы, связанные с изменением внешних условий, в которых социализируется личность. Во вторую группу включаются факторы, связанные с развитием самой личности, изменением потребностной сферы и т. д. Предлагаемая интерпретация субъективных и объективных факторов напоминает градацию внешних и внутренних условий социализации по Э. Эриксону [222]. Одновременно с этим, на наш взгляд, она является более точной и подчеркивает роль факторов относительно самой личности, а не условий, в которых личность социализируется.

Т. Парсонсом обращается внимание на факторы приверженности личности к определенным социальным системам. В предлагаемой интерпретации «речь идет о спецификации общих ценностных паттернов на уровнях, необходимых для их работоспособного сочетания с другими факторами, требуемыми для их внедрения в конкретном действии» [138, с. 56]. Иначе говоря, феномен идентичности как приверженности личности к чему-либо, связан с ценностными паттернами, сформированность и реализация которых обеспечивается другими социально-психологическими факторами, т. е. факторами приверженности (идентичности).

В свою очередь С. Л. Рубинштейном обращается внимание на совокупный эффект факторов, обуславливающих идентичность личности. На

примере значимости влияния факторов, объясняющих становление личности ребенка в процессе первичной социализации, отмечается что «оно определяется единством внутренних и внешних условий, данных во внутренней связи и взаимопроникновении» [163, с. 159]. Из этого следует, что становление идентичности личности протекает под влиянием, совокупного эффекта множества внешних и внутренних факторов, взаимосвязанных между собой. Одновременно с этим эффект отдельно взятого фактора в формировании идентичности может отличаться от эффекта соотношений внешних и внутренних факторов.

А. Р. Лурией в изучении развития личностей близнецов рассматривалась роль биологических и культурных факторов. Так, «высшие психические функции человека возникают в результате сложного взаимодействия биологических факторов, являющихся частью физической природы, и культурных факторов, появившихся в ходе длительной истории человечества» [105, с. 44]. В результате исследования было установлено, что на разном этапе развития личности роль биологических и социальных факторов в становлении идентичности, при непосредственном влиянии социальной среды, отличается. В частности, до наступления возраста 11 лет определяющая роль принадлежит физиологическим факторам, в то время как после 11 лет – социальным факторам. Кроме того, так же было установлено, что, несмотря на влияние одних и тех же факторов на близнецов, эффекты от их восприятия конкретной личностью отличаются. Иными словами, одни и те же факторы идентичности могут оказывать одинаковое влияние на разных индивидов, находящихся в одной и той же социальной среде, однако эффекты их влияния переживаются ими по-разному, что выражается в разных показателях идентичности у разных индивидов.

Таким образом, становление идентичности опосредовано совокупным эффектом субъективных и объективных факторов (по Р. М. Шамионову [213]), взаимосвязанных между собой. Однако, в зависимости от социально-ролевых идентификаций личности, роль определенных факторов может

преобладать. Вследствие этого необходимо определить наиболее значимые и актуальные социально-психологические факторы, обуславливающие становление идентичности личности.

Т. В. Евгеньевой изучалось влияние символического пространства как одного из факторов национальной идентичности, на примере исторических образов, установок и стереотипов. Отмечается, что респонденты связывают свою национальную идентичность с некоторыми значимыми руководителями своей страны и их заслугами, также значимым фактором «являются исторические символы – события и герои, в них участвовавшие» [61, с. 112]. Из этого следует, что отождествление с определенной национальностью и государственностью усиливается восприятием персональной причастности к заслугам родной страны, гордости за ее достижения и достижения выдающихся сограждан. Иначе говоря, национальная идентичность личности положительно подкрепляется историческими символами, с которыми личность переживает сопричастность. Данный психический механизм также реализуется и по отношению к другим характеристикам идентичности, в том числе с военной идентичностью – личность переживает сопричастность с воинскими символами и образами военной службы.

О влиянии ценностей на гражданскую идентичность указывается В. А. Федотовой и Е. В. Черкасовой. Отмечается, что процесс становления этнической и гражданской идентичности личности протекает под влиянием «факторов социокультурного контекста – культурного, исторического, политического и экономического» [201, с. 140]. При этом наиболее значимыми социально-психологическими факторами обозначаются ценности, составляющие основу культуры личности. В контексте проведенного исследования особая роль в формировании гражданской идентичности отводилась изучению влияния социокультурных факторов, к числу которых относились и социальные ценности. Как отмечается авторами, система ценностей воспринимается личностью как система социальных ориентиров, облегчающих взаимодействие с социумом, следуя которым,

личность реализует свое социальное естество и транслирует окружающим свою идентичность, как эффект социализации в той или иной социальной группе. Другим социокультурным фактором гражданской идентичности выделяется политический фактор, интерпретируемый с точки зрения территориальной целостности. Иначе говоря, восприятие принадлежности к конкретному государству представляется через приятие личностью своей ответственности за сохранение территориальной целостности и социальной устойчивости. Это может означать, что нацеленность личности на обеспечение целостности государства является одним из наиболее значимых ценностных предикторов гражданской идентичности личности.

Значимое исследование о представлениях о войне и победе у современной молодежи проведено Е. В. Рягузовой и Т. И. Черняевой [166]. Из полученных результатов видна высокая согласованность социальных репрезентаций о войне и победе, в общественном сознании. В рамках нашего исследования необходимо обратить внимание на содержание ценностнного аспекта выявленных репрезентаций молодежи. Так, если категория «война» ассоциируется с выживанием и долгом перед Родиной, то категория «победа» – со свободой, безопасностью, сохранением традиций. Одновременно с этим личностный аспект категории «войны» включает в себя героизм, отвагу, доблесть, категории «победа» – патриотизм и силу. Полученные данные свидетельствуют о наличии устойчивых связей между понятиями о войне и победе в коллективной памяти наших соотечественников. И в то же время они указывают на фундаментальную роль отдельных ценностей просоциальной направленности в становлении гражданской и, возможно, военной идентичности личности, поскольку данные ценности являются социально-психологическом фактором социальной идентичности.

Одновременно с этим, гражданская идентичность сама является фактором, характеризующим включенность личности в государственную сферу. Н. Л. Ивановой и Г. Б. Мазиловой отмечается, что становление гражданской идентичности «может выступать фактором позитивного

включения индивида в деятельность государства, развития активности в установлении социальных связей и разумного отношения к ресурсам» [70, с. 59]. Из этого следует, что гражданская идентичность взаимосвязана с активностью личности, и является как результатом идентификаций с государством, так и социально-психологическим фактором, обуславливающим активность личности во взаимодействиях с институтами государства, в том числе – с военным организациями. Иными словами, идентичность определяет активность личности, через стремление к удовлетворению потребностей.

О. В. Конаш [86] рассматривался деятельностный аспект процесса становления профессиональной идентичности. Результаты исследования указывают на значимость готовности личности к реализации профессиональной деятельности как одного из факторов профессиональной идентичности. Это означает, что психическая установка личности, воспринимаемая как готовность выполнять ту или иную деятельность, сформировавшаяся на определенном этапе освоения профессии, есть фактор, который обуславливает становление профессиональной идентичности. В этом случае, реализация данной установки в отношениях с окружающими соучастниками профессионального коллектива будет являться важной характеристикой личности как профессионала, успешно освоившего необходимые навыки, а также изъявившего желание к выполнению будущей профессиональной деятельности.

С другой стороны, Е. К. Сауковой-Сальниковой изучалось влияние факторов мезоуровня и макроуровня и личностных факторов на становление профессиональной идентичности личности. Установлено, что «профессиональная идентичность предопределяется личностными качествами, тем не менее, неочевидные факторы внешней среды также накладывают отпечаток на процесс становления профессиональной идентичности» [170, с. 97]. Если исследуемые факторы мезоуровня и макроуровня отнести к объективным факторам, а личностные факторы к

субъективным факторам, то можно сделать следующий вывод: идентичность личности в большей степени определяется субъективными факторами, т. е. свойствами самой личности, при непосредственном влиянии объективных факторов – условий социальной среды, в которой социализируется личность. Иными словами, одновременное влияние внешних и внутренних условий на идентичность личности взаимосвязано и дополняет совокупный эффект социализации.

Т. Сабировым в процессе исследования развития личности также отмечается значимость отдельных факторов социализации: возрастного периода развития личности; характеристик групп, в которые она включена; персональных характеристик самой личности (личностных конструктов). Отмечается, что «социализация – это неотъемлемый этап становления индивида личностью и успешность данного процесса зависит от ряда факторов, которые присутствуют в жизни человека на определенный момент времени» [168, с. 111]. Кроме того, обращается внимание на значимость таких референтных групп как семья и образовательные организации, которые определяют развитие личности и становление ее идентичности в процессе социализации в них. Иначе говоря, влияние школы и семьи в период детства и отрочества личности можно рассматривать как значимый социально-психологический фактор идентичности личности на данном этапе возрастного развития.

Роль семьи в формировании профессиональной идентичности подростков изучалась Н. А. Алексеевой, С. В. Богдановой, О. А. Прянишниковой и др. Установлено, что в процессе первичной социализации в семье подростки зависят от позиции родителей в вопросах выбора будущей профессии, в связи с чем они «склонны прислушиваться и к мнению родителей, и к своему собственному, поэтому показатель неопределенной профессиональной идентичности снижается и в большинстве случаев переходит в состояние моратория» [188, с. 538]. Это означает, что не всегда роль семьи оказывается действительно значимой в

становлении высоких показателей профессиональной идентичности личности, что может быть следствием отсутствия личного социального опыта и его компенсацией посредством авторитетного мнения родителей. Вследствие этого на определенном этапе профессиональной социализации в непосредственной роли специалиста возможно снижение показателей профессиональной идентичности.

А. А. Озериной изучались особенности роли социально-психологических факторов в социокультурной идентичности современных подростков. Установлено, что «гендер, возраст, направление подготовки и группа, с которой себя отождествляет человек, определяют структуру и содержание социокультурной идентичности студенческой молодежи» [135, с. 304]. Одновременно с этим также подчеркивается, что семья является наиболее значимой социальной группой, в условиях которой формируются ключевые аспекты идентичности молодежи, ее ценностная система. Представленные результаты также доказывают роль субъективных и объективных социально-психологических факторов в становлении идентичности личности, при этом семья выступает инстанцией, которая объективирует социальные и культурные ценности и затем транслирует их личности, тем самым определяя формирование персональных ценностей.

Различия в системе ценностей родителей в семьях с детьми и без них, изучались Е. Н. Авериной. Отмечалось, что «факт наличия или отсутствия детей является значимым для определения приоритетов супругов по причине того, что это оказывает влияние на их мировоззрение» [3, с. 128]. Установлено, что для семьй с детьми персональные ценности не являются фактором личностной идентичности родителей, в то время как факт отсутствия детей определяет персональные ценности как значимый фактор идентичности. Иными словами, в этом случае наличие детей выступает социально-психологическим фактором, способствующим развитию направленности личности на других, а не на себя.

Взаимосвязь потребностной сферы и становления личности изучалась R. M. Ryan, E. L. Deci. Отмечается, что изучение социальных факторов окружающей среды, способствующих формированию внутренней мотивации, привело к разработке теории и стратегии измерения жизненной силы, что стало основой для изучения субъективного благополучия личности: «изучение социальных факторов окружающей среды, которые способствуют внутренней мотивации, привело к теории и стратегии измерения в отношении жизнеспособности» (перевод автора, оригинал текста: «study of the social environmental factors that facilitate intrinsic motivation led to a theory and measurement strategy regarding vitality» [238, с. 5]). Поведение личности в социуме обусловлено стремлением реализовывать значимые потребности, при этом наиболее важное внимание уделялось удовлетворению врожденных (базовых) психологических потребностей. К их числу отнесены потребности в компетентности, в установлении связей с окружающими и в автономии. Кроме того, подчеркивалась невозможность поведения, обусловленного лишь стремлением к удовлетворению физиологических потребностей, поскольку их значимость сохранялась только до момента их реализации. Иначе говоря, стремление к удовлетворению базовых психологических потребностей является важным фактором для становления и развития идентичности.

Другой базовой потребностью личности выступает потребность в безопасности. В нашем исследовании мы опирались на позицию В. Ю. Хотинец о потребности в безопасности как одной из фундаментальных психологических потребностей личности. Рассматривая связанность потребности в безопасности и социальной идентичности личности, отмечается, что «социальная идентичность в результате сравнения Я с другими членами группы определяет его в системе социальных (групповых) взаимоотношений для обеспечения его базисной потребности принадлежать группе и объединяться с ней с целью самосохранения и собственной защиты» [207, с. 114]. Это означает, что стремление личности к объединению в

группы базируется на переживании удовлетворения состояния защищенности и самосохранения, чем предопределяется фундаментальный характер потребности в безопасности, что находит отражение также в становлении социальной идентичности личности.

Одновременно с этим, другими авторами также подчеркивается значимость данной потребности. Так, в исследовании В. Е. Скачка и др. [122] потребность в безопасности обозначается как базовая потребность, которая касается всех сфер жизнедеятельности индивида и затрагивает все области межличностных отношений. M. L. Frazier и др. [232] выделяют ее как один из основных элементов потребностной сферы человека. Фундаментальной эмоцией, сопровождающей человека в процессе эволюции и прочно связанной с удовлетворенностью состоянием защищенности и безопасности, является страх. Фрустрация данного состояния способствует повышению уровня стресса и тревоги. Это означает, что страх не просто эмоция, это мощный фактор поведенческой мотивации, наличие или отсутствие которого определяет выбор стратегии поведения личности в социуме. Наиболее значимым эффектом переживания страха является удовлетворенность потребность в безопасности, что характеризует ее как действительно дефицитарную, базовую потребность личности и значимую психологическую детерминанту поведенческой мотивации. Значимость потребности в психологической безопасности гораздо глубже, чем состояние физической защищенности индивида. Необходимость компенсации данной потребности сопровождает индивида в процессе всей непрерывной социализации, являясь необходимым условием продуктивности и комфортности его бытия, и стимулируя проявление социальной активности индивида. Иными словами, удовлетворенность базовой психологической потребности в безопасности является одним из значимых факторов идентичности личности.

Е. С. Письменюк [148] в процессе изучения вопроса соотношения психологических ресурсов и социальной идентичности отмечается, что психологический ресурс определяется уровнем удовлетворенности

психических потребностей личности. Утверждается, что стремление к удовлетворенности социальных потребностей в самореализации и принятии группой является одним из основных источников внутренней мотивации и социальной активности личности. Кроме того, установлено, что нацеленность на удовлетворение потребностей взаимосвязана с ценностью свободы, что отражается на структуре идентичности личности. Это означает, что если стремление к удовлетворению потребностей – это внутренний источник активности личности в процессе социализации, то сформированная идентичность есть эффект такой активности, представленный состоянием удовлетворенности данных потребностей. Иными словами стремление к компенсации потребностей и развитие идентичности есть взаимосвязанные процессы.

Ф. В. Васильевым и Е. Д. Васильевой в качестве факторов социальной идентичности изучалось соотношение значимости деятельности участника для группы, чувство ответственности, перспективы карьерного роста вследствие успешной деятельности. На примере участников проектной команды организации установлено, что кроме рассматриваемых факторов, значимая роль в становлении идентичности с группой обусловлена потребностями ее участников: «формирование совместной идентичности проектной команды происходит благодаря возможности реализовать индивидуальные потребности каждого из ее членов» [39, с. 14]. Из представленных результатов видно, что потребности являются предпосылкой к формированию идентичности участников организации, ее мотивационным фактором, определяющим впоследствии и формирование ответственности и стремление вкладывать усилия в достижение общего результата.

Роль социально-психологических факторов в формировании совладающего поведения курсантов в воинском коллективе рассматривалась Р. А. Биденко. Предлагаемая классификация объективных факторов и субъективных социально-психологических факторов, включающих первичные и вторичные, «определяет содержание объективно-субъектного

критерия» [26, с. 51]. Отмечается, что данная классификация раскрывает влияние социальной среды военного вуза и предъявляемых требований как значимого фактора, обуславливающего поведение личности в условиях военной организации и воинского коллектива. Иными словами, социальные требования, предъявляемые к курсантам, допустимо рассматривать в качестве значимого социально-психологического фактора, определяющего становление личности в военной среде.

И. А. Федосеевой, Ю. М. Перевозкиной, М. М. Гупаловым феномен сплоченности воинских коллективов рассматривается как фактор военной социализации курсантов в военном вузе. Отмечается, что «сплоченность, как один из факторов адаптации курсантов может быть увеличена посредством выполнения ими сложных задач, которые подчеркивают общую ценность и позитивный смысл такого опыта воинского взаимодействия» [199, с. 358]. По результатам исследования установлено, что отсутствие сплоченности в подразделение курсантов становится причиной дезорганизации ролевой структуры курсантов, что указывает на низкую эффективность военной социализации личности. Иными словами, сформированность отождествленности курсантов с военным подразделением и сослуживцами является социально-психологическим фактором, обуславливающим освоение социально-ролевых моделей и их ценностной составляющей.

А. И. Заграничным [66] элементы корпоративной культуры образовательной организации изучаются в качестве факторов социальной идентичности. Рассматривая социализацию как процесс, обеспечивающий передачу и усвоение профессиональных ценностей в системе «социальная среда-личность», отмечается, что социальная идентичность есть одновременно и фактор социализации, и ее результат. Иными словами, социальная идентичность представлена и как психическое основание для взаимодействия с окружающей социальной средой, и как завершенный результат данного взаимодействия. Одновременно с этим обращается внимание на динамичность социальной идентичности, утверждая, что данная

характеристика личности постоянно изменяется, а вектор изменений может быть как положительным (развитие идентичности), так и отрицательным (деградация идентичности). В связи с этим возникает необходимость постоянно поддерживать достигнутый уровень социальной идентичности, что на примере образовательных организаций обеспечивается требованием соблюдать корпоративную культуру данной организации. Сущность понятия корпоративной культуры обозначается как совокупность профессиональных ценностей, характерных для организации, отражающих индивидуальность самой организации и ее участников. Практическая реализация корпоративной культуры отражается в поведении сотрудников организации и способах их взаимодействия между собой, что оказывает влияние на идентичность. Это означает, что культура социальной группы, представленная совокупностью ценностей и традиций, является фактором групповой идентичности личности.

Особенности реализации данного процесса обращают внимание к теории социального конформизма. Д. Майерсом рассматриваются результаты исследований феномена социальной конформности, проведенные М. Шерифом, С. Милгрэмом и С. Ашем. Полученные данные способствовали выявлению и интерпретации феномена социального конформизма. Сущность предложенной теории объясняет, почему, несмотря на нацеленность личности переживать свою уникальность, находясь в окружении представителей социальной группы, участником которой она является, она проявляет социальное естество и выполняет совместные с группой действия, даже если внутренне их не разделяет. Одновременно с этим, обращается внимание на два основных вида конформизма: подчинение и одобрение. Нередко бывает так, что сначала конформность личности с позицией большинства проявляется как подчинение группе и проявление уступчивости личности, и только затем уступчивость сменяется одобрением. Отмечается, что «внутренний, искренний конформизм называется одобрением» [109, с. 244]. По этому принципу и работает процесс социально-конформного

соблюдения корпоративной культуры студентами, рассмотренный А. И. Заграничным [66] – личность, избегая отторжения группы, стремится поддержать действие, реализуемое большинством. Данный факт дает основания рассматривать групповые ценности организации, составляющие сущность корпоративной культуры, в качестве социально-психологического фактора идентичности.

С учетом результатов рассмотренных исследований о влиянии разнообразных социально-психологических факторов, способствующих становлению идентичности, невозможно определить значимость влияния каждого из них в отдельности. Вместе с тем, результаты многих социально-психологических исследований подтверждают факт динамичности идентичности, что объясняется процессом развития самой личности, усложнением структуры ее внешних и внутренних инстанций, а также последствиями влияния условий социализации на личность. Иными словами, развитие идентичности индивида тесно сопряжено с процессом усложнения структуры его личности, обретением новых качеств и усвоением социального опыта, что является совокупным эффектом влияния определенных факторов.

Кроме того, необходимо учитывать динамический характер идентичности как социально-психологического явления. В процессе социализации личности характеристики идентичности могут обретать различные показатели, которые будет характеризовать уровень отождествления личности с тем или иным объектом. Для того чтобы более точно определить изменения показателей идентичности, необходимо учитывать временной период социализации. Иными словами, время также является фактором становления военной идентичности. Включение в математическо-статистические расчеты переменных, отражающих динамику показателей в зависимости от временных интервалов, делает возможным детерминацию степени изменчивости показателей идентичности, и тем самым детализирует их динамический характер.

Так, В. А. Передерием, В. В. Плотниковым и И. К. Стригуненко отмечается, что «время в социологическом и психологическом понимании – это не только объективная физическая категория, но и социальный конструкт, формируемый в культурном контексте и отражающий общественные установки и ценности» [145, с. 55]. Временной интервал как фактор идентичности, следует воспринимать как продукт развития социума, эффект взаимодействия индивидов и процессов их социализации в результате взаимодействия. Это означает, что особенности становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов невозможно изучать вне временной системы, поскольку именно восприятие хронологической последовательности является одним из ключевых возможностей сознания личности, что позволяет анализировать взаимосвязанные социальные явления и обретать социальный опыт вследствие этого.

К слову, в исследовании В. М. Крук, А. Ю. Федотова и М. С. Васильевой изучалось содержание военно-профессиональной направленности личности в разные возрастные периоды. Из результатов установлено, что в подростковом возрасте, предшествующем непосредственному включению личности в роль военного, военно-профессиональная мотивация характеризуется наибольшей пластичностью. При этом в последующие возрастные периоды (18-24 лет) диспозиционные мотивы «практически теряют способность к существенным изменениям» [93, с. 29]. Как отмечается авторами, данная особенность наиболее характерна для тех профессиональных мотивов, содержание которых связано с проявлениями патриотизма и склонности к самопожертвованию, т. е. составляющих сущность военной службы. Это означает, что становление военной идентичности начинается в процессе первичной социализации задолго до момента непосредственного включения курсанта в роль военного, в то время как ее качественное и полноценное развитие происходит уже в социальной среде военного вуза.

Таким образом, идентичность есть тот психический конструкт, который не имеет состояния завершенности. Она развивается и изменяется в ходе всего процесса социализации личности. В связи с этим именно временной аспект объясняет характер изменчивости идентичности в условиях определенного момента социализации, имеющего начало и завершение, что можно охарактеризовать как определенный этап социализации. Это означает, что эффект динамичности состояния идентичности возможно рассмотреть, только изучая последовательно каждый из этапов социализации на протяжении длительного периода, при условии, что окончание одного этапа будет являться началом следующего.

Исследование роли того или иного социально-психологического фактора, оказывающего влияние на становление идентичности, необходимо производить с позиции последовательной социализации, поскольку эффект от такого влияния может отличаться в зависимости от влияния различных условий на каждом из этапов социализации. Как уже отмечалось, этому способствуют субъективные и объективные факторы. Такой подход не только позволит рассмотреть всю полноту изменений идентичности в процессе социализации, но и даст возможность выявить ключевые факторы, оказывающие влияние на каждом из этапов социализации, а также определить степень данного влияния (их значимость) на изменение идентичности.

Подводя итог, необходимо определить социально-психологические факторы военной идентичности курсантов.

1. Ценностная система личности как результат усвоения опыта в процессе военной социализации, определяет характеристики военной идентичности курсантов. Предполагается, что ключевым ценностным фактором военной идентичности является нацеленность личности на обеспечение безопасности других.

2. Характеристики сформированной военной идентичности как результата активности личности, направленной на освоение роли военного,

являются фактором удовлетворенности базовых психологических потребностей.

3. Установки и увлечения, связанные с провоенной активностью личности в период детства и отрочества, являются фактором, обуславливающим становление военной идентичности в процессе первичной социализации курсантов.

4. Изучение роли того или иного социально-психологического фактора в становлении характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов необходимо проводить в рамках временной плоскости, интервалы которой будут отражать периоды развития личности.

Выводы по главе 1

Рассмотренные результаты научных исследований феномена становления идентичности в процессе социализации личности свидетельствуют о его непрерывности в процессе всего бытия личности. Социализация есть процесс последовательной интеграции личности в социум, реализуемый через усвоение ценностей и установок социальных ролей. Формируя социально-ролевые модели, личность проявляет свою активность в процессе взаимодействия с окружающими, тем самым оказывая влияние на социальную реальность и познавая в результате этого свое социальное естество.

Результатом данного процесса является сформированная идентичность личности. Становление идентичности происходит одновременно на разных уровнях психической активности и под влиянием объективных и субъективных социально-психологических факторов.

Военная идентичность – это один из видов социальной идентичности личности, являющийся результатом военной социализации личности и характеризующийся осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям.

Военная идентичность как одна из характеристик идентичности, занимает значимое место в структуре личности курсантов, ее становление начинается задолго до момента поступления в военный вуз в процессе первичной социализации и затем продолжается в процессе вторичной социализации в среде военной вуза.

В процессе первичной социализации становление характеристик военной идентичности происходит под влиянием участников референтных социальных групп, таких как семья и школа. В процессе вторичной социализации роль референтной социальной группы выполняет военное подразделение, участником которого является курсант.

Военная идентичность как динамическая характеристика подвержена значимым изменениям в процессе военной социализации. Установить динамику характеристик военной идентичности возможно, оценив эффекты влияния объективных и субъективных социально-психологических факторов, роль которых отличается в зависимости от направленности субъектов военной социализации, их порождающих.

Одновременно с этим, значимую роль в становлении военной идентичности курсантов оказывают особенности социальной среды, в условиях которой социализируются курсанты. В процессе первичной социализации к таковым можно отнести: наличие военных в кругу родственников и знакомых, военные игрушки, мечты о военной службе, чтение книг и просмотр фильмов и телепередач на военную тематику, их обсуждение с одноклассниками, встречи с реальными военными в школе, участие в военно-ролевых играх, военных парадах, посещение военных музеев. В свою очередь, в процессе вторичной социализации в военном вузе в качестве таких условий можно выделить: влияние воинского коллектива, необходимость соблюдения определенных правил поведения и требований командиров, ношение военной формы одежды, освоение оружия и военной техники, несение боевой службы с оружием, погружение в роль сержанта и офицера во время самостоятельных стажировок в войсках.

Эффекты влияния на характеристики военной идентичности социально-психологических факторов и особенностей социальной среды отличаются на каждом из этапов социализации курсантов. Вместе с тем, если в процессе первичной социализации курсантов выделить точные этапы становления военной идентичности довольно затруднительно, то социализацию курсантов в военном вузе можно рассматривать как социально-психологический эксперимент в естественных условиях военной среды. Применение данного подхода обязывает четко разделять этапы военной социализации курсантов в процессе обучения в военном вузе, поскольку каждый из этапов сопровождается постепенным и все более

глубоким вовлечением в освоение роли военного – от роли солдата и курсанта на начальных этапах и до роли офицера и командира взвода на завершающих этапах.

Таким образом, необходимо подвергнуть анализу детерминацию военной идентичности курсантов в условиях первичной социализации до момента поступления в военный вуз, а также последовательно на каждом из этапов социализации в военном вузе. Такой подход даст возможность объективно проследить непрерывную динамику личностных изменений в процессе военной социализации курсантов, и установить вклад каждого социально-психологического фактора в становление характеристик их военной идентичности.

Глава 2. Общая характеристика, методология и организация исследования

2.1. Характеристика и методология исследования военной идентичности

Исследование социально-психологических явлений предполагает выделение ключевых различий между ними, что позволит отделить один феномен от другого, изучить его структуру и особенности. Для этих целей применяется комплекс научных подходов.

Изучение военной идентичности в качестве объекта исследования обязывает рассматривать данный феномен как системный объект, обладающий отличительными характеристиками. Данный подход обозначается как системный, и широко применяется в науке в том случае, когда есть необходимость в познании какого-либо научного феномена, выходящего за рамки одной дисциплины, когда изучаемая проблематика носит междисциплинарный характер и находится на стыке двух и более наук. А С. Асмоловым отмечается, что ученые применяют системный подход, «когда возникает задача синтеза различных знаний, выражающих общее стремление исследователей к созданию целостной картины явления или процесса» [14, с. 76].

Системный подход занимает значимое место в научном познании. Его применение делает возможным синтез методологий разных самостоятельных наук с философской методологией, что позволяет изучать не только статичные, но и динамичные системы, развитие которых обусловлено целым комплексом причин. Эта особенность свидетельствует о том, что системный подход является современной методологической платформой, на которой гармонично располагаются как разные области знания (горизонтальная плоскость), так и разные уровни научного познания (вертикальная плоскость).

Примечательно, что исторически системный подход впервые представлен в книге «Эмпириомонизм»: «Идеал познания» отечественного ученого А. А. Богданова (Малиновского), которая была опубликована в 1903 году. Как социолог он рассматривал социум не в качестве механической конструкции, но как живую систему, в чем прослеживается параллель с Л. В. Берталанфи – одним из основоположников системного подхода за рубежом. Однако если Л. В. Берталанфи применял данный подход, в первую очередь, в естественных науках, то подход А. А. Богданова носил, прежде всего, прикладной, социальный характер. Примечательно, что части общества как живой развивающейся системы, рассматривались в органической взаимосвязи друг с другом, при этом эти элементы обладали не только взаимозависимостью, но одновременно с этим и самостоятельностью (А. А. Богданов [28]). Обращалось внимание на отсутствие абсолютных единств и отдельностей данных элементов и форм общества, и их относительность друг к другу. Так, по А. А. Богданову, социальная система есть относительно стабильный комплекс процессов, который отражает как переменные циклы развития и деградации, протекающие внутри самой системы, так и внешние условия окружающей среды, оказывающие влияние на достижение состояния равновесия между исследуемой системой и окружающей средой, в условиях которой она находится. Иными словами, системный подход в интерпретации А. А. Богданова отражал процессуально-средовую характеристику системы и выделял значимую для развития системы роль среды и протекающих в ней процессов.

Однако своей популяризацией в науке системный подход все же обязан работам знаменитого австрийского биолога L. V. Bertalanffy, который предложил общую теорию систем (General System Theory) в 1930-е годы. Ключевое отличие его подхода от предшествующих «механистических» взглядов, изучающих биологический организм как механизм, реакции которого определяются только факторами извне, заключалось в том, что было предложено понимать каждый отдельно взятый организм как единую

независимую динамическую целостную систему. Утверждалось, что если организм представляет собой открытую (подверженную влиянию различных факторов) систему, то принципы динамичности, изменчивости и эквифинальности, применимые к подобным системам, следует применять и к ней, в независимости от характера связей между структурными элементами: «если организм является открытой системой, принципы, обычно применяемые к системам такого рода, должны применяться к нему (поддержание изменений, динамический порядок процессов, равноценность и т. д.) независимо от характера очевидно чрезвычайно сложных отношений и процессов между компонентами» (перевод автора, оригинал текста: «If the organism is an open system, the principles generally applying to systems of this kind must apply to it (maintenance in change, dynamic order of processes, equifinality, etc.) quite irrespective of the nature of the obviously extremely complicated relations and processes between the components» [229, с. 134]).

Применение данного подхода в науке запустило процесс изменения фундаментальной картины мира и позволило преодолеть барьер, связанный с «механистическим» научным подходом. По мнению современных исследователей, системный подход значительно ускорил развитие естественных и гуманитарных наук, он позволил объединить ранее разрозненные научные знания в концептуальную систему (Д. А. Майоров и Р. В. Миронов [110]).

Вместе с тем, некоторые ученые считают, что на современном этапе развития науки необходимо комплексное сочетание системного подхода А. А. Богданова с общей теорией систем Л. В. Берталанфи. Подчеркивается, что необходимо изучать явления как системные объекты, в условиях их непрерывного развития (Г. Б. Клейнер [82]), что в достаточной степени применимо к социально-психологическим явлениям. Например, изучение становления характеристик военной идентичности личности отражает взаимосвязанные психические процессы, непрерывно, стихийно и последовательно протекающие в самой личности в условиях военной

социализации, обусловленные социально-психологическими факторами и особенностями социальной среды.

Если А. А. Богдановым системный подход применялся для изучения социологических феноменов, то заслуга в его популяризации в области психологической науки принадлежит В. А. Ганзену [49]. Применение данного подхода в психологии позволяет обобщить и систематизировать накопленные знания об исследуемом феномене. Результатом этого становится избавление от избыточности и дублирования научных знаний, поиск новых вариантов (инвариантов) описаний и построение новых более совершенных гипотез. Однако главное преимущество системного подхода заключается в комплексном подходе к изучению психических явлений с использованием разных научных языков. Так, для обозначения явлений используются языковые символы. Структура исследуемого объекта и взаимосвязей между его элементами наиболее наглядно отображается в геометрических проекциях. А качественные и количественные изменения объекта исследования наиболее подробно обнаруживаются с помощью математических формул. Это означает, что применение системного подхода в психологии позволило преодолеть концептуальный барьер в исследовании психологических явлений, связанных с расширением границ научного познания и области исследуемых явлений, а также дало возможность систематизировать полученные в результате этого знания и формировать новые содержательные концепции.

В свою очередь, А. Л. Журавлевым и А. В. Юревичем отмечалось, что системный подход «не только позволяет использовать достаточно разработанную методологическую базу и единый язык нередукционистского описания феноменов, выявляемых при решении принципиально мультидисциплинарных проблем, но и формулирует специальные, дополнительные внутрипарадигмальные проблемы» [153, с. 171]. Это означает, что применение системного подхода в исследовании также обеспечивало исследователей новыми путями для изучения того или иного

феномена, посредством того, что данная проблематика как раз и является эффективной междисциплинарной «связкой», обеспечивающей его результативность.

Таким образом, благодаря применению и развитию системного подхода была реализована потребность ученых во взаимной интеграции разных, бурно развивающихся и ставших самостоятельными, областей психологической науки. Исследователями отмечается, что системный подход в интерпретации В. А. Ганзена следует воспринимать как методологическую «основу для упорядочения различных по содержанию и уровню объектов описания» (Т. И. Ронгинская [159, с. 66]). В нашем исследовании этот подход нашел отражение в применении ключевых характеристик идентичности личности, для того чтобы понять значимость (определить место) военной идентичности в структуре идентичности курсантов.

Системный подход также применялся одним из главных основателей советской инженерной психологии Б. Ф. Ломовым. Отмечалось, что любую систему следует изучать как совокупность отдельных подсистем, каждая из которых оказывает влияние на всю систему в целом, при этом отсутствует необходимость рассматривать структуру самой подсистемы, вместо этого следует сосредоточиться на изучении данного влияния. Относительно области психологических знаний отмечалось, что элементы и этапы психической деятельности индивида необходимо изучать «с позиций системного подхода, который рассматривает психические явления как многомерные, многоуровневые, обладающие системными качествами, изменяющиеся, развивающиеся и детерминированные внутренними и внешними факторами» [102, с. 280]. Одновременно с этим, системный подход в психологии следует применять для того, когда необходимо не только установить роль компонентов системного психического явления, но и выделить связи между ними. Из этого следует, что детерминанты психических явлений также можно изучать как сложные взаимосвязанные системные структуры. Кроме того, психический феномен возможно

рассматривать с позиции уровневости его компонентов, каждый из которых отражает ту или иную грань взаимодействия личности с окружающей средой. В действительности ни один из них не «включается» самостоятельно от других, а бытие личности протекает в их прочной взаимосвязи.

Другой разновидностью общей теории систем является теория иерархических многоуровневых систем М. Месаровича, Д. Мако и Т. Тахакары. Любая система рассматривалась как состоящая из двух уровней, один из которых становился центральным, его функцией являлось принятие решение (подсистема верхнего уровня), а другой является ответственным за процесс управления принятым решением и его реализацию (подсистемы нижнего уровня). Так, отмечалось, что «системы, обладающие иерархической структурой, отличаются от всех прочих тем, что функции их подсистем наиболее естественно интерпретируются как поиск и принятие решений» [121, с. 101]. Применение такого подхода для интерпретации психического явления дает возможность не только применять математические методы для изучения происходящих процессов, но и проводить структурные исследования по изучению данного феномена, разрабатывать его модели. Особое внимание также уделялось взаимосвязям между подсистемами верхнего и нижнего уровней. Так, целенаправленное поведение личности является в своей сущности последовательным процессом поиска, принятия и реализации выбранного решения, направленного на достижение персональной цели, что можно представить в виде модели и измерить с помощью математических методов.

Похожий подход к изучению иерархических связей в структуре личности применялся К. К. Платоновым. Личность рассматривалась не просто как сумма психических функций, а как эффект всей совокупности обретенного опыта в процессе реализации психических функций. Благодаря применению такой концепции, было преодолено ключевое заблуждение ранней советской психологической науки. Отмечалось, что для теории личности следует применять «понимание структуры не как атрибута любой

системы, а как объективно существующего взаимодействия реально существующего психического явления, взятого за целое (в частности, личности), и также реально существующих его подструктур, элементов и их всесторонних связей» [150, с. 121]. Одновременно с этим, подчеркивалось различие в понятиях системы и структуры. Система и ее элементы – это то, что существует независимо от волеизъявления индивида, в силу чего она существует объективно, ее можно только понять и осознать. В то же время система является субъективным восприятием структуры, и если она достаточно точно ее отражает, то такая система является реальной в той степени, которая достаточна для научного познания.

В частности, К. К. Платоновым обращалось внимание на взаимосвязанность тех черт личности, которые имели ключевое отношение к основным личностным подсистемам, а именно: биологической подсистеме, персональным особенностям психических процессов, направленности и индивидуальному опыту. В последующем предложенная четырехкомпонентная концепция независимых характеристик личности была расширена и рассматривалась уже в контексте взаимодействия личности с окружающими в рамках социализации. Примечательно, что в качестве ключевой категории психологической науки обозначалось именно взаимодействие личности с другими в процессе социализации, его роль была определена как основная, для изучения в рамках системного подхода. Иными словами, обращалось внимание на эффект группового влияния на личностные структуры в процессе социализации личности, что в рамках военной социализации реализуется военным подразделением.

Более современной интерпретацией системного подхода является метасистемный подход к изучению социальной идентичности. Как подчеркивается А. В. Карповым, В. Б. Никишиной и Е. А. Петраш, «только при включении в метасистему изучаемая система социальной идентичности обретает объективные детерминанты своего формирования и функционирования, качественную определенность и специфичность по

отношению к этой метасистеме» [76, с. 125]. Это означает, что с позиции метасистемного подхода необходимо рассматривать не только компонентный состав той или иной социальной идентичности личности, но и изучать ее структурно-уровневую составляющую, а также характер взаимосвязей между ее уровнями. Применение данного подхода позволит установить объективно-функциональную причинность процессов, происходящих в структуре социальной идентичности в процессе социализации индивида.

Исходя из логики представленных авторских взглядов о системном подходе, обоснованным будет полагать, что объект данного исследования является системным по своей сути и также включает различные уровни и компоненты, а именно: военная идентичность – это социально-психологическое образование, включающее различные компоненты. Кроме того, военная идентичность не является статичной характеристикой личности, она динамична по характеру, ее изменения связаны с особенностями социальной среды, в условиях которой социализируется личность. Это означает, что по отношению к структурным элементам (характеристикам) военной идентичности социально-психологические факторы социализации курсантов, оказывающие значимое влияние на изменение личности курсантов, будут являться предикторами и обуславливать становление характеристик военной идентичности.

С другой стороны, исходя из динамического характера военной идентичности, ее становление необходимо изучать с позиции субъектно-деятельностного подхода. Как подчеркивалось С. Л. Рубинштейном, «основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности» [163, с. 33]. Утверждалось, что сам факт наличия психических свойств индивида непосредственно связан с субъективным рефлекторным пониманием реализуемой психической деятельности. Иными словами, те или иные психические явления обнаруживаются в результате взаимодействия индивида с социумом, влияния на него и возникновения его ответной

реакции как значимого эффекта данного влияния. Обнаруженный принцип единства сознания и деятельности индивида впоследствии стал фундаментом субъектно-деятельностного подхода в психологии, и был отражен в теории деятельности С. Л. Рубинштейна, в соответствии с которой сознание и психика развиваются непосредственно через действия индивида.

Субъектно-деятельностный подход впоследствии развил А. В. Брушлинский, который утверждал, что «именно теория деятельности (изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе единой) раскрывает и утверждает органическое единство теории, эксперимента и практики» [35, с. 6]. Главным инструментом, посредством которого происходит познание личностью (и преобразование) социальной реальности, является мышление, в процессе которого и формируется психика как результат практической деятельности. Это означает, что психику необходимо исследовать через те или иные проявления мышления в определенной практической деятельности индивида, что впоследствии предопределило переход от общей психологии к прикладным областям психологической науки.

К. А. Абульхановой, которая продолжила исследования С. Л. Рубинштейна о субъектно-деятельностном подходе, отмечалось, что «становление личности субъектом жизни, как ни парадоксально, означает присвоение собственной личности (способность стать самой собой)» [1, с. 16]. Так, рассмотрение самой личности как субъекта деятельности, относится к методологическому уровню психологической науки, раскрывается сам принцип субъектно-личностной организации. Одновременно с этим, такой подход также способствует переходу к конкретно-теоретическому, конкретно-исследовательскому и практическому уровням, где становится возможным обнаружение совокупности критериев и характеристик личности и ее субъектности в онтогенетическом развитии, профессиональном становлении, деятельности как активного субъекта. К. А. Абульхановой утверждалось, что «выход на практический уровень –

это и есть выход психологии к своему объекту» [там же], что подчеркивает значимость субъектно-деятельностного подхода в психологических исследованиях.

Таким образом, субъектно-деятельностный подход в процессе становления военной идентичности позволяет рассматривать курсанта уже не как объект воздействия (обучения и воспитания), но как активного творца собственного, персонального профессионального образа, способного к саморазвитию, рефлексии и осознанному принятию ценностей военной службы и формированию военной идентичности в процессе военной социализации.

Теоретической базой для изучения становления характеристик военной идентичности курсантов стали исследования в области социально-психологического подхода Р. М. Шамионова [214], Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой [21], В. В. Гриценко [56]. Специфика социально-психологического подхода как одного из основных методов познания в социальной психологии, раскрывается через изучение поведения и активности личности, обусловленных тенденцией к включению в различные социальные группы в процессе взаимодействия с другими, становлением социальной стороны субъективности индивида как результата социализации. Так, Т. Д. Марцинковской и Д. А. Хорошиловым подчеркивается трансдисциплинарный характер социальной психологии, который предоставлял «возможность выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки» [115, с. 16], что, тем самым, предоставляло исследователям возможность сравнительного толкования изучаемых феноменов.

Одновременно с этим необходимо снова обратиться к разъяснению феномена идентификации в интерпретации З. Фрейда [202] о том, что в душевной жизни одного индивида другой значимый оценивается как идеал желаемого образа. Носителем такого идеала выступает Сверх-Я личности, к нему индивид обращается для соизмерения себя и понимания того, к чему

стоит стремиться в предстоящей жизни. Индивидуальная психология с момента своего исторического возникновения является одновременно и социальной психологией, поскольку становление личности происходит социально. Из этого следует, что развитие личности невозможно без взаимодействия с другими окружающими, и познать все богатство ее внутреннего мира возможно, только изучив психологические основы данного процесса. Для реализации этой цели, необходимо применение методов математическо-статистического анализа в изучении различных социально-психологических феноменов. Это позволит определить действительно значимые факторы, обуславливающие поведение личности в социуме, и, в том числе, особенности феномена отождествления личности с окружающими социальными объектами и участниками взаимодействий (Р. Б. Кэттелл, Г. Ю. Айзенк и Г. В. Оллпорт [98]). Среди отечественных исследователей также необходимо выделить авторский подход В. Ю. Хотинец [206], представленный комплексом из четырех методов анализа документов в социально-психологических исследованиях. Так, традиционный анализ, включающий в авторской классификации контент-анализ (анализ содержания), интент-анализ (анализ интенциональной направленности содержания), позволяет раскрыть смысловое понимание, скрытый контекст и произвести интерпретацию данных, в то время как формализованный анализ, включающий когнитивное картирование (анализ когнитивной структуры содержания) и ивент-анализ (анализ ситуации события), позволяет выделить устойчивые смысловые единицы, чтобы в последующем их объективизировать и произвести последующую математическую обработку.

Таким образом, результаты ранее проведенных социально-психологических исследований сформировали концептуальный фундамент данной работы по исследованию процесса становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов. Они выступили индикатором, высвечивающим обоснованность и валидность результатов, полученных в нашем исследовании, и сделанных на их основе выводов,

обогащающих психологическое знание о военной идентичности и военной социализации личности.

Одновременно с этим, в соответствии с теорией идентичности Э. Эриксона [222], H. Tajfel [242], Д. Тернера [187], Р. М. Шамионова [218], военная идентичность рассматривается как социально-психологическое образование, которое характеризуется гибкостью и динамичностью развития, протекающего под влиянием внутренних и внешних условий в процессе непрерывной военной социализации личности.

Результаты исследований Ч. Х. Кули [96], В. А. Ядова [226], А. Н. Татарко и Г. Я. Родионова [184], Р. М. Шамионова и Е. Е. Бочаровой [217], М. В. Григорьевой, А. А. Шарова и А. И. Заграничного [55] легли в основу научного обоснования феномена множественности идентичности и наличия взаимосвязей между ее показателями, в зависимости от особенностей социально-ролевого статуса военного.

Обоснование динамического характера военной идентичности в процессе военной социализации установлено на основании результатов исследования Т. Парсонса [138], А. Бандуры [17], Р. М. Шамионова [218], в области социализации личности. В соответствии с ними феномен военной идентичности курсантов изучался в процессе непрерывной военной социализации личности.

Эффект нелинейности отдельных аспектов военной социализации курсантов изучался П. Д. Никитенко [133], Д. А. Мещеряковым [123], Р. М. Шамионовым и Р. А. Терехиным [212]. Применение данного подхода позволило авторам установить значимые особенности социализации курсантов в военном вузе на каждом из этапов, что было бы невозможным при рассмотрении всего пятилетнего периода как единого этапа. Вследствие этого системно-диахронический подход Р. М. Шамионова [218] к изучению военной идентичности в процессе непрерывной и последовательной военной социализации был применен в данной работе.

Рассматривая военную идентичность как структурный объект, в качестве одного из его социально-психологических факторов изучались потребности. Результаты взаимосвязей потребностей и идентичности личности представлены в трудах многих психологов (теория самодетерминации R. M. Ryan и E. L. Deci [238], теория мотивации А. Маслоу [116], теория самоактуализации Д. А. Леонтьева [100], В. Ю. Хотинец [207]). Основное внимание уделялось изучению вопроса соотношения идентичности личности и потребностей как ее мотивационного компонента, определяющего становление личности и, тем самым, обуславливающего идентичность, направляющего социальную активность личности и поведение в социуме при взаимодействии с окружающими. Эффект влияния потребностей как одного из значимых социально-психологических факторов, определяющих социальную активность личности, рассматривался в исследованиях Р. М. Шамионова [219], А. К. Туртаева [189], Н. С. Мекебаева, Ю. М. Перевозкиной и М. И. Федоришина [120]. Из полученных данных видно, что соотношение идентичности и удовлетворенности потребностей личности взаимообусловлено. Иными словами, полученные указанными учеными данные обосновывают рассмотрение потребностей в качестве одного из факторов становления характеристик военной идентичности, в процессе военной социализации курсантов.

Одновременно с этим, еще одним из наиболее значимых социально-психологических факторов идентичности являются ценности. Результаты исследований соотношения идентичности и ценностной системы в процессе социализации личности представлены в трудах Т. Парсонса [138], Э. Эриксона [222], А. Бандуры [17], Г. М. Андреевой [11], Д. Тернера [187], В. Ю. Хотинец [205]. В представленных работах личностные ценности представлены как субъективный вариант спецификаций более общих ценностных паттернов, обуславливающих приверженность личности какому-либо социальному объекту. Иными словами, в становлении ценностной

системы проявляется процесс поиска и обретения фундамента социально-ролевой принадлежности личности, из чего следует, что ценности могут рассматриваться в качестве предикторов отдельных характеристик идентичности. Некоторыми учеными представленный подход применялся для изучения особенностей взаимосвязи ценностей и идентичности военнослужащих в процессе военной социализации (Р. М. Шамионов и А. И. Сорокин [216], В. Н. Лымарев [106], Р. А. Терехин и О. Б. Полушина [186], П. А. Камбалина [74]).

Одновременно с этим, нельзя исключать из расчетов эффекты некоторых особенностей военной социализации курсантов, опосредующих влияние исследуемых социально-психологических факторов на становление их военной идентичности. Как отмечалось Л. С. Выготским [46], личность вначале своего становления несоциальна по своей природе, из-за чего социализация навязывается ей извне окружающим обществом. Иначе говоря, под влиянием референтных социальных групп личность познает и принимает свою социальную природу. Учеными подчеркивается, что особая значимость в данном процессе принадлежит начальной, первичной социализации личности (Ч. Х. Кули [96], А. Адлер [5], Б. Г. Ананьев [10]). Это означает, что необходимо подвергнуть анализу особенности первичной социализации курсантов, в условиях которой происходило становление их военной идентичности. Некоторыми авторами предлагается подход, в котором особенности социализации рассматриваются в качестве внешних ориентиров, в рамках которых у личности происходит становление принадлежности к военной среде (И. В. Белюшина [22], О. Б. Полушина и И. В. Жилясов [151], Е. А. Юмкина, В. В. Волков и Л. О. Борисенко [223]). Иными словами, социальные условия, в которых протекает бытие курсантов до момента поступления в военный вуз, могут усиливать военную идентичность и выступать в качестве катализаторов (и факторов-медиаторов) данного процесса, или, как утверждается Р. М. Шамионовым [215], эти условия задают ориентиры развития личности и вектор «автономной социализации».

Кроме того, в данной работе Р. М. Шамионова с позиции системно-диахронического подхода раскрывается следующий эффект социализации: для становления идентичности важное значение имеют не столько собственно условия социализации, сколько то, как сама личность их воспринимает и как переживает последствия их влияния на свое развитие. Это означает, что с позиции непрерывной и последовательной социализации одно и тоже условие социализации может восприниматься личностью по-разному в зависимости от этапов личностного развития и, следовательно, эффект от его влияния на идентичность в конкретный момент времени будет различным. На наш взгляд, в этом и кроется ключевой аспект, определяющий логику изучения военной идентичности и демонстрирующий многогранность и сложность данного феномена.

Таким образом, прежде чем перейти к определению феномена «военная идентичность», необходимо представить ее структурную модель. Предметный аспект системного исследования военной идентичности предусматривает решение двух взаимосвязанных задач, а именно – выявление структурных компонентов (характеристик), из которых состоит военная идентичность и определение характера связей между выделенными компонентами, и их влияния на саму военную идентичность в целом. Другими словами, в целях объективности необходимы субстрактный (или элементный) и структурный анализ данного феномена.

Исходя из представленных исследований, предлагается следующее определение исследуемого объекта: военная идентичность – это один из видов социальной идентичности личности, характеризующийся осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям.

Вместе с тем, некоторыми авторами отмечается, что идентичность определенного вида как характеристика определения своей принадлежности к той или иной группе, может включать несколько показателей, которые отражают взаимодействие личности с участниками референтной группы и

других групп (Э. Эриксон [222], Б. Г. Ананьев [10], Р. М. Шамионов [213]). Разделение идентичности на личностный и социальный компоненты объясняется Д. Тернером [187] как значимость социального контекста в процессе становления личности. Его распространение на личность определяет личностную сферу бытия и социальную активность. Иными словами, такая структура элементов идентичности способствует более точному социальному самоопределению личности, а ее компоненты выступают в качестве регуляторов поведения личности в социуме.

В нашем исследовании мы придерживаемся позиции Д. Тернера [187] и Р. М. Шамионова [213] о том, что военная идентичность личности должна включать те компоненты, которые способствуют своевременной актуализации установки на реализацию роли военного.

Исходя из этого, нами предлагается следующая модель характеристик военной идентичности, в которой озвученные компоненты в дальнейшем будут обозначаться как характеристики военной идентичности (рис. 1).

Рис. 1. Модель характеристик военной идентичности

Используя системный и субъектно-деятельностный подходы к изучению военной идентичности, с помощью представленных характеристик раскрывается целостность данного социально-психологического конструкта. Их наличие в составе военной идентичности определяет достаточность

внешних и внутренних условий, необходимых для отождествления личности с военной средой.

Из представленной модели видно, что военная идентичность включает две характеристики. Военно-ролевая идентичность отражает включенность личности в военную сферу, восприятие личностью особого социально-ролевого статуса, связанного с готовностью к реализации деятельности, нацеленной на обеспечение защищенности государства и других сограждан. Данный компонент является результатом отождествления себя с ролью военного и военной средой.

В свою очередь, идентичность с военным подразделением отражает принадлежность личности к воинскому подразделению. Каждый военнослужащий связан с определенным воинским подразделением, обладающим собственной социальной иерархией, ролевым набором и спецификой выполняемых задач. Исторически сложилось, что воинское подразделение строится на принципах войскового братства, товарищества, взаимопомощи, что способствует укреплению взаимоотношению между военнослужащими одного подразделения, усилению самоидентификации личности как представителя данного подразделения. Эти психологические категории находят отражение в идентичности личности с военным подразделением, их реализация во взаимоотношениях с сослуживцами призвана демонстрировать окружающим принадлежность к определенному военном подразделению.

Рассмотренные характеристики военной идентичности формируются под влиянием совокупности социально-психологических факторов, включающих ценности, установки, увлечения, базовые психологические потребности, особенности военной социализации в детстве и отрочестве и в среде военного вуза. На рис. 2 предлагается теоретическая модель факторов военной идентичности.

Рис. 2. Теоретическая модель факторов военной идентичности

На рис. 2 видно, что теоретическая модель военной идентичности включает в себя особенности военной социализации (как в период до поступления в военный вуз, так и в процессе социализации в нем), увлечения, базовые психологические потребности и ценности.

Таким образом, представленная теоретическая модель факторов военной идентичности наглядно отражает стратегию нашего исследования особенностей становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов.

2.2. Характеристика базы и выборки исследования

В результате теоретического анализа понятие военной идентичности и ее характеристик было операционализировано. Разработана программа эмпирического исследования становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза. Определена логика исследования, выработаны методологические концепции, определены наблюдаемые характеристики личности курсантов, которые будут измеряться в процессе исследования в качестве исследуемых переменных.

Подбор необходимого психодиагностического инструментария и методов математическо-статистического анализа был реализован исходя из характеристик базы и выборки исследования. Так, в соответствии с законодательством Российской Федерации о деятельности государственных военных организаций [160, 161], войска национальной гвардии предназначены для обеспечения государственной и общественной безопасности и имеют в своем составе военнослужащих, в том числе – курсантов, что обеспечивает репрезентативность выборки исследования.

Эмпирическое исследование проведено на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института Росгвардии (г. Саратов). В общую выборку исследования вошли 537 курсантов мужского пола. По результатам первичной обработки 37 анкет были исключены из дальнейших расчетов как не прошедшие проверку на достоверность ответов респондентов. Итоговая выборка составила 500 курсантов в возрасте от 17 до 26 лет (M=20,2 лет; Sd=1,7).

Также в результате теоретического анализа было установлено, что этапы социализации курсантов в военном вузе различаются особенностями, обусловленными степенью их вовлеченности в освоение различных инстанций роли военного, и характеризуются наличием кризиса (Р. Р. Галиев [48], Р. А. Терехин и О. Б. Полушина [186]). Кроме того, из результатов наблюдений за процессом социализации курсантов в военном вузе и в

процессе опросов курсантов было установлено, что наличие наиболее выраженных субъективных переживаний, связанных с переоценкой системы ценностей, зафиксировано именно на 3 курсе обучения. В соответствии с концепцией социальной идентичности Э. Эриксона, кризис идентичности обозначается как значимый поворотный момент в процессе становления личности, который характеризуется переосмыслением системы ценностей, жизненных целей, и Я-концепции, переживанием несоответствия между Я-реальным и Я-идеальным, рассогласованием между самооценкой и оценкой Других, конфликтом между старыми и новыми идентификациями. Сущность кризиса он описывает это кратко в одном вопросе: «Каким я хочу стать и как этого добиться?» (Э. Эриксон [222, с. 328]). Иными словами, успешно преодоленным кризисом идентичности следует считать эффект повышения социальной «мобильности» идентичности, адаптации инстинктивных влечений личности к социальным возможностям их удовлетворения, а также принятие неизбежных отсрочек их удовлетворения и, как следствие, некоторой фрустрации.

Иными словами, на 3 курсе обучения предполагаемыми респондентами подтверждалось наличие значимых субъективных переживаний кризиса. В связи с этим принято следующее обозначение этапов вторичной военной социализации курсантов в военном вузе: первый курс соответствует *начальному* этапу, второй курс – *докризисному* этапу, третий курс – *кризисному* этапу, четвертый курс – *посткризисному* этапу, пятый курс – *предпрофессиональному* этапу. Используемая интерпретация этапов социализации курсантов отражает последовательность и непрерывность военной социализации курсантов в военном вузе, что позволит выявить и проанализировать динамику исследуемых характеристик их личности.

Эмпирическое исследование было проведено методом опроса групп респондентов численностью от 10 до 25 человек, на каждом этапе социализации в военном вузе. Репрезентативность выборки исследования обеспечивалась рандомизацией отбора респондентов и ведением учета лиц,

принявших участие в опросе, что исключило возможность их повторного участия. Каждый респондент принимал участие в опросе анонимно и добровольно, был осведомлен о цели и предстоящем характере использования результатов исследования.

Первоначальный учет и обработка заполненных опросников производились с помощью программы Microsoft Excel, последующий математическо-статистический анализ производился в программе IBM SPSS Statistics 27.0, путевой и медиационно-модерационый анализ производился в программе JASP 0.95.1.

Для реализации задач эмпирического исследования применялся метод письменного опроса. Респонденты самостоятельно отвечали на вопросы индивидуального опросника на бумажном носителе, при этом была исключена возможность списывания и заблаговременного получения информации о вопросах из других источников.

Получение социально-демографических данных респондентов было организовано методом анкетирования. В разработанных вопросах были учтены ключевые характеристики респондентов: возраст; семейное положение и состав семьи; наличие детей; религиозные воззрения и сила религиозных убеждений; этническая принадлежность и сила этнических чувств; место проживания перед поступлением в военный вуз; уровень дохода в семье; стиль воспитания; оценка значимости определенного члена семьи или значимого другого на становление личности курсанта.

Так, анализ основных социально-демографических данных итоговой выборки показал, что из 500 респондентов в исследовании приняли участие: 8,2% – женатых, 0,2% – разведенных, 0,4% – имеющих детей; 90,8% – верующих, 7,6% – атеистов, 1,6% – агностиков; с силой религиозных убеждений: 18,8% – практически нет; 13,8% – слабые; 42,0% – средние; 21,2% – сильные; 4,2% – очень сильные; по этнической принадлежности: 76% – русские, 24% – иной национальности; с силой этнических чувств: 3,6% – практически нет, 1,4% – слабые; 16,2% – средние, 43,8% – сильные; 34,8% –

сильные; проживающих до момента поступления в военный институт: 28,8% – в крупном городе, 16,6% – в большом городе, 19,8% – в среднем или малом городе, 16,8% – в поселке городского типа, 18% – в селе или деревне; с уровнем благосостояния семьи (доходом на одного человека): 3,4% – до 10000 рублей, 16,6% – от 11000 до 20000 рублей, 27% – от 21000 до 30000 рублей, 22,4% – от 31000 до 40000 рублей, 30,6% – более 40000 рублей; с характеристикой стиля воспитания в семье: 14,6% –с авторитарным стилем воспитания, 81% – с демократическим стилем воспитания, 4,4% – с либеральным стилем воспитания; наиболее сильное влияние на становление личности респондентов оказали: 62,6% – отец, 49% – мать, 8,8% – старший брат, 5,6% – дедушка и бабушка, 4% – друзья, 3,8% – наставники, 1,8% – учителя, 1,2% – дядя, 0,8% – одноклассники.

Следующим методом получения эмпирических данных о характеристиках респондентов стал метод открытых и закрытых вопросов, направленный на оценку восприятия респондентами внутриличностных инстанций, оказавших значимое влияние на выбор роли военного.

В данный блок были включены закрытые вопросы: укажите возраст, когда Вы приняли осознанное решение овладеть военной профессией; в какой степени Вы уверены в правильности своего выбора роли военного; попробуйте вспомнить, где Вам приходилось встречаться с реальными военными до поступления в военный институт; какие причины Вы считаете главными при выборе профессии военного. В качестве открытого вопроса респондентам было предложено вспомнить, какое именно событие повлияло на формирование их желания стать военным, без указания доступных вариантов ответа.

Анализ результатов показал, что осознанное желание выбора воинской профессии сформировалось у респондентов в возрасте от 14 до 18 лет, а именно: 13,6% – 14 лет, 13,6% – 15 лет, 22% – 16 лет, 18,4% – 17 лет, 7,6% – 18 лет. На вопрос об уверенности в своем выборе ответы респондентов распределились следующим образом: 67,4% – абсолютно уверен, 20,8% –

скорее уверен, 8,4% – что-то среднее, 1,2% – скорее не уверен, 2,2% – абсолютно не уверен. Одновременно с этим, главными причинами, которые повлияли на выбор профессии военного, респонденты назвали социально-экономические, а не профессионально-мотивационные факторы: для 53,6% – наиболее приоритетными причинами стали материальное благополучие, стабильность заработной платы, льготы и соцгарантии, бесплатное служебное жилье, ипотека, бесплатное качественное образование, гарантированное трудоустройство и карьерный рост, для 46,4% – желание реализовать себя как лидера, воина, защитника.

Анализ ответов на вопрос об основном событии показал, что на формирование желания стать военным оказало значимое влияние 24 вариации различных социальных обстоятельств и взаимодействий. Наиболее значимыми из них стали: 35,2% – пример родственников-военнослужащих, 18,0% – просмотр фильмов и видеороликов про войну, 16,6% – совет и разговоры с близкими и родными, 8,5% – наличие желания освоить военное дело, 7,0% – учеба в кадетском классе, 5,6% – специальная военная операция, 5,0% – военные парады, 4,2% – изучение военной истории России, 3,2% – игра в военные ролевые игры, 2,2% – прохождение военной службы по призыву или по контракту, 1,6% – я не смог учиться в гражданском вузе.

Среди обстоятельств, при которых имелась возможность встретиться с реальными военными, отмечались: 49,2% – наличие родственника, проходящего военную службу, 37,4% – встречи с военнослужащими в школе, 36,6% – наличие военнослужащего в кругу знакомых, 18,4% – встречи с военнослужащими на военных парадах. При этом 3,8% респондентов отметили, что до момента поступления в военный вуз не имели контакт с реальными военными.

Представленные социально-демографические данные отражают необходимую полноту сведений о выборке исследования и обеспечивают репрезентативность полученных результатов.

2.3. Диагностический инструментарий и статистические методы

Проверка выдвинутых гипотез исследования обеспечивалась применением необходимого целевого психодиагностического инструментария.

Для выявления и оценки характеристик военной идентичности применялся авторский опросник (В. О. Акбутаев [7], Приложение 4), представляющий собой модифицированный опросник по определению уровня военной идентичности А. И. Сорокина. В связи с тем, что разработанный ранее психодиагностический инструментарий не раскрывал в полной мере содержательность личностного и группового компонентов отождествления личности с военной сферой, для реализации цели и задач данного исследования возникла необходимость в разработке авторского опросника, применение которого позволило бы выявить данные компоненты военной идентичности и оценить их содержательность. За основу был взят опросник «Военная идентичность офицера» (А. И. Сорокин [178]), состоящий из 11 утверждений. Его авторская модификация включила 25 утверждений, которые позволили установить факт наличия военной идентичности в структуре идентичности курсантов и оценить ее значимость, через принадлежность к военной сфере и включенность в группу военнослужащих подразделения. В связи с этим предполагалось наличие двух характеристик военной идентичности.

Для выявления структуры идентичности курсантов, оценки значимости отдельных характеристик идентичности и определения места военной идентичности в структуре идентичности курсантов, применялся комплекс шкал из различных методик.

Так, для оценки гражданской идентичности использовалась шкала гражданской идентичности А. Н. Татарко [185]; для оценки религиозной идентичности – шкала «Идентичность по вероисповеданию» опросника Д. Ван Кампа «Измерение индивидуальных/социальных компонентов

религиозной идентичности», в адаптации В. А. Шороховой [221]; для оценки социальной идентичности – шкала идентификации «Отношения с окружающими» методики А. А. Урбановича «Личностная и социальная идентичность» [192], со шкалой Лайкерта (от 1 до 5); для оценки личностной идентичности – шкала «Личная идентичность» опросника «Аспекты идентичности» Дж. Чика, в адаптации А. Е. Войскунского, А. С. Евдокименко и Н. Ю. Федунина [41].

Представленные инструментарии направлены на оценку значимости ключевых характеристик идентичности, отражают выраженность наиболее значимых ценностей и норм личности, ее мыслей, чувств, планов и жизненных перспектив, в основных сферах бытия, в которых протекает социализации личности. Полученные данные демонстрируют оценку личности с ракурса разных «социальных» точек зрения, как единую, многокомпонентную, непрерывно развивающуюся под влиянием разнообразных факторов социализации, отличную от других участников взаимодействия, социально-тождественную психологическую структуру.

Основным критерием надежности используемого комплексного метода с использованием шкал разных методик стал коэффициент α-Кронбаха. Так, для шкалы военно-ролевой идентичности данный показатель составил 0,93; для шкалы идентичности с военным подразделением – 0,84; для шкалы гражданской идентичности – 0,91; для шкалы религиозной идентичности – 0,77; для шкалы социальной идентичности – 0,86; для шкалы личностной идентичности – 0,84. Представленные результаты коэффициента α-Кронбаха находятся в пределах от 0,7 до 0,9, что свидетельствует о необходимом уровне надежности используемых методик в пределах от «достаточная» до «отличная», и подтверждает надежность использования данного метода.

Для изучения оценки влияния приверженности курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве, на характеристики военной идентичности, применялась авторская анкета (В. О. Акбутаев, Приложение 7). Был применен метод ретроспективного анализа, разработаны вопросы-шкалы,

направленные на установление социально-демографических характеристик и определение субъективной оценки участия курсантов в различных формах провоенной активности в процессе их первичной социализации в детстве и отрочестве; вопросы об отношениях с родителями и в школе с одноклассниками; вопросы об интересах в области литературных, художественных, спортивных, исторических и прочих областях, и свободного времяпровождения. Важное внимание уделялось цифровой и, в частности, военно-игровой социализации респондентов, представленной их участием в различных военных играх в их различных формах, и изучению организационного и ролевого аспекта военных игр. Для оценки каждого утверждения применялась шкала Лайкерта. Респондентам было предложено оценить, как часто они уделяли внимание свободному времяпровождению, связанному с имитационными и неимитационными формами вовлечения в роль военного. Анкета включила 17 основных и 13 дополнительных вопросов, для оценки многочисленных установок, увлечений, ролевых позиций в играх, отмечаемых в детстве и отрочестве курсантов.

Определение ценностных факторов военной идентичности курсантов было организовано с помощью методики диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца (в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой [196]). Содержание методики включает 57 утверждений, определяющих 19 ценностей личностного и социального фокуса. Ценности отражают значимые руководящие принципы в жизни индивида, они оказывают влияние на развитие личности и принимаемые ею решения. Значимость ценностей для личности делает их одним из ключевых факторов становления военной идентичности, роль которого в процессе социализации курсантов необходимо определить (В. Н. Лымарев [106], П. А. Камбалина [74]).

Заключительный блок опросника направлен на оценку состояния удовлетворенности базовых психологических потребностей, и был реализован посредством применения двух методик. Первая методика

включила оценку удовлетворенности базовых психологических потребностей в компетентности, в установлении связей и отношений и в автономии Э. Л. Деси и Р. М. Райана, в адаптации Е. Н. Осина и др. [190]. Как отмечалось выше, связанность потребностной сферы и идентичности личности изучалась концептуально в теории самодетерминации R. M. Ryan и E. L. Deci [238]. Базовые психологические потребности являются главным мотивационным фактором, определяющим поведение личности в социуме и оказывающим влияние на идентичность личности со значимой социальной группой, членом которой она является. В свою очередь, удовлетворенность потребностей выступает внутренним фактором личности, инцидирующим становление идентичности.

Второй диагностический инструментарий в данном блоке направлен на оценку удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности. Опираясь на результаты исследований по изучению взаимосвязи потребности в безопасности и безопасного поведения личности (А. Маслоу [116], C. L. Hull [235], B. F. Skinner [241], И. П. Павлов [137]), для оценки состояния удовлетворенности потребности личности в безопасности как одной из базовых дефицитарных психологических потребностей, и определения ее взаимосвязи с характеристиками военной идентичности курсантов, была разработана авторская методика (В. О. Акбутаев [6], Приложение 10), которая включила 13 утверждений, направленных на оценку различных аспектов удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности, представленных в шкалах: «Потребность в безопасности», «Потребность в свободе безопасного выбора», «Потребность в безопасном самовыражении». Для реализации цели исследования в качестве исследуемой переменной применялась шкала «Потребность в безопасности», состоящая из 4 прямых и 1 обратного утверждений.

Таким образом, применение данных методик дало возможность оценить степень влияния характеристик военной идентичности курсантов на

состояние удовлетворенности основных базовых психологических потребностей в автономии, в связанности с другими, в компетентности и в безопасности.

Основанием для применения используемого психодиагностического инструментария стало проведение пилотажного исследования. На первоначальном этапе разработки опросника была организована проверка экспертной валидности подобранных методик и разработанных утверждений. С этой целью 10 квалифицированным экспертам с опытом работы по исследуемому направлению от 15 до 35 лет, было предложено оценить валидность и адекватность использования методик и утверждений по отношению к предмету исследования.

Факт понятности используемых методик и разработанных утверждений для респондентов был установлен на тестовой выборке из 25 курсантов (по 5 респондентов от каждого этапа социализации), выступавших в качестве неквалифицированных экспертов. Процедура пробного тестирования проводилась отдельно на каждом этапе, что исключало возможность искажения достоверности ответов курсантов младших курсов, под влиянием курсантов старших курсов. Респонденты, принимавшие участие в пробном тестировании, к участию в итоговом тестировании не привлекались.

Затем по результатам пробного тестирования была проверена и оптимизирована содержательная валидность разработанного опросника, утверждения были рационализированы. При этом утверждения, получившие низкие оценки от респондентов-экспертов и не отвечающие достаточному уровню валидности, были исключены из итоговой версии опросника.

Следующим этапом исследования стал **подбор методов математическо-статистического анализа.** Вначале были проверены психометрические характеристики авторских опросников, подтверждающие их согласованность и валидность. Оценка внутренней согласованности разработанных опросников производилась с помощью расчета коэффициента α-Кронбаха. Затем перед проведением факторного анализа производились

расчеты показателя меры адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) и значимости p. Для выделения характеристик военной идентичности применялся разведочный факторный анализ (Exploratory Factor Analysis) с методом главных компонент и Варимакс с нормализацией Кайзера. Влияние выделенных факторов на вариации исследуемой переменной производилось с помощью расчета доли объясненной дисперсии (R^2).

Психометрические показатели опросника оценки характеристик военной идентичности по критерию альфа-Кронбаха как для опросника в целом, так и для каждой из его шкал (0,925 общий показатель, 0,923 для шкалы военно-ролевой идентичности, 0,835 для шкалы идентичности с военным подразделением), свидетельствуют о высокой согласованности-надежности (Приложение 5). Конвергентная валидность опросника доказана путем корреляционного анализа с отдельными шкалами известных методик, измеряющих аналогичные личностные показатели и объективно признанных как надежные и валидные.

Так, высокие показатели корреляций характеристик военной идентичности со шкалой гражданской идентичности (А. Н. Татарко [185]), утверждениями «Для него важно, чтобы его страна была безопасной и стабильной», «Для него важно, чтобы государство было сильным и способным защитить своих граждан», «Для него важно, чтобы его страна могла защитить себя от любых угроз» и шкалой ценности «Безопасность–общественная» Методики диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца (в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой [196]) показали достаточные значения взаимосвязей (от 0,474 до 0,243), что позволяет говорить о необходимой конвергентной валидности (Приложение 6).

Представленные психометрические характеристики свидетельствуют о том, что опросник, направленный на оценку характеристик военной идентичности, характеризуется достаточной валидностью и надежностью.

Определение характеристик военной идентичности позволило применить полученные данные в качестве самостоятельных переменных для

выявления и анализа структуры идентичности респондентов на каждом этапе социализации в военном вузе. Для изучения структуры взаимосвязей между исследуемыми показателями идентичности применялся корреляционный двухсторонний анализ, с расчетом коэффициента корреляции Пирсона. После этого, для выявления структуры идентичности применялся метод уровневого анализа, где в качестве переменных выступили средние значения стандартизованных z-коэффициентов каждого из исследуемых показателей идентичности. Последующее сравнение и анализ полученных данных применялись для установления места каждого из исследуемых показателей идентичности курсантов на каждом из этапов социализации.

Для установления взаимосвязей характеристик военной идентичности с другими показателями идентичности курсантов применялся путевой и медиационно-модерационый анализ.

Полученные в результате корреляционного и уровневого анализа данные позволили произвести кластерный анализ, целью которого стало определение совокупного эффекта взаимосвязей разных показателей в структуре идентичности курсантов, на что обращалось внимание другими учеными (M. Sherif, C. W. Sherif [240], О. А. Успенская [194], А. Ю. Чернов и А. Л. Кузеванова [211]). Для выявления типологий идентичности курсантов применялся иерархический кластерный анализ с методом Уорда, расчетом средних значений ранее стандартизированных переменных и расчетом квадратов евклидовых расстояний.

Следующей целью исследования стало определение значимых факторов первичной социализации, оказывающих влияние на военную идентичность курсантов в период до момента поступления в военный вуз. Для того, что определить факторы, обуславливающие данный феномен, необходимо обратиться к концепции социальной идентичности Э. Эриксона [222], в которой утверждалось, что новое психическое образование в структуре личности возникает лишь в том случае, когда для его появления в прошлом были созданы необходимые психологические условия, или другими

словами – условия, в которые социализируется личность. Также Р. Б. Кэттеллом, Г. Ю. Айзенком, Г. В. Оллпортом [98] было установлено, что значимая часть личностных характеристик индивида определяются особенностями его социальной среды.

Для проверки этой гипотезы был разработан опросник, направленный на оценку приверженности личности к провоенной активности в детстве и отрочестве (Приложение 7). В опросник были включены 17 вопросов-шкал, которые направлены на оценку различных форм провоенной активности в период до момента поступления курсантов в военный вуз. Для оценки каждого утверждения применялась шкала Лайкерта. Значимость влияния провоенной активности на характеристики идентичности курсантов была установлена с помощью регрессионного анализа. Независимыми переменными стали различные формы провоенной активности, представленные просмотром военных фильмов, телепередач, чтением военных книг, участием в играх военной направленности в различных ролях, наличием мечты о карьере военного, изучением военной истории, участием в патриотических школьных мероприятиях и спортивных мероприятиях. Зависимыми переменными в регрессионных моделях стали исследуемые показатели идентичности курсантов.

Психометрические показатели опросника оценки приверженности личности к провоенным формам активности в детском и подростковом возрасте, по критерию альфа-Кронбаха опросника в целом, а также для каждого утверждения в отдельности (0,881 общий показатель, от 0,886 до 0,874 для утверждений), показали высокую внутреннюю согласованность. (Приложение 8). Конвергентная валидность опросника проверялась посредством корреляционного анализа средних значений каждого утверждения с ранее верифицированным опросником оценки характеристик военной идентичности.

Результаты показали, что в целом, по большинству утверждений установлены высокозначимые корреляции с обеими характеристиками

военной идентичности, в пределах от 0,300 до 0,200 (Приложение 9). Одновременно с этим были также выявлены незначительные отрицательные взаимосвязи характеристик военной идентичности с военными играми в роли участника, исполнителя и наблюдателя, что ожидаемо и является дополнительным фактором, подтверждающим конструктивную валидность разработанного опросника.

Таким образом, данные психометрические характеристики свидетельствуют о том, что опросник, направленный на оценку субъективной приверженности личности к провоенным формам активности в детском и подростковом возрасте, является в достаточной степени валидным и надежным.

Затем предполагалось выявление ценностных факторов военной идентичности как ключевых характеристик персональной нацеленности курсантов на реализацию роли военного. Для установления взаимосвязей ценностных ориентаций с характеристиками военной идентичности применялся корреляционный двухсторонний анализ, с расчетом коэффициента корреляции Пирсона. Затем, для выявления ценностных предикторов военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением применялся множественный линейный регрессионный анализ, с последовательным включением переменных, расчетом коэффициентов доли объясненной дисперсии регрессионной модели (R^2) и коэффициента автокорреляции Дарбина-Уотсона (DW), а также расчетом стандартизированных β-коэффициентов полученных регрессионных моделей (β). Независимыми переменными стали ценностные ориентации респондентов, зависимыми переменными – характеристики военной идентичности. Для установления ключевых ценностных предикторов характеристик военной идентичности на каждом этапе социализации курсантов в военном вузе применялся метод сравнения стандартизированных β-коэффициентов как стандартных коэффициентов регрессии, универсальной меры влияния независимых переменных. Как отмечалось А. Д. Наследовым,

«стандартные коэффициенты регрессии позволяют сравнивать независимые переменные по их влиянию на оценку зависимой переменной» [131, с. 234], что позволило выявить наиболее выраженные ценностные предикторы характеристик военной идентичности.

Следующим шагом стала проверка опосредующей роли провоенной активности курсантов в детстве и отрочестве, в связи ценностей и характеристик военной идентичности, для чего применялся путевой и медиационно-модерационый анализ.

Завершающим элементом нашего исследования стало изучение влияния характеристик военной идентичности на удовлетворенность базовых психологических потребностей личности, а именно – необходимо было оценить, как показатели военной идентичности респондентов способствуют удовлетворенности базовых психологических потребностей. В качестве независимых предикторов были выбраны военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением, зависимыми переменными стали значения удовлетворенности психологических потребностей в автономии, в связанности с другими, в компетентности и в безопасности.

Для установления данного факта возникла необходимость в разработке нового психодиагностического инструментария, направленного на оценку удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности (Приложение 10). Методика включила 13 утверждений, направленных на определение состояния защищенности личности в наиболее актуальных аспектах безопасности (физическом, психологическом, социальном и личностном), определение состояния безопасности с точки зрения свободы психологического выбора и определение состояния защищенности личности посредством самовыражения.

Оценка возможности и допустимости проведения разведочного факторного анализа полученных данных производилась посредством вычисления показателя меры адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина и значимости p. Для выделения основных компонентов удовлетворенности

потребности в безопасности применялся разведочный факторный анализ с методом главных компонент и Варимакс с нормализацией Кайзера.

Проверка надежности и оценка внутренней согласованности показала достаточный уровень психометрических характеристик разработанного инструментария. Так, расчет коэффициента α-Кронбаха показал высокую внутреннюю согласованность как опросника в целом (0,840), так и для каждой из полученных шкал (0,837 для шкалы «Потребность в безопасности», 0,750 для шкалы «Потребность в свободе безопасного выбора», 0,737 для шкалы «Потребность в безопасном самовыражении», Приложение 11). Конвергентная валидность опросника проверялась посредством корреляционного анализа средних значений полученных шкал с отдельными шкалами известных методик, измеряющих схожие личностные показатели и объективно признанных в качестве надежных и валидных.

Из полученных данных видно, что установлены высокозначимые корреляции выделенных шкал удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности со шкалами, оценивающими «Потребность в автономии», «Потребность в связанности с другими», «Потребность в компетентности» Методики удовлетворенности базовых психологических потребностей Э. Л. Деси и Р. М. Райана (в адаптации Е. Н. Осина, Д. Д. Сучкова, Т. О. Гордеевой, Т. Ю. Ивановой [190]), а также с ценностями «безопасность-личная» и «безопасность-общественная» Методики диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца (в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой [196]), в пределах от 0,550 до 0,150 (Приложение 12).

Таким образом, данные психометрические характеристики свидетельствуют о том, что разработанная методика, направленная на оценку удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности, является в достаточной степени валидной и надежной.

После выделения трех компонентов потребности в безопасности полученная шкала удовлетворенности потребности в безопасности была

включена в расчеты как зависимая переменная, совместно с удовлетворенностью потребностей личности в автономии, связанности с другими и в компетентности. Первоначально нами был установлен факт значимой взаимосвязи удовлетворенности базовых психологических потребностей с военно-ролевой идентичностью и идентичностью с военным подразделением, для чего применялся корреляционный двухсторонний анализ с расчетом коэффициента корреляции Пирсона. Затем, для выявления предикторов удовлетворенности базовых психологических потребностей в регрессионных моделях в качестве независимых переменных использовались военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением, а установленные компоненты удовлетворенности базовых психологических потребностей – в качестве зависимых переменных. Расчет производился методом множественного линейного регрессионного анализа с последовательным включением переменных, с расчетами коэффициента объясненной дисперсии регрессионной модели (R^2), коэффициента автокорреляции Дарбина-Уотсона (DW) и стандартизованных β-коэффициентов (β) в регрессионных моделях.

Таким образом, применение рассмотренного психодиагностического инструментария и комплекса методов статистического анализа способствовало эффективному достижению цели и поставленных задач исследования, и определило разработку программы исследования.

2.4. Этапы и программа эмпирического исследования

Для реализации цели и задач исследования и проверки выдвинутых гипотез, была разработана **программа исследования** из трех этапов.

Первый этап – теоретико-методологический, с 2022 по 2023 год. В процессе данного этапа было реализовано:

изучались научные труды и публикации, результаты исследований в таких областях как: понятие, концепции и виды идентичности, понятие социализации личности, феномен становления военной идентичности в процессе военной социализации личности, социально-психологические факторы военной идентичности;

выдвинуты гипотезы исследования, определены актуальность, цель, теоретические, методические и эмпирические задачи;

сформирован научно-методологический аппарат изучения становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза;

определены психодиагностический инструментарий и комплекс методов математическо-статистического анализа для проверки выдвинутых гипотез исследования.

Второй этап – диагностико-аналитический, с 2023 по 2024 год. В процессе данного этапа было реализовано:

организован письменный опрос и анкетирование респондентов;

проведена первичная обработка анкет;

организовано заполнение протокола исследования;

проведен математическо-статистический анализ полученных социально-психологических характеристик курсантов;

проанализированы полученные данные.

Третий этап – обобщающе‑интерпретационный, с 2024 по 2026 год. В процессе данного этапа было реализовано:

организовано обобщение результатов и подготовка основных выводов исследования;

ключевые результаты исследования рассмотрены в ходе научно-представительских мероприятий различного уровня, размещены в научных журналах, сборниках по результатам конференций, и периодических научных изданиях;

проведено структурирование результатов диссертационного исследования;

разработан комплекс рекомендаций по социально-психологическому сопровождению становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов военного вуза;

оформлены материалы диссертации и автореферата.

В рамках второго и третьего этапов результаты исследования были рассмотрены на следующих мероприятиях:

международная научная конференция, посвященная 118-летию доктора психологических наук, профессора Ивана Владимировича Страхова, по теме: «Страховские чтения – 2023: Педагогическая деятельность: психологические, психолого-педагогические и социально-психологические характеристики», состоявшаяся 13–14 ноября 2023 года на базе СГУ имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов;

научно-методическая дискуссия по теме: «Условия защиты от негативного информационного психологического воздействия и профессиональной надежности курсантов военного института», состоявшаяся 18 января 2024 года, на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов;

круглый стол с профессорско-преподавательским составом кафедры военной педагогики и психологии, офицерами отдела по военно-политической работе и заместителями командиров батальонов курсантов по военно-политической работе, по теме: «Традиции и инновации в воспитании будущих офицеров войск национальной гвардии Российской федерации»,

состоявшийся 5 сентября 2024 года на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов;

всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Патриотизм: вчера, сегодня, завтра», посвященная 23 февраля – Дню защитника Отечества, состоявшаяся 20 февраля 2025 года на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов;

всероссийский научно-педагогический форум с международным участием по теме: «Патриотическое воспитание: проблемы, поиски, перспективы», состоявшийся 27-28 февраля 2025 года на базе Филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, г. Пенза;

межвузовская научно-практическая конференция по теме: «Становление Росгвардии как элемента правоохранительной системы государства (ко Дню Росгвардии)», состоявшаяся 25 марта 2025 года на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов;

XV Всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Организационная психология: люди и риски», состоявшаяся 6–7 июня 2025 года на базе СГУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов;

I Международная научно-практическая конференция по теме: «Патриотизм как интегративный феномен: военно-социальные аспекты, образовательные стратегии и правовые основы», состоявшаяся 18–19 сентября 2025 года на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов;

международная научная конференция, посвященная 120-летию доктора психологических наук, профессора Ивана Владимировича Страхова, по теме: «Страховские чтения – 2025: Социальная психология личности и группы», состоявшаяся 17–18 октября 2025 года на базе СГУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов;

VIII Международная научно-практическая конференция по теме: «Драгомировские образовательные чтения. Современное образовательное

пространство: традиции и инновации», состоявшаяся 27–28 ноября 2025 года на базе ПГУ, г. Пенза;

межкафедральная научно-методическая (практическая) конференция с профессорско-преподавательским составом кафедр и офицерами учебного отдела, по теме: «Актуальные проблемы совершенствования военно-профессиональной подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии», состоявшаяся 20 января 2026 года на базе СВКИ войск национальной гвардии, г. Саратов.

Рассмотрение полученных результатов исследования на научно-представительских мероприятиях различного уровня способствовало повышению эффективности реализации цели и задач исследования, и выполнению программы исследования в полном объеме.

Выводы по главе 2

Анализ представленной научной базы исследования позволил определить в качестве общенаучной методологии системный подход (А. Г. Асмолов [14], L. V. Bertalanffy [229], А. А. Богданов [28], Б. Ф. Ломов [103], В. А. Ганзен [49], М. Месарович, Д. Мако и Т. Тахакара [121], К. К. Платонов [150]), в соответствии с которым военная идентичность рассматривается как системный объект, социально-психологическое явление, включающее различные уровни и компоненты.

В соответствии с субъектно-деятельностным подходом к изучению психических явлений как результата субъектной деятельности личности (С. Л. Рубинштейн [163], А. В. Брушлинский [35], К. А. Абульханова [1]), курсант в процессе военной социализации рассматривается не как объект социально-психологического воздействия, а как активный творец собственного образа военного, способный к саморазвитию, рефлексии и осознанному приятию ценностей военной службы.

Теоретической основой нашего исследования выступили работы в области социальной психологии личности (Р. М. Шамионов [214], В. В. Гриценко [56], Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая [21], Н. Л. Иванова [72], А. В. Карпов, В. Б. Никишина и Е. А. Петраш [76], В. В. Киселев [78], Е. В. Рягузова [167], Р. Б. Акжигитов и В. В. Константинов [9], Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина [176, 177], Т. Г. Стефаненко [180], А. Н. Татарко и Г. Я. Родионов [184]). Результаты данных исследований раскрывают специфику социально-психологического подхода к пониманию внутренней структуры личности и ее идентичности.

Методологической основой исследования стали научные изыскания Э. Эриксона [222], H. Tajfel [242], J. E. Marcia [237], A. S. Waterman [243], M. D. Berzonsky [230], F. H. Giddings [233], Д. Тернера [187], В. Ю. Хотинец [206] Р. М. Шамионова [213, 217, 218], Ч. Х. Кули [96], В. А. Ядова [226],

А. Н. Татарко и Г. Я. Родионова [184], М. В. Григорьевой, А. А. Шарова и А. И. Заграничного [55], Т. Парсонса [138], А. Бандуры [17], R. M. Ryan и E. L. Deci [238], А. Маслоу [116], Д. А. Леонтьева [100], Л. Б. Шнейдер [220], Р. Б. Кэттелла, Г. Ю. Айзенка и Г. Оллпорта [98], Л. И. Божович [29], Г. М. Андреевой [11], Б. Г. Ананьева [10]. Результаты работ данных авторов в области изучения социализации и идентичности личности раскрывают особенности влияния различных внутренних и внешних факторов, что нашло отражение и в нашем исследовании.

В качестве специальной методологической базы исследования выступили труды в области военной идентичности таких авторов как: Ю. М. Перевозкина и М. И. Федоришин [143], И. А. Федосеева, Ю. М. Перевозкина, М. М. Гупалов [199], Т. В. Мальцева [112], С. В. Бобаров [27], П. А. Камбалина [74], О. Б. Полушина и И. В. Жилясов [151], С. И. Дьяков и С. Ю. Добряк [60], О. С. Михно [125], А. В. Спирин, М. И. Федоришин и Ю. М. Перевозкина [179], И. В. Белюшина [22], П. Д. Никитенко [133], Р. М. Шамионов и Р. А. Терехин [212], М. В. Сысолятин [182], А. Н. Луняка [104], Д. А. Семенищенков и Л. Д. Сыркин [171], Е. А. Соколова, Е. С. Григорян и Р. М. Ахмедов [175] Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина и Е. В. Ветерок [119], M. Kleykamp, S. Montgomery, A. Pang, K. Schrader [236], C. Heward, T. Y. Chun, P. A. Waterworth [234], S. Sachdev, S. Dixit [239], Р. М. Шамионов и А. И. Сорокин [216], С. А. Ворожейкин [43, 45], Л. А. Кузнецова [95], М. В. Петровская и Н. В. Купрейчук [146] С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина и М. И. Федоришин [142], Е. И. Панасенко и др. [101], Ю. Г. Быченко и А. Н. Болдырев [37], С. Б. Перевозкин и Ю. М. Перевозкина [140], О. С. Михно и В. С. Катрецкий [126], Р. А. Терехин и О. Б. Полушина [186], Е. А. Соколова, Е. С. Григорян и Р. М. Ахмедов [175], И. В. Белюшина [22], Т. С. Просветова [152], Р. Р. Галиев [48], С. В. Бобаров [27], Д. Л. Анохина и Т. Н. Соболева [13], Н. Я. Большунова и А. Г. Чапоргин [32], А. А. Утюганов и Л. В. Фролова [197], М. О. Удальцова и В. А. Добрякова

[191], Е. А. Юмкина, В. В. Волков и Л. О. Борисенко [223], Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина и М. И. Федоришин [120], С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина и В. И. Иванов [141], R. M. Ryan и E. L. Deci [238], А. К. Туртаев [189], И. В. Усачева и И. А. Паршутин [193]. Полученные в результате анализа указанных исследований данные помогли установить совокупность факторов, способствующих становлению военной идентичности в процессе социализации военнослужащих.

На основе представленных исследований, предлагается следующая интерпретация исследуемого феномена: военная идентичность – это вид социальной идентичности личности, характеризующийся осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям.

Военная идентичность как социально-психологический феномен, включает военно-ролевую идентичность, отражающую включенность личности в военную сферу, и идентичность с военным подразделением, отражающую принадлежность к референтной группе военнослужащих.

Военная идентичность как вид социальной идентичности характеризуется гибкостью и динамичностью своего развития. Данный процесс происходит под влиянием социально-психологических факторов (как в период до поступления в военный вуз, так и в процессе социализации в военном вузе), и включает в себя такие структурные элементы как потребности, ценности, установки и увлечения.

Основным методом для выявления эффекта развития и изменения характеристик военной идентичности стал авторский системно-диахронический подход Р. М. Шамионова [215]. С его помощью мы постарались не только изучить значимость влияния особенностей поэтапной социализации курсантов на динамику развития характеристик их военной идентичности, но и установить факт того, как сами курсанты воспринимают и внутренне переживают эффекты влияния условий военной социализации.

Глава 3. Эмпирическое исследование становления военной идентичности курсантов военных вузов в процессе военной социализации

3.1. Структура идентичности курсантов на разных этапах военной социализации

Результаты теоретического анализа исследований показывают, что идентичность личности опосредована социальной средой, в которой протекает ее бытийность. На характеристики идентичности оказывают влияние особенности социальных ролей, которые реализует личность. Являясь участником социальной группы, личность отождествляет себя с определенной ролью, и с участниками этой группы, с которыми она вступает во взаимодействие, эту роль реализуя. Таким образом, необходимо изучать разные грани идентичности – те, которые отражают включенность личности в определенную социальную сферу и те, которые отражают принадлежность личности к групповым субъектам этой сферы.

Изучение военной идентичности как одного из видов социальной идентичности, наиболее оптимально проводить на примере курсантов, военная социализация которых начинается задолго до поступления в военный вуз, и затем продолжается в процессе социализации в нем. При этом, если изучение влияния первичной социализации на становление военной идентичности курсантов является трудно реализуемым в силу ряда особенностей, то длительная вторичная социализация в военном вузе предлагает широкие возможности для рассмотрения всей полноты картины становления структуры идентичности курсанта в целом, и военной идентичности в частности, как ее значимого структурного компонента. Иными словами, изучение особенностей военной социализации курсантов в военном вузе является социальным экспериментом в естественных условиях

военного обучения, где характеристики их военной идентичности выступают в качестве исследуемых переменных.

Для определения военной идентичности личности применялся разработанный авторский опросник (В. О. Акбутаев [7], Приложение 4) Проверка его надежности реализована посредством определения коэффициента α-Кронбаха. Произведенный расчет (α=0,925) показал высокую внутреннюю согласованность разработанных шкал (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики военной идентичности курсантов

Утверждение	M	d	Sd
Военная служба – это почетный долг каждого мужчины	4,44	0,65	0,80
Сегодня быть военным – это престижно	4,11	0,87	0,93
Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии	4,14	0,98	0,99
Я считаю, что вооруженная защита страны и ее граждан – это достойная мужская работа	4,68	0,30	0,54
Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный	4,04	0,98	0,99
Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России	4,27	0,68	0,82
Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента	3,54	1,35	1,16
Я считаю красивой военную форму как неотъемлемую часть образа военного	4,39	0,60	0,78
Я убежден, что дисциплины и порядка в армии больше, чем в гражданской организации	4,62	0,47	0,68
Военная служба - это мое призвание	4,10	0,76	0,87
Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере	4,14	0,72	0,85
Я хотел стать военным с малых лет	3,63	1,56	1,25
Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным	3,45	1,55	1,25
Я горжусь тем, что я курсант военного ВУЗа	4,37	0,63	0,79
Я считаю, что офицерский состав – это элита армии	4,36	0,72	0,85
Мне нравится военная дисциплина и порядок	4,07	0,87	0,93
Я убежден, что мое физическое развитие стало лучше после поступления в военный институт	4,35	0,89	0,94
Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе	4,15	0,65	0,81
У меня больше друзей среди моих сослуживцев, чем на гражданке	3,67	1,48	1,22
Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами	4,03	0,73	0,85

Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения	4,21	0,56	0,75
Мне проще выполнять задачу в составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него	3,78	1,16	1,08
Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением	4,01	0,97	0,98
Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения	4,06	0,84	0,92
Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы	1,89	1,12	1,06

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); мера размера эффекта (d); стандартное отклонение (Sd).

Для определения характеристик военной идентичности был применен разведочный факторный анализ (Exploratory Factor Analysis) с методом главных компонент и Варимакс[1]. Предварительная проверка коэффициента адекватности выборки КМО характеризует полученный показатель как безусловно адекватный (0,94, при $p<0,01$), и доказывает приемлемость извлеченных данных. Получены высокие значения показателей, что указывает на применимость результатов факторного анализа для интерпретации выделенных пунктов как характеристик военной идентичности личности.

Так, из данных в таблице 2 видно, что получено два фактора, объясняющих более 64% совокупной дисперсии военной идентичности курсантов.

Таблица 2

Результаты разведочного факторного анализа военной идентичности курсантов

Утверждение	Факторы	
	1	2
Военная служба – это мое призвание	0,83	
Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный	0,81	
Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере	0,80	

[1] Основные результаты исследований, изложенные в данном параграфе, представлены в научной статье: Акбутаев, В. О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов / В. О. Акбутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 67–72. – doi: 10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72

Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии	0,80	
Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента	0,75	
Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России	0,73	
Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным	0,72	
Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы	-0,72	
Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе	0,64	
Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения		0,83
Мне проще выполнять задачу в составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него		0,82
Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением		0,76
Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения		0,59
Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами		0,56
Дисперсия	41,35%	23,05%

Первый фактор объясняет 41,4% совокупной дисперсии, включает следующие показатели: «Военная служба – это мое призвание», «Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный», «Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере», «Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии», «Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента», «Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России», «Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным», «Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы» (обратное значение), «Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе». Выделенные показатели характеризуют данный фактор как «военно-ролевая идентичность». Он объясняет включенность личности в военную сферу и роль военного.

Второй фактор объясняет 23% совокупной дисперсии, включает следующие показатели: «Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения», «Мне проще выполнять задачу в

составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него», «Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением», «Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения», «Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами». Выделенные показатели характеризуют данный фактор как «идентичность с военным подразделением». Он объясняет принадлежность личности к группе военнослужащих.

Результаты факторного анализа свидетельствуют о согласованности и логичности выделенных факторов, содержание показателей объясняет их как характеристики военной идентичности. Показатели валидности и надежности разработанного инструментария указывают на обоснованность и согласованность полученных характеристик военной идентичности, что допускает их использование в расчетах как самостоятельных переменных.

Одновременно с этим, в других исследованиях установлено, что характеристики идентичности определенного вида оказывают влияние на организацию отношений личности с другими, имеющими значение для реализации социально-ролевых функций личности, и отражают ее персональное отношение к ним (Э. Эриксон [222], Б. Г. Ананьев [10], Р. М. Шамионов [213], Д. Тернер [187]). Проводя параллель с полученными в этом исследовании данными, становится очевидным, что и идентичность с военным подразделением, и военно-ролевая идентичность, образуют структуру военной идентичности как одного из видов социальной идентичности личности. Таким образом, тот факт, что они могут выступать в качестве характеристик военной идентичности, показатели которых отражают степень вовлеченности личности в военную среду и ее принадлежность к другим военнослужащим, является обоснованным и логичным.

Полученные данные способствовали изучению структуры идентичности и определению места военной идентичности в ней, в процессе военной социализации курсантов. Для выявления взаимосвязей в структуре

идентичности исследуемыми переменными в корреляционном уравнении стали показатели военно-ролевой идентичности, идентичности с военным подразделением, гражданской, социальной, религиозной и личностной идентичности курсантов. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Динамика показателей идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе

Показатели идентичности		Этапы социализации											
Результаты корреляционного анализа													
Показатели идентичности	Все этапы		Начальный		Докризисный		Кризисный		Посткризисный		Предпрофессиональный	
	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП
ГИ	,474**	,446**	,352**	,331**	,424**	,362**	,502**	,459**	,457**	,404**	,448**	,511**
СИ	,475**	,517**	,462**	,470**	,443**	,475**	,509**	,512**	,469**	,503**	,300**	,481**
РИ	,305**	,257**	,060	,097	,402**	,356**	,298**	,167	,437**	,300**	,177	,251*
ЛИ	,258**	,297**	,187	,226*	,194	,275**	,236*	,300**	,274**	,261**	,127	,209*
Результаты уровневого анализа												
Показатели идентичности			Начальный		Докризисный		Кризисный		Посткризисный		Предпрофессиональный	
ВРИ	M		4,35		4,17 (-4,1%)		3,98 (-4,6%)		3,78 (-5,0%)		3,69 (-2,4%)	
	Sd		0,59		0,73		0,78		0,81		0,77	
	Z-критерий		0,395		0,228		0,161		0,060		-0,317	
	Место		2		4		5		5		5	
ИВП	M		4,28		4,17 (-2,6%)		4,07 (-2,4%)		3,81 (-6,4%)		3,76 (-1,3%)	
	Sd		0,64		0,68		0,72		0,74		0,66	
	Z-критерий		0,209		0,228		0,351		0,122		-0,115	
	Место		4		4		2		4		4	
ГИ	M		4,78		4,63 (-3,1%)		4,62 (-0,2%)		4,41(-4,5%)		4,42 (+0,2%)	
	Sd		0,40		0,73		0,55		0,71		0,69	
	Z-критерий		1,538		1,432		1,518		1,374		1,787	
	Место		1		1		1		1		1	
СИ	M		4,31		4,19 (-2,8%)		4,01 (-4,3%)		3,99 (-0,5%)		3,96 (-0,8%)	
	Sd		0,46		0,54		0,50		0,60		0,52	
	Z-критерий		0,289		0,280		0,224		0,498		0,461	
	Место		3		3		4		3		2	
РИ	M		3,61		3,47 (-3,9%)		3,22 (-7,0%)		3,01 (-6,5%)		3,33(+10,6%)	
	Sd		1,14		1,02		0,96		0,97		0,85	
	Z-критерий		-1,572		-1,604		-1,451		-1,547		-1,355	
	Место		6		6		6		6		6	
ЛИ	M		4,23		4,25 (+0,6%)		4,06 (-4,5%)		4,02 (-1,0%)		3,90 (-3,0%)	
	Sd		0,49		0,55		0,52		0,67		0,57	
	Z-критерий		0,076		0,437		0,330		0,560		0,288	
	Место		5		2		3		2		3	

Примечание: нули в коэффициентах опущены; приняты следующие обозначения: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.); * Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.); среднее значение (М); стандартное отклонение (Sd); военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); гражданская идентичность (ГИ), социальная идентичность (СИ); религиозная идентичность (РИ); личностная идентичность (ЛИ).

Как видно из таблицы 3, взаимосвязи между показателями идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе отличаются на разных этапах, что объясняется динамическим характером и гибкостью всей системы персональных и социальных идентификаций курсантов.

На начальном этапе военной социализации выявлено 5 значимых корреляций характеристик военной идентичности с гражданской, социальной и личностной идентичностью. Военно-ролевая идентичность сопряжена с гражданской и социальной идентичностью, идентичность с военным подразделением – с гражданской, личностной и социальной идентичностью. Более сильная взаимосвязь характеристик военной идентичности установлена с социальной идентичностью, менее сильная – с гражданской идентичностью. Из этого следует, что в этот период процессы отождествления курсантов с военной сферой происходят параллельно с развитием их социальных и гражданских идентификаций. Военное подразделение находится на этапе формирования структуры взаимодействий между его членами, происходит определение статусов в нем, при этом объединяющим фактором этого процесса выступает принадлежность к роли защитника и воина. Принципы кооперации между курсантами подчинены единым правилам, которые определены уставами, что объясняет отсутствие высокозначимых связей с личностной идентичностью курсантов. Групповые ценности и идеалы имеют бóльшую значимость, чем персональные, что положительно сказывается на вовлеченности курсантов в освоение роли военного в составе группы.

На докризисном этапе социализации установлено 7 значимых корреляций характеристик военной идентичности. Показатели корреляций

военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением с гражданской, социальной и личностной идентичностью в пределах 0,4. Это означает, что процесс встраивания военной идентичности в структуру идентичности курсантов протекает одновременно на разных уровнях (инстанциях) структуры личности и более размеренно, в сравнении с начальным этапом социализации. Значимость военных традиций, норм и ценностей возрастает, происходит их постепенное внедрение в Я-концепцию курсантов, что объясняется несколькими причинами. Так, на данном этапе курсанты впервые погружаются в роль командира на войсковой стажировке. Нацеленность курсантов на освоение роли военного подкрепляется заключением первого военного контракта и обретением вследствие этого более высокого социального статуса, что положительно отражается на идентичности с военной сферой. И наконец, увеличение объема образовательной программы по военным предметам также способствует более глубокому погружению курсантов в роль военного на занятиях, следствием чего становится бóльшая значимость военной идентичности для всей структуры идентичности курсантов. Данный эффект также дополняют высокозначимые корреляции идентичности с военным подразделением со всеми остальными показателями идентичности курсантов. Это означает, что гармоничные отношения с сослуживцами оказывают более сильное влияние на формирование структуры идентичности курсантов, чем на предыдущем этапе. Укрепление взаимоотношений, развитие чувства войскового товарищества и взаимопомощи положительно отражаются на эффекте самовосприятия себя уже не только как военного, но как социально-ориентированной личности в целом.

Заслуживает более детального анализа более сильная взаимосвязь военной идентичности с гражданской и религиозной идентичностью. Это означает, что на данном этапе обретает важность осознание себя как гражданина и защитника своей страны, в том числе и через религиозную принадлежность. Мы предполагаем, что данный эффект также связан с

расширением социального статуса курсантов и обретением бóльших возможностей для свободного выхода в город, в результате чего верующие курсанты чаще посещают религиозные заведения и мероприятия, что было труднореализуемо на начальном этапе.

На кризисном этапе социализации выявлено 7 значимых корреляций. Сохраняются тенденции роста показателей связанности характеристик военной идентичности с гражданской и социальной идентичностью (военно-ролевой идентичности – на 8% и 6% соответственно, идентичности с военным подразделением – 10% и 4% соответственно). Сравнение корреляций между показателями идентичности с аналогичными данными на других этапах социализации показывает, что на кризисном этапе их значения наивысшие (за исключением связей с гражданской идентичностью на предпрофессиональном этапе), и превышают средние значения за весь период социализации в военном вузе. Мы считаем, что данные результаты отражают эффект кризисности данного этапа. Так, возрастной и учебный кризисы на данном этапе, с одной стороны, являются стрессовым фактором для курсантов, и одновременно с этим также выступают фактором сплоченности курсантов между собой, что тем самым способствует повышению их принадлежности к группе (военному подразделению) и положительно отражается на взаимосвязях характеристик военной идентичности с другими показателями идентичности курсантов.

Кризисность данного этапа социализации курсантов в военном вузе установлена в исследованиях, в которых изучалась специфика конкретных этапов социализации курсантов – начального, кризисного и завершающего (1, 3 и 5 годы обучения в военном вузе соответственно, в работах П. Д. Никитенко [133], Р. М. Шамионова и Р. А. Терехина [212]). В то же время другими исследователями социализация курсантов изучалась в условиях ее непрерывности на всем ее протяжении в военном вузе (Д. А. Мещеряков [123], М. В. Сысолятин [182], А. Н. Луняка [104]). Как видно из результатов приведенных исследований социализации курсантов в

военном вузе, несмотря на специфику объекта и целей конкретного исследования, характер кризисности и переломности данного этапа социализации был установлен в каждом из них.

На посткризисном этапе социализации курсантов в военном вузе выявлено 8 значимых корреляций, то есть максимально возможное количество взаимосвязей в процессе всей социализации в военном вузе. Их выраженность, в сравнении с предыдущим этапом, снижается (за исключением религиозной идентичности). Предположительно, данный эффект обусловлен преодолением совокупности кризисов, когда каждый курсант сознательно делает персональный выбор между продолжением дальнейшего обучения и отчислением из военного института. Очевидно, что следствием решения о завершении обучения в военном вузе становится смещение вектора самоопределения курсантов как себя-будущего в роли офицера, формированием и укреплением концепции «Я-офицер», и, предположительно, отражается на значимых изменениях ценностной детерминации военной идентичности курсантов. Данные результаты схожи с аналогичными на докризисном этапе социализации, в котором самоопределение было основано на концепции «Я-курсант».

На предпрофессиональном (завершающем) этапе социализации в военном вузе установлено 6 значимых корреляций показателей идентичности. Структура взаимосвязей характеристик военной идентичности с другими показателями идентичности в целом соответствует результатам на начальном этапе социализации. Наиболее выраженные изменения представлены в соотношении военной идентичности с гражданской идентичностью. Это означает, что осознание себя как офицера сильнее всего связано с гражданской самоидентификацией курсантов, в то время как на начальном этапе осознание себя в роли солдата – с социальной. Иными словами, на предпрофессиональном этапе социализации фактором связанности подразделений курсантов становится самоопределение себя как гражданина России. Причиной этому является момент завершения

социализации в военном вузе в роли курсанта и непосредственной самостоятельной реализации роли офицера в войсках.

Результаты корреляционного анализа показывают, что динамика характеристик военной идентичности, их соотношение с другими показателями идентичности, изменяются в зависимости от этапов социализации курсантов в военном вузе. Количественные и качественные изменения структуры идентичности курсантов, происходящие в процессе военной социализации, преимущественно гетерохронны.

Значимость данных корреляций отражает изменения в структуре идентичности курсантов. Иными словами, на каждом из этапов социализации наблюдаются значимые изменения характеристик идентичности, как в абсолютных, так и в относительных показателях. Результатом данных изменений становится смена приоритетности отдельных характеристик идентичности курсантов на каждом из этапов социализации в военном вузе.

Более наглядно данный процесс можно наблюдать по результатам уровневого анализа характеристик идентичности курсантов (табл. 3). Для сравнения применялись средние значения (M) и стандартные отклонения (Sd) идентичности с военным подразделением, военно-ролевой, гражданской, социальной, личностной и религиозной идентичности на каждом из этапов социализации курсантов.

Из результатов видно, что средние значения военной, гражданской, социальной и личностной идентичности курсантов на начальном этапе социализации в военном вузе имеют наивысшие и близкие к отличным показателям (M в пределах от 4,23 до 4,78). Это означает, что на данном этапе идентификация курсантов основана на «романтизированных» социальных категориях, что обусловлено отсутствием личного опыта и его компенсацией идеалами, сформированными в процессе первичной социализации до момента поступления в военный вуз.

Стоит обратить внимание, что религиозная идентичность на данном этапе имеет самое низкое значение и самые высокое стандартное отклонение

среди остальных показателей идентичности (M=3,61, Sd=1,14). Это означает, что принадлежность к определенной религии не является значимым фактором для курсантов как на этом этапе, так и в процессе всей социализации в военном вузе, что подтверждается результатами корреляционного анализа – религиозная идентичность имеет наименьшее количество связей с другими характеристиками идентичности (табл. 3).

На докризисном этапе социализации фиксируется снижение всех показателей идентичности, за исключением личностной. Отрицательная динамика, в сравнении с первоначальным этапом, наблюдается в пределах от 2,6% до 4,2%, что можно интерпретировать как изменение идентичности под влиянием личного опыта, обретенного в процессе военной социализации в военном вузе. Наибольшим изменениям подвержена военно-ролевая идентичность, в том время как наименьшим – идентичность с военным подразделением, при условии, что их значения на данном этапе одинаковы (M=4,17). Это означает, что, в сравнении с предыдущим этапом, процесс включения в роль военного сопряжен с более высокой стрессовой нагрузкой, ожидаемые представления значительно отличаются от действительных реалий военной социализации в вузе, в то время, как изменения в идентификации себя как представителя военного подразделения протекают более плавно, что и выражается в разной динамике характеристик военной идентичности. В этот период социализации в военном вузе курсанты более склонны соотносить себя с сослуживцами, чем воспринимать себя как представителя военной сферы в целом.

Личностная идентичность, в сравнении с начальным этапом социализации, имеет слабовыраженную динамику изменений на 0,5%. Это означает, что, несмотря на реализацию желания стать военным, в этот период бóльшую значимость для курсантов приобретают личные ценности и идеалы, сохранение своей самости. Данное предположение также подтверждается выраженным различием между их средними значениями – для военной идентичности M=4,17, в то время как для личностной идентичности M=4,25.

На кризисном этапе социализации отрицательная динамика характеристик военной идентичности сохраняется, и составляет для военно-ролевой идентичности 4,5%, для идентичности с военным подразделением 2,4%. Данные результаты соотносятся с аналогичными на начальном этапе социализации (4,1% и 2,6% соответственно). Показатели социальной и личностной идентичности и их динамика (относительно значений на докризисном этапе) относительно одинаковы, и составляют M=4,01 для социальной и M=4,06 для личностной (4,3% и 4,5% соответственно). При этом наибольшие изменения наблюдаются в значениях религиозной идентичности (7%), в то время как гражданская идентичность не претерпела значимых изменений (0,2%). Из результатов видно, что на кризисном этапе социализации процесс интеграций военно-ролевых категорий в структуру идентичности усиливается. Это проявляется также в динамике снижения значений социальной, личностной и религиозной идентичности – на данном этапе военной социализации их значимость для курсантов снижается.

На посткризисном этапе социализации наиболее значимым преобразованиям подвержена военная идентичность курсантов. Так, в сравнении с другими этапами наблюдается наибольшая динамика военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением. (5% и 6,4% соответственно).

Как отмечалось выше, полученные показатели обусловлены преодолением курсантами предшествующего кризисного этапа социализации. Переживания, связанные с принятием решения о продолжении обучения, негативно отражаются на их военной идентичности и способствуют, с одной стороны, более сильному отождествлению с подразделением, с другой стороны – значительным изменениям в остальных инстанциях личности, в сравнении с предшествующим этапом социализации курсантов. Курсантами преодолеваются внутренние разногласия, связанные с желанием отчислиться из военного вуза, следствием чего становится выраженная дифференциация в подразделениях курсантов, о чем

свидетельствует и наибольшее среднее отклонение показателей идентичности на протяжении всей социализации курсантов в военном вузе.

Таким образом, несмотря на преодоленный кризисный этап социализации, его последствия продолжают оказывать значимое влияние на изменения структуры идентичности курсантов, наибольшая выраженность которых представлена военной и гражданской идентичностью. В контексте нашего исследования следствие кризисного этапа можно охарактеризовать как обретение резистентности военной идентичности. После формирования готовности на завершение освоения роли военного и преодоления стрессового психоэмоционального периода, военная самоидентификация курсантов нацелена на развитие и закрепления образа «Я-офицер» и освоение соответствующих ролевых моделей поведения, чему также способствует войсковая практика в роли командиров взводов (офицеров).

На предпрофессиональном этапе социализации курсантов установлена наименьшая отрицательная динамика характеристик военной идентичности в процессе всей социализации в военном вузе. Так, для военно-ролевой идентичности она составляет 2,4%, для идентичности с военным подразделением 1,3%. Положительная динамика в 0,2% выявлена у гражданской идентичности. Данный факт означает, что на заключительном этапе социализации принадлежность к государству соотносится с военной направленностью личности, что также подтверждается высокими значениями корреляций между гражданской и военной идентичностью. Завершается процесс преобразования эго-идентичности курсантов в процессе военной социализации, эффект освоения роли военного встраивается в структуру идентичности будущих офицеров, сквозь призму осознания гражданственности и особенностей вероисповедания. На это указывает и наибольшая положительная динамика религиозной идентичности в 10,6%, в сравнении с предыдущим посткризисным этапом социализации курсантов в военном вузе.

Представленные результаты уровневого анализа подтверждают, что структура идентичности курсантов на разных этапах военной социализации в военном вузе динамична и подвержена значимым изменениям. Для обоснования данного факта, вследствие различий в системах оценок исследуемых показателей идентичности, была применена процедура стандартизации всех показателей идентичности, с последующим анализом их места в структуре идентичности курсантов с учетом полученных z-коэффициентов, на каждом этапе социализации в военном вузе.

Полученные результаты также представлены в таблице 3. Гражданская идентичность в процессе всей социализации в военном вузе занимает наиболее значимое место в структуре идентичности курсантов. Это говорит о том, что, несмотря на социальную значимость реализации роли военного, принадлежность к государству имеет первоочередное значение для курсантов. Об этом свидетельствуют высокие корреляции показателей военной и гражданской идентичности, рассмотренные выше. На основе данных результатов можно сделать вывод о том, что отождествление курсантов с военной сферой базируется на осознании гражданственности, принадлежности к государственным и политическим институтам (по А. Н. Татарко [185]), разделении государственных ценностей, поддержке принимаемых решений и значимости персонального долга по защите страны, что отражается и в системе ценностей курсантов.

Религиозная идентичность занимает наименее значимое место в структуре идентичности курсантов в процессе всей социализации в военном вузе. Это означает, что особенности вероисповедания оказывают наименьший эффект на всю систему идентификаций курсантов, что подтверждается наименьшим количеством корреляций данного показателя с военной идентичностью. Отождествление себя как представителя конкретной религии, в целом, не оказывает значимого влияния на самоидентификацию курсантов, однако на отдельных этапах социализации, предположительно, является важным элементом Я-концепции курсантов.

Место военно-ролевой идентичности в структуре идентичности курсантов изменяется регрессивно. Если на начальном этапе социализации курсантов в военном вузе она является одной из наиболее значимых характеристик (занимает 2 место в структуре идентичности курсантов), то на докризисном и кризисном этапах ее значимость снижается (занимает 4 и 5 место в структуре идентичности соответственно) и затем сохраняется до завершения социализации в военном вузе.

Место идентичности с военным подразделением в процессе социализации курсантов в военном вузе изменяется сначала прогрессивно, затем регрессивно. Так, на начальном и докризисном этапах социализации идентичность с военным подразделением является менее значимой для курсантов, чем военно-ролевая идентичность (занимает 4 место в структуре идентичности курсантов). На кризисном этапе идентичность с военным подразделением становится одной из наиболее значимых характеристик в структуре идентичности курсантов (занимает 2 место в структуре идентичности курсантов), однако затем вновь возвращается к первоначальной значимости на посткризисном и предпрофессиональном этапах социализации (занимает 4 место в структуре идентичности курсантов).

Одновременно с этим, место социальной идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе изменяется регрессивно, затем прогрессивно. На начальном и докризисном этапах социализации социальная идентичность является достаточно значимой характеристикой (занимает 3 место в структуре идентичности курсантов), на кризисном этапе социализации она становится одной из наименее значимых характеристик (занимает 4 место в структуре идентичности курсантов), после чего на посткризисном и предпрофессиональном этапах социализации ее значимость возрастает (занимает 3 и 2 место в структуре идентичности соответственно).

Место личностной идентичности изменяется на каждом из этапов социализации в военном вузе, что делает ее самой динамичной

характеристикой в структуре идентичности курсантов. Если на начальном этапе социализации она является одной из наименее значимых характеристик (занимает 5 место в структуре идентичности курсантов), то на последующих она становится одной из наиболее значимых (занимает 2 и 3 место в структуре идентичности курсантов).

Таким образом, смена значимости идентичности с военным подразделением, военной-ролевой, социальной и личностной идентичности в структуре идентичности курсантов свидетельствуют об их нелинейности в процессе социализации в военном вузе и разнонаправленности их показателей на отдельных этапах социализации. Более наглядно данный эффект продемонстрирован на рис. 3.

На горизонтальной оси координат представлены этапы социализации курсантов в военном вузе, на вертикальной оси координат – места характеристик идентичности, полученные в результате сравнения их коэффициентов после процедуры z-стандартизации.

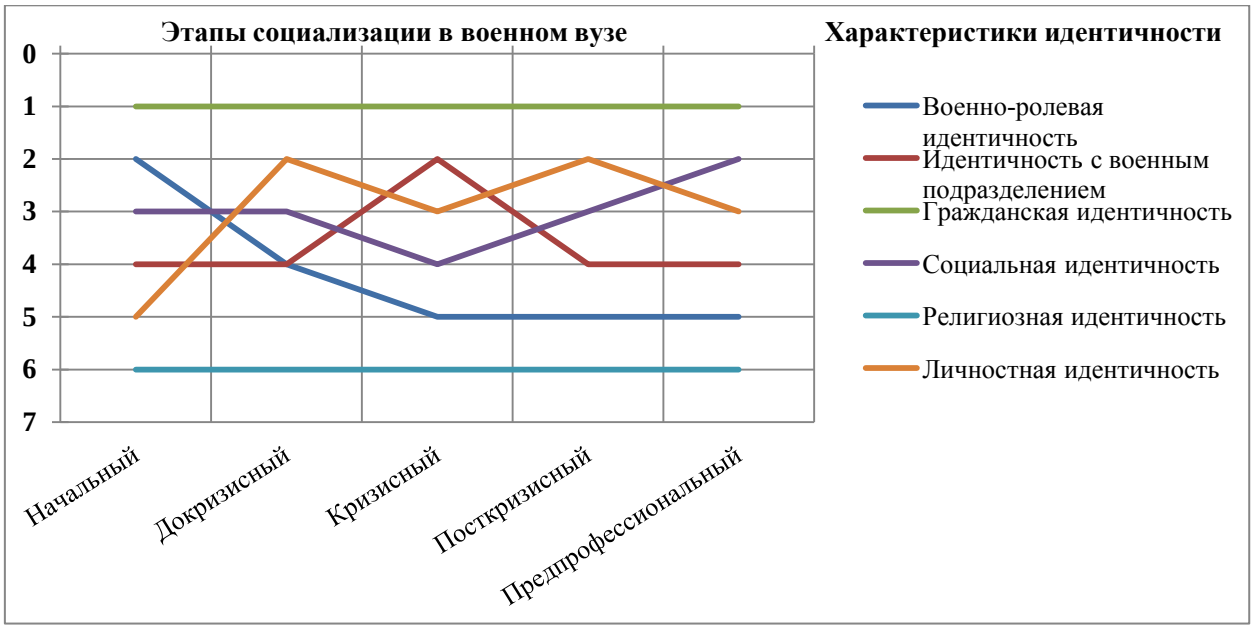

Рис. 3. Место военной идентичности в структуре идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе

Так, на рис. 3 наглядно видно, что ни один из графиков не является линейным (за исключением гражданской и религиозной идентичности). Это указывает на то, что исследуемые характеристики идентичности курсантов в

процессе социализации в военном вузе нестабильны и динамичны. Кроме того, на графиках видны точки преломлений, которые отражают «волнообразные» амбивалентные изменения показателей идентичности, и группируются вокруг кризисного этапа социализации по горизонтальной оси координат. Так, на докризисном и посткризисном этапе социализации совмещена 1 точка преломления графика (личностная идентичность), в том время как на кризисном этапе социализации совмещены 3 точки преломления графика (идентичность с военным подразделением, личностная и социальная идентичность). Наглядность преломлений графиков показателей идентичности на кризисном этапе дополняет объективную картину о наличии кризиса в процессе социализации курсантов, установленного в других исследованиях (П. Д. Никитенко [133], Р. М. Шамионов и Р. А. Терехин [212], Д. А. Мещеряков [123], М. В. Сысолятин [182], А. Н. Луняка [104]). Это означает, что структура идентичности курсантов претерпевает значимые изменения, которые могут быть обусловлены следующими факторами: возрастной кризис, учебный кризис, реструктуризация военной идентичности (смена ролевой модели «Я-курсант» на «Я-офицер»). Одновременно с этим, показатели гражданской и религиозной идентичности более стабильны и устойчивы, их значимость в структуре идентичности курсантов не изменяется в процессе всей социализации в военном вузе.

Вместе с тем, остается не раскрытой взаимосвязь военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением, а также их связь с остальными показателями идентичности курсантов. С этой целью был проведен путевой анализ (рис. 4).

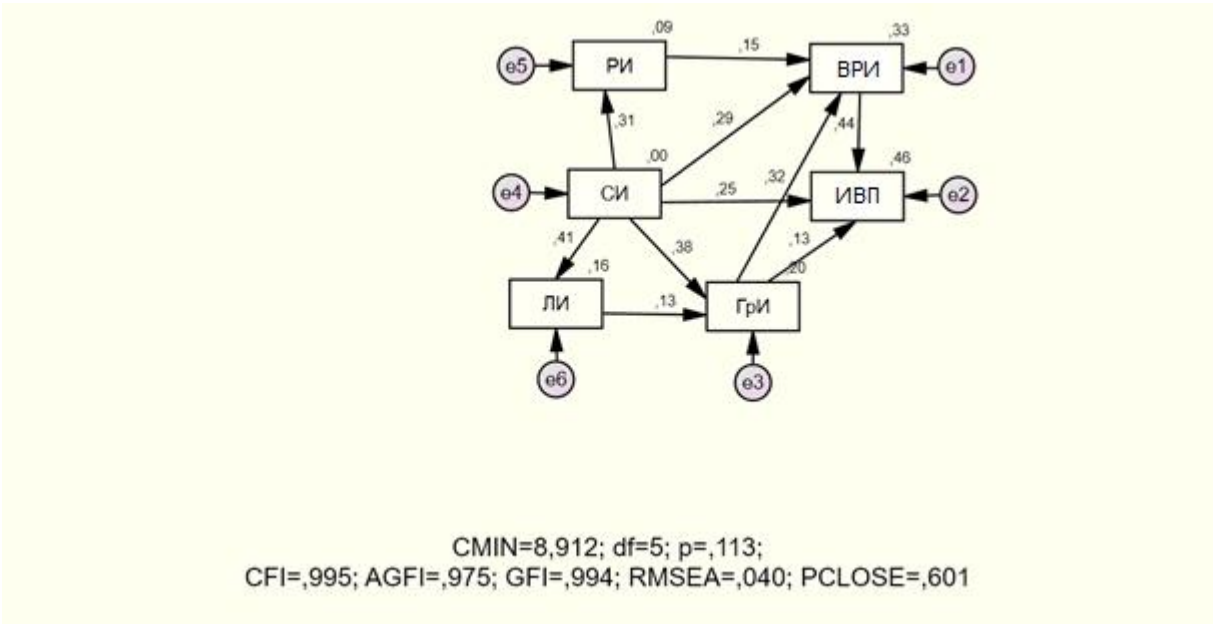

Рис. 4. Модель путей показателей идентичности курсантов

Примечание: нули в коэффициентах опущены; приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); гражданская идентичность (ГрИ); личностная идентичность (ЛИ); социальная идентичность (СИ); религиозная идентичность (РИ); Хи-квадрат (CMIN); степень свободы (df); вероятность получения расхождения (p); сравнительный индекс (CFI); скорректированный индекс соответствия (AGFI); индекс соответствия (GFI); среднеквадратичная ошибка аппроксимации (RMSEA); тест значимости (PCLOSE).

Согласованность модели проверялась путем проверки полученных показателей модели на соответствие ключевым критериям согласия модели (А. Д. Наследов [131]).

Так, все представленные показатели модели свидетельствуют о приемлемости и достоверности полученной модели путей. Из полученных данных видно, что если значения Хи-квадрат CMIN=8,912, а показатели степени свободы df=5, то отношение Хи-квадрат CMIN к степени свободы df составит 8,912 ÷ 5=1,7824, что находится в пределах от 1 до 2, и может интерпретироваться как «*отличный показатель модели*». Учитывая, что значение p=0,113, что больше, чем 0,05, это характеризуется как «*хорошее согласие модели*», при этом показатели сравнительного индекса CFI, скорректированного индекса соответствия AGFI, индекса соответствия GFI более 0,9, что также указывает на «*хорошее согласие модели*». Среднеквадратичная ошибка аппроксимации RMSEA=0,040, что меньше, чем

0,05, при тесте значимости PCLOSE=0,601, что больше, чем 0,5, и также может интерпретироваться как *«хорошее согласие модели»*.

Таким образом, из соответствия представленных показателей верификационным критериям видна хорошая согласованность полученной модели путей, что дает возможность приступить к дальнейшему анализу полученных данных.

Как видно из анализа путей на рис. 4, военно-ролевая идентичность вносит наибольший суммарный вклад в идентификацию с военным подразделением, и обуславливает до 44% ее вариаций. Причем эта переменная является как прямым предиктором, так и посредником в связи гражданской и социальной идентичности с идентичностью с военным подразделением. Так, гражданская и социальная идентичность, совместно с религиозной идентичностью обуславливают до 33% вариаций военно-ролевой идентичности.

Также, исходя из путевого анализа, следует ведущая роль социальной идентичности для всей системы идентификаций личности курсанта. Из результатов видно, что социальная идентичность курсантов оказывает прямое влияние на все остальные показатели идентичности курсантов, и обуславливает: до 31% вариаций религиозной идентичности, до 29% вариаций военно-ролевой идентичности, до 25% вариаций идентичности с военным подразделением, до 38% вариаций гражданской идентичности и до 41% вариаций личностной идентичности. Полученные данные означают, что просоциальная позиция курсантов является исходной для всех иных видов их идентичности.

Кроме того, из модели путей установлена косвенная связь религиозной и гражданской идентичности с показателями военной идентичности курсантов. Для уточнения роли религиозной и гражданской идентичности в вариациях военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением был проведен медиационно-модерационный анализ (табл. 4-6).

Таблица 4

Прямые эффекты влияния показателей идентичности на характеристики военной идентичности курсантов

Показатели модели							95% Доверительный интервал	
Связи между идентичностями			Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя
ЛИ	→	ИВП	0,077	0,050	1,553	0,120	-0,020	0,175
СИ	→	ИВП	0,469	0,058	8,124	< **0,001**	0,356	0,583
ЛИ	→	ВРИ	0,031	0,054	0,580	0,562	-0,075	0,138
СИ	→	ВРИ	0,408	0,063	6,483	< **0,001**	0,284	0,531

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); социальная идентичность (СИ); личностная идентичность (ЛИ); значимость (p).

Таблица 5

Косвенные эффекты влияния показателей идентичности на характеристики военной идентичности курсантов

Показатели модели									95% Доверительный интервал	
Связи между идентичностями					Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя
ЛИ	→	ГИ	→	ИВП	0,043	0,016	2,766	0,006	0,013	0,073
ЛИ	→	РИ	→	ИВП	0,009	0,006	1,449	0,147	-0,003	0,022
СИ	→	ГИ	→	ИВП	0,129	0,025	5,100	< **0,001**	0,079	0,179
СИ	→	РИ	→	ИВП	0,030	0,015	2,055	0,040	0,001	0,059
ЛИ	→	ГИ	→	ВРИ	0,057	0,020	2,857	0,004	0,018	0,096
ЛИ	→	РИ	→	ВРИ	0,018	0,010	1,727	0,084	-0,002	0,039
СИ	→	ГИ	→	ВРИ	0,171	0,030	5,750	< **0,001**	0,113	0,229
СИ	→	РИ	→	ВРИ	0,058	0,018	3,233	0,001	0,023	0,093

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); социальная идентичность (СИ); личностная идентичность (ЛИ); религиозная идентичность (РИ); гражданская идентичность (ГИ); значимость (p).

Таблица 6

Общие эффекты влияния показателей идентичности на характеристики военной идентичности курсантов

Показатели модели					95% Доверительный интервал	
Связи между идентичностями	Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя

ЛИ	→	ИВП	0,130	0,052	2,518	0,012	0,029	0,231
СИ	→	ИВП	0,628	0,055	11,414	< **0,001**	0,521	0,736
ЛИ	→	ВРИ	0,106	0,058	1,845	0,065	-0,007	0,220
СИ	→	ВРИ	0,637	0,062	10,327	< **0,001**	0,516	0,757

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); социальная идентичность (СИ); личностная идентичность (ЛИ); значимость (p).

Из представленной модели медиации видно, что религиозная и гражданская идентичность выступают медиатором связи социальной и личностной идентичности с военно-ролевой идентичностью и идентичностью с военным подразделением.

Результаты показали, что социальная идентичность имеет не только прямой, но и значительный суммарный эффект, и оказывает косвенное влияние, через гражданскую (до 38% вариаций) и религиозную (до 31% вариаций) идентичность на военно-ролевую идентичность и идентичность с военным подразделением. Так, гражданская идентичность объясняет до 32% вариаций военно-ролевой и до 20% вариаций идентичности с военным подразделением. В свою очередь, религиозная идентичность объясняет до 15% вариаций военно-ролевой идентичности.

Личностная идентичность имеет также значительный суммарный эффект и оказывает косвенное влияние (через гражданскую идентичность, объясняет до 13% ее вариаций) на идентичность с военным подразделением и военно-ролевую идентичность. Эти данные показывают, что и личностная идентичность значима для формирования военно-ролевой идентичности и идентичности курсантов с военным подразделением, но только при формировании гражданской идентичности. Иначе говоря, гражданская идентичность является определяющей для установления связи между личностью и военной сферой, при отсутствии между ними прямой согласованности. Полученные данные соотносятся с данными из исследования В. С. Мухиной и С. В. Мелкова [129], по результатам которых

установлена фундаментальная роль внутренней позиции личности в формировании гражданской идентичности.

Таким образом, сама по себе личностная идентичность не выступает прямым предиктором характеристик военной идентичности курсантов и, очевидно, в процессе социализации не может быть непосредственным ориентиром для становления «милитаризованной личности».

Кроме того, как видно из результатов проведенного анализа, и гражданская, и религиозная идентичность выступают прямыми предикторами и «посредниками» в связи социальной идентичности с военно-ролевой идентичностью и идентичностью курсантов с военным подразделением, усиливая и без того немалый прямой эффект. Полученные данные свидетельствуют о том, в структуре идентичности курсантов выделяются тесно связанные между собой военно-ролевая идентичность, идентичность с военным подразделением и гражданская идентичность. Из этого следует, что осознанное самоопределение своей роли как гражданина и офицера, понимание и внутреннее приятие ценностей военной службы составляют сущность длительного, последовательного и многогранного процесса военной социализации, который начался задолго до момента поступления в военный вуз и затем продолжился в нем. А результатом данного процесса и является сформированная военная идентичность.

Таким образом, полученные в результате путевого и медиационно-модерационного анализа данные свидетельствуют о наличии устойчивых (прямых и опосредованных) взаимосвязей между разными показателями идентичности курсантов. Это означает, что характеристики идентичности через выявленные взаимосвязи не только оказывают значимое влияние друг на друга, но имеют значительный совокупный эффект на всю структуру идентичности курсанта в целом.

Результатом такого влияния в процессе военной социализации становится образование нескольких типов идентичности курсантов, обладающих различными характеристиками. Данный процесс является

следствием актуализации определенных внутренних инстанции личности. Несмотря на различия в статусе и роли отдельных членов группы, существующая внутри нее солидарность определяет отношение всей группы в целом, чем и объясняется типология идентичности курсантов. Как отмечается M. Sherif, C. W. Sherif, «результирующее отношение членов группы может зависеть от достигнутого статуса и роли, а также от индивидуальных, возможно, уникальных характеристик членов. Но если в группе существует какая-либо степень солидарности, то их отношение к группе является общим для всех членов группы» (перевод автора, оригинал текста: «the resulting attitudes of members in the group may vary in terms of status position and role attained and in terms of individual, perhaps unique, characteristics of members. But if any degree of solidarity exists within the group, their attitudes toward the group are shared, held in common by all group members» [240, с. 229]). Формирование типов идентичности курсантов было установлено в результате изучения взаимосвязей между показателями идентичности курсантов методом иерархического кластерного анализа (рис. 5).

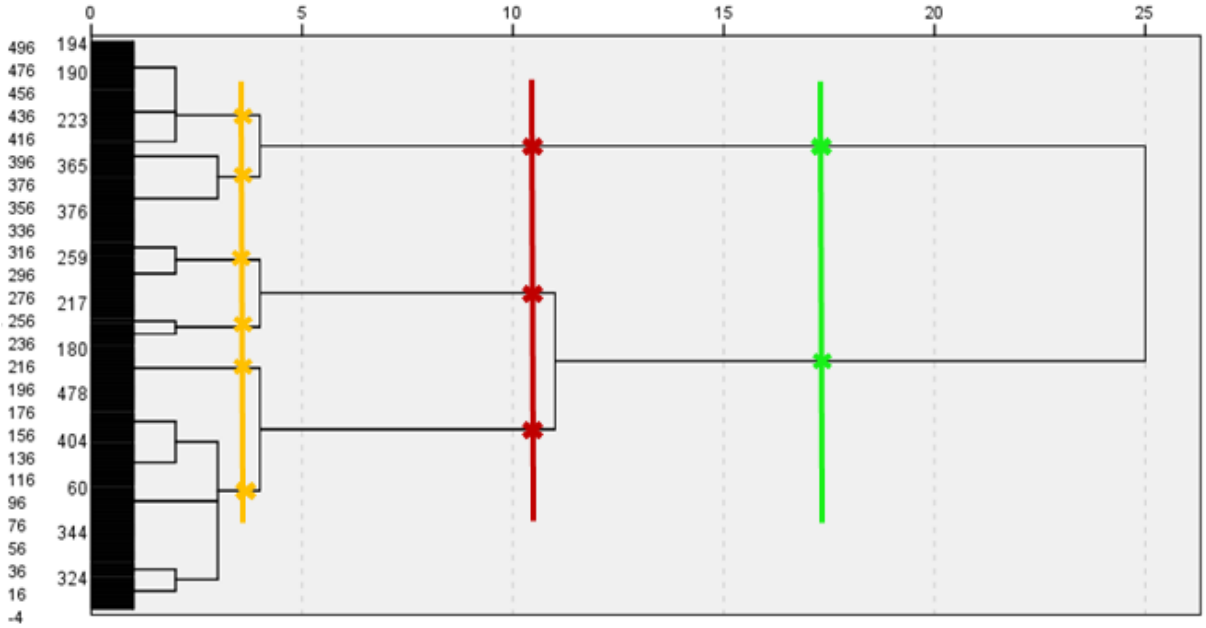

Рис. 5. Результаты кластерного анализа показателей идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе (дендрограмма)

Перед проведением кластерного анализа нами была проведена процедура стандартизации показателей видов идентичности, затем полученные результаты были подвергнуты кластеризации. Зеленым цветом на рис. 5 обозначено принятое решение об интерпретации выявленного количества кластеров (типов идентичности), полученное методом силуэтных оценок и визуальной инспекции. На представленной дендрограмме видно, что наиболее оптимальным является решение о двух типах идентичности курсантов, отмеченное зеленым цветом.

Таким образом, в результате кластерного анализа выявлены респонденты, имеющие один из двух типов идентичности. Их количество распределяется с выраженной однонаправленной динамикой в пределах от 22 до 78 человек, в процессе всей социализации в военном вузе. На каждом из этапов социализации представлены оба типа идентичности курсантов, однако соотношение количества респондентов, которым они свойственны, отличается. В связи с этим первоначально необходимо разобраться в сущности отличий между типами идентичности, и затем дать им характеристику (табл. 7).

Таблица 7

Типология идентичности курсантов и их характеристики

Этапы социализации, виды идентичности	Типы идентичности				Характеристики различий
	Военный		Гражданский		
Содержательные характеристики типов идентичности курсантов					
Характеристики идентичности	M	Sd	M	Sd	Соотношение
Военно-ролевая идентичность	4,52	0,49	3,70	0,75	Преобладает у военного типа (на 18,1%)
Идентичность с военным подразделением	4,50	0,56	3,75	0,65	Преобладает у военного типа (на 16,7%)
Гражданская идентичность	4,97	0,11	4,36	0,70	Преобладает у военного типа (на 12,4%)
Социальная идентичность	4,60	0,32	3,82	0,43	Преобладает у военного типа (на 16,9%)
Религиозная идентичность	3,86	1,09	3,06	0,83	Преобладает у военного типа (на 20,9%)
Личностная идентичность	4,51	0,41	3,86	0,52	Преобладает у военного типа (на 14,4%)
Динамика количества курсантов с разным типом идентичности в процессе социализации в вузе					
Этапы социализации	Количество на этапах				Соотношение

Начальный	54	46	Преобладает военный тип (на 14,8%)
Докризисный	41	59	Преобладает гражданский тип (на 30,5%)
Кризисный	32	68	Преобладает гражданский тип (на 52,9%)
Посткризисный	28	72	Преобладает гражданский тип (на 61,1%)
Предпрофессиональный	22	78	Преобладает гражданский тип (на 71,8%)
Всего	177	323	Преобладает гражданский тип (на 45,2%)

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M), стандартное отклонение (Sd).

Из таблицы 7 видно, что из двух установленных типов идентичности тот тип, которым обладает ме́ньшее количество курсантов (35,4% от общего количества респондентов), характеризуется более высокими показателями идентичности. Ключевые отличия фиксируются в показателях военной идентичности – у этого типа преобладает военно-ролевая идентичность (на 18,1%) и идентичность с военным подразделением (на 16,7%). Второй тип идентичности, которым обладает бо́льшее количество курсантов (64,6% от общего количества респондентов), характеризуется более низкими показателями, в сравнении с первым типом идентичности, из них наиболее высокие показатели установлены у гражданской идентичности. Таким образом, представленные данные характеризуют эмпирически выявленную типологию как «военный» и «гражданский» типы идентичности курсантов.

Динамика курсантов с военным и гражданским типами идентичности изменяется линейно в процессе всей социализации в военном вузе: для курсантов с военным типом идентичности она отрицательна (снижается с 54 до 22 респондентов); для курсантов с гражданским типом идентичности она положительна (возрастает с 46 до 78 респондентов). Кроме того, из данных в таблице 7 видно, что наибольшая однородность подразделений по типам идентичности курсантов установлена на начальном этапе социализации в военном вузе (54 курсанта с военным типом идентичности и 46 курсантов с гражданским типом идентичности), а наименьшая однородность – на

предпрофессиональном этапе социализации (22 курсанта с военным типом идентичности и 78 курсантов с гражданским типом идентичности).

Из этого следует, что на начальном этапе большинство курсантов обладает наивысшими показателями идентичности за весь период социализации в военном вузе, они мотивированы на освоение роли военного. Однако затем в процессе социализации в военном вузе преобладающим большинством становятся курсанты, которые обладают более низкими показателями идентичности, что проявляется в снижении их направленности на военную службу. Пик данного эффекта наблюдается на предпрофессиональном этапе социализации курсантов, что также подтверждается данными из таблицы 3 – в абсолютных показателях все характеристики идентичности курсантов (за исключением религиозной идентичности) снижаются в процессе социализации в военном вузе.

Таким образом, из представленных данных видно, что курсанты с военным типом идентичности характеризуются более выраженной направленностью личности на освоение роли военного, более глубокой вовлеченностью в освоение военной сферы и интеграции в особую среду военного вуза, что проявляется в высоких показателях идентичности. Кроме того, анализируя полученные данные с графиками идентичности на рис. 3, становится видно, что значимость военно-ролевой идентичности снижается в процессе социализации в военном вузе и стабилизируется только после преодоления кризисного этапа. На наш взгляд, причина этого заключается в обретении резистентности (устойчивости) военно-ролевой идентичности, что выражается в снижении ее выраженности в структуре идентичности, с одновременным укреплением связей с другими характеристиками идентичности, в частности с социальной и гражданской, что видно и по результатам путевого анализа на рис. 4. Так, по мнению G. M. Breakwell, E. Fino, R. Jaspal [231], несмотря на внешние изменения, формируется уникальность и ощущение преемственности между прошлым и настоящим, выраженной в характеристиках идентичности. Применительно к

характеристикам военной идентичности, данный эффект связан с изменением вектора преобразования военной идентичности с внешнего на внутренний. У курсантов развивается новый желаемый образ внутреннего «Я», следствием чего становится необходимость освоения новых и обновленных военно-ролевых категорий, происходит реструктуризация военной идентичности, переосмысление себя уже не в роли солдата и курсанта, а как будущего командира и офицера. Следствием данных процессов и становится некоторое снижение военной идентичности. Кроме того, на рис. 3 видно, что наибольшая выраженность данных изменений протекает именно в середине социализации в военном вузе, что также подчеркивает кризисность данного этапа.

Также нельзя не учитывать значимое влияние экономического фактора на стремление курсантов освоить роль военного, на данном этапе социализации. Как уже отмечалось в параграфе 2.2., среди наиболее приоритетных причин, которые повлияли на выбор профессии военного, 53,6% респондентов отмечают: материальное благополучие, стабильность заработной платы, льготы и социальные гарантии, бесплатное служебное жилье, накопительно-ипотечная система, бесплатное качественное образование, гарантированное трудоустройство и карьерный рост. В то же время только 46,4% респондентов отмечают приоритетность личных идеологических и патриотических проявлений: действительное желание реализовать себя как лидера, воина, защитника.

Более предметный анализ показал, что на кризисном этапе социализации в военном вузе наиболее значимыми экономическими факторами для курсантов, которые определили выбор профессии офицера, стали стабильность заработной платы, наличие льгот и ипотечной системы обеспечения военнослужащих жильем. В тоже время, анализируя профессионально-мотивационный фактор, можно сказать, что его значимость снижается на каждом из этапов социализации, при этом наиболее выраженный спад наблюдается именно на кризисном этапе социализации и

после него. Таким образом, можно сделать вывод, что в профессиональной сфере Я-концепции курсантов на кризисном этапе социализации в военном вузе происходит активное замещение мотивационно-идеологического фактора (при условии и без того его меньшей выраженности в процентном соотношении) материально-экономическим фактором. Полученные данные о субъективных переживаниях курсантов отражают более выраженную связь военной идентичности как социально-психологического феномена, в большей степени с экономическим аспектом престижности военной профессии в современных условиях, нежели с ее идеологическим аспектом, что может представлять интерес для будущих исследований.

Кроме того, нельзя не учитывать влияние социально-политической обстановки на отдельные виды социальной идентичности личности, что также отмечается П. А. Кисляковым. Так, «влияние СВО на сплоченность российского общества, как и влияние любого кризиса, носит разнонаправленный характер. С одной стороны, в лонгитюдных и мониторинговых исследованиях наблюдается рост гражданской идентичности, <…> но одновременно не наблюдается роста доверия к людям, оно по-прежнему очень низкое. Не сокращается воспринимаемая социальная дистанция, то есть отношение к другим экономическим, культурным и религиозным группам внутри российского общества не улучшилось» [81, с. 226]. Результаты нашего исследовании, существенно дополняют позицию П. А. Кислякова, поскольку на примере курсантов также видно, что религиозная идентичность является наименее значимой, а гражданская идентичность – наиболее значимой характеристикой личности, на каждом из этапов социализации в военном вузе.

Таким образом, в процессе социализации курсантов в военном вузе установлена изменчивость одного из ключевых видов идентичности курсантов – их военной идентичности. Восприятие себя не просто в роли военного, а, в первую очередь, как будущего офицера, развивается и претерпевает глубокие качественные и количественные изменения в

процессе последовательной военной социализации в особой среде военного вуза. Происходит трансформация обретенного военно-социального опыта в осознанное восприятие себя как военного в целом, и офицера в частности и принятие особого социально-ролевого статуса военного.

Полученные данные согласуются с представлениями Э. Эриксона [222], в соответствии с которыми военная идентичность личности включает личностный компонент (военно-ролевую идентичность) и социальный компонент (идентичность с военным подразделением). Также, согласно данным Э. Эриксона [222] и Б. Г. Ананьева [10], на военную идентичность курсантов оказывают влияние отношения личности со значимыми другими, имеющими значение для реализации социально-ролевых функций военного, что выражается в значимых изменениях военно-ролевой идентичности.

Кроме того, полученные результаты соотносятся с данными Д. Тернера [187] и H. Tajfel [242] о социальной идентичности, в соответствии с которыми военная идентичность как один из видов социальной идентичности, взаимосвязана со всей системой идентификаций курсантов, что проявляется в высокозначимых корреляциях и ее направленных связях с другими показателями идентичности.

Обобщая полученные результаты, необходимо сделать следующие выводы.

1. Военная идентичность как сложный социально-психологический феномен, включает в себя несколько характеристик: военно-ролевую идентичность (личностный компонент), отражающую включенность личности в военную сферу, и идентичность с военным подразделением (групповой компонент), отражающую принадлежность к группе военнослужащих. Становление военной идентичности как одного из видов социальной идентичности курсантов, протекает непрерывно в процессе военной социализации личности, начинающейся задолго до момента поступления в военный вуз в условиях первичной социализации и затем продолжающейся в социальной среде в военном вузе.

2. Военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением являются результатом прямых и косвенных эффектов социальной, гражданской, религиозной и личностной идентичности курсантов. Наибольшим суммарным эффектом на характеристики военной идентичности обладают социальная и гражданская идентичность курсантов. Военно-ролевая идентичность вносит наибольший суммарный вклад в идентичность курсантов с военным подразделением.

3. В процессе социализации в военном вузе в структуре идентичности курсантов одни характеристики являются стабильными (гражданская и религиозная идентичность), другие характеристики изменяются гетерохронно (идентичность с военным подразделением, военно-ролевая, личностная и социальная идентичность). В процессе социализации курсантов в военном вузе их военно-ролевая идентичность снижается, идентичность с военным подразделением сначала возрастает, затем снижается. На кризисном этапе социализации курсантов разнонаправленная динамика военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением образует кризис (противофазу показателей), после чего показатели стабилизируются.

4. Выявлена типология идентичности курсантов, включающая *военный тип идентичности*, характеризующийся высокими показателями военной, гражданской, социальной, личностной идентичности, умеренными показателями религиозной идентичности и отрицательной динамикой в процессе социализации в военном вузе, и *гражданский тип идентичности курсантов,* характеризующийся высокими показателями гражданской идентичности, умеренными показателями военной, социальной, личностной идентичности, низкими показателями религиозной идентичности и положительной динамикой в процессе социализации в военном вузе.

3.2. Влияние провоенной активности в детстве и отрочестве на характеристики идентичности курсантов

Становление военной идентичности в процессе социализации курсантов обусловлено совокупностью эффектов определенных условий социальной среды, в которых социализируется личность будущего офицера. Как отмечалось выше, военная идентичность, являясь одним из видов социальной идентичности, занимает значимое место в структуре личности курсанта. В связи с этим, необходимо изучить особенности становления характеристик военной идентичности в процессе первичной социализации личности, поскольку на данном этапе обнаруживается ключевое влияние участников референтных социальных групп на развитие личностных качеств и черт индивида (Ч. Х. Кули [96], А. М. Рагулина [154], О. В. Суворова [181]). В рамках первичной социализации такими группами являются семья, школа, друзья, кружки по интересам и т. д.

Как было установлено в параграфе 3.1., на начальном этапе военной социализации в военном вузе характеристики военной идентичности курсантов демонстрируют наивысшие абсолютные показатели в процессе всей социализации в военном вузе (табл. 3). Из этого следует, что до момента включения в военную социализацию в военном вузе военная идентичность уже является сформированной, но именно в среде военного вуза она обретает новые взаимосвязи с другими показателями идентичности курсантов и свои качественные характеристики.

Данный факт позволяет сделать вывод, что определенные условия социализации курсантов до момента поступления в военный вуз в их детстве и отрочестве, играют важную роль в становлении военной идентичности.

Эти условия обозначались Ч. Х. Кули [96] как условия первичной социализации, а референтные группы, в которых протекает становление личности – первичными социальными группами, к которыми относились семья, школа, спортивные секции и т. д. Как отмечается А. Н. Котляревичем,

успешно сформированные способности индивида есть «индивидуально-психологические качества личности, которые во взаимодействии друг с другом позволяют ей успешно выполнять определенную деятельность» [92, с. 11]. В случае с военной идентичностью способности формируются через многократное повторение определенных провоенных действий, в процессе которых индивид осваивает способы реализации специфической деятельности, связанной с военной сферой.

По результатам исследования А. И. Бетербиевой и М. В. Индербиева, также подчеркивается, что «наиболее эффективными являются образовательные модели, обеспечивающие раннее включение студентов в профессиональные практики и интенсивное взаимодействие с профессиональными сообществами» [24, с. 59]. Иными словами, вовлечение подростка в деятельность, непосредственно связанную с военной сферой, будет способствовать более эффективному включению в роль военного в будущем.

Это означает, что первоначальное вовлечение личности в освоение роли военного происходит именно в первичной социальной среде, через активность личности, направленную на развитие определенных военных установок и ценностей, ориентированных на военную сферу, следствием чего и является формирование военной идентичности. Такую социальную активность личности правильно будет обозначить как провоенную активность. Следовательно, необходимо подвергнуть анализу влияние провоенной активности курсантов в период их детства и отрочества перед поступлением в военный вуз, на формирование их идентичности в целом, и военной идентичности в частности.

Для проверки этой гипотезы был разработан опросник, направленный на оценку приверженности к различным формам провоенной активности в детстве и отрочестве курсантов (Приложение 7).

Значимость влияния провоенной активности на характеристики идентичности курсантов была проверена с помощью регрессионного анализа,

где независимыми переменными стали различные формы активности, а зависимыми переменными – исследуемые характеристики идентичности курсантов. Полученные результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8

Регрессионный анализ форм провоенной активности в детстве и отрочестве курсантов, и характеристик их идентичности

Формы провоенной активности	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	p	ΔR^2
	B	Стд. шибка	β			
Военно-ролевая идентичность						
(Константа)	2,136	0,146	-	14,650	0,000	-
Просмотр военных телепередач	0,067	0,025	0,122	2,695	0,007	14
Участие в патриотических акциях	0,071	0,018	0,170	3,968	0,000	6
Чтение книг с военным сюжетом	0,088	0,022	0,173	4,083	0,000	4
Просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение	0,067	0,020	0,138	3,285	0,001	2
Наличие мечты о военной карьере	0,063	0,020	0,136	3,157	0,002	2
Проигрывание роли руководителя в играх	0,058	0,019	0,121	3,014	0,003	1
Игра в РПГ с военным сюжетом на компьютере	-0,050	0,017	-0,121	-2,930	0,004	1
Игра в военные игры на смартфоне	0,037	0,018	0,085	2,027	0,043	1
R^2=0,31, F=27,73, p<0,001						
Идентичность с военным подразделением						
(Константа)	2,724	0,132	-	20,683	0,000	-
Чтение книг с военным сюжетом	0,081	0,021	0,172	3,768	0,000	10
Участие в патриотических акциях	0,050	0,018	0,130	2,810	0,005	5
Просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение	0,053	0,020	0,120	2,637	0,009	2
Изучение военной истории	0,052	0,022	0,113	2,332	0,020	1
Участие в командных военно-ролевых играх	0,047	0,021	0,100	2,234	0,026	1
R^2=0,18, F=22,33, p<0,001						
Гражданская идентичность						
(Константа)	3,403	0,125	-	27,181	0,000	-
Участие в патриотических акциях	0,081	0,015	0,236	5,385	0,000	11
Чтение книг с военным сюжетом	0,063	0,019	0,150	3,325	0,001	4
Игра в игры с военно-историческим сюжетом	0,048	0,018	0,119	2,706	0,007	2
Просмотр военных фильмов	0,056	0,025	0,109	2,243	0,025	1
R^2=0,18, F=27,58, p<0,001						
Социальная идентичность						
(Константа)	3,066	0,119	-	25,838	0,000	-

Просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение	0,056	0,015	0,167	3,681	0,000	9
Чтение книг с военным сюжетом	0,057	0,016	0,160	3,525	0,000	4
Участие в патриотических акциях	0,036	0,013	0,122	2,644	0,008	2
Игра в военные шутеры на компьютере	0,038	0,015	0,103	2,458	0,014	1
Просмотр военных телепередач	0,038	0,018	0,099	2,061	0,040	1
					R^2=0,17, F=20,11, p<0,001	
Религиозная идентичность						
(Константа)	2,642	0,233	-	11,336	0,000	-
Участие в военно-спортивных соревнованиях	0,087	0,023	0,166	3,719	0,000	6
Просмотр военных фильмов	0,135	0,037	0,168	3,654	0,000	3
Игра в военные шутеры на компьютере	-0,131	0,032	-0,190	-4,082	0,000	2
Игра в военные игры на смартфоне	0,079	0,027	0,138	2,874	0,004	2
					R^2=0,11, F=15,88, p<0,001	
Личностная идентичность						
(Константа)	2,957	0,135	-	21,851	0,000	-
Просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение	0,054	0,017	0,150	3,242	0,001	6
Игра в военные шутеры на компьютере	0,063	0,017	0,159	3,676	0,000	4
Изучение военной истории	0,046	0,017	0,123	2,645	0,008	2
Просмотр военных телепередач	0,043	0,019	0,105	2,278	0,023	1
Проигрывание роли исполнителя в играх	0,029	0,013	0,095	2,209	0,028	1
					R^2=0,13, F=15,23, p<0,001	

Примечание: приняты следующие обозначения: коэффициент объясненной дисперсии регрессионной модели (R^2); нестандартизованный коэффициент регрессионной модели (B); стандартизованный коэффициент регрессионной модели (β); показатель F-статистики значимости регрессионной модели (F); показатель t-статистики значимости отдельных коэффициентов регрессионной модели (t).

Из полученных данных видно, что предикторами военно-ролевой идентичности, объясняющими до 32% ее вариаций, выступают неимитационные (просмотр телепередач, чтение книг, мечты о военной карьере, просмотр фильмов с одноклассниками) и имитационные формы активности (участие в патриотических акциях, участие в военных играх в качестве командира, компьютерные игры типа РПГ). Одновременно с этим, наиболее выраженными предикторами выступают такие формы как участие в патриотических акциях (β=0,170) и чтение книг с военным сюжетом

(β=0,173), в то время как просмотр военных телепередач объясняет наибольший объем вариаций военно-ролевой идентичности (R^2=0,14).

Предикторами идентичности с военным подразделением, объясняющими до 18% ее вариаций, являются неимитационные (чтение книг, увлечение военной историей) и имитационные (просмотр фильмов с одноклассниками и военно-ролевые игры) формы провоенной активности. Из них чтение книг с военным сюжетом является наиболее выраженным предиктором (β=0,173), также обуславливающим и наибольший объем вариаций идентичности с военным подразделением (R^2=0,10).

Несколько схожая картина обнаруживается и с предикцией гражданской идентичности, до 18% вариации которой объясняется имитационными (участие в патриотических акциях, участие в военно-исторических играх) и неимитационными формами (чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов) провоенной активности. Кроме того, наиболее выраженными предикторами являются формы участия в патриотических акциях (β=0,236) и чтения книг с военным сюжетом (β=0,150). При этом участие в патриотических акциях объясняет до 11% вариаций гражданской идентичности.

Вместе с тем, полученные данные также свидетельствуют о том, что главный игровой канал цифровой социализации современного подростка, вопреки ожиданиям, не оказывает достаточно значимого влияния (в сравнении с остальными формами провоенной активности) на становление характеристик военной идентичности курсантов. Так, если игра в военные игры на смартфоне объясняет до 1% вариаций военно-ролевой идентичности курсантов в менее выраженной степени (β=0,085), то игра в РПГ-игры с военным сюжетом на компьютере, напротив, ослабляют ее уже в более выраженной степени (β=-0,121) и объясняет до 1% вариаций военно-ролевой идентичности. При этом игровой аспект провоенной активности, который объясняет до 1% вариаций идентичности курсантов с военным подразделением, представлен формой их участия в командных военно-

ролевых играх (β=0,100). Данный факт дает основания предположить, что для отождествления курсантов с группой военнослужащих в большей степени имеет значимость организационная форма игровой деятельности, нежели ее цифровая составляющая.

Из представленных результатов о предикции военно-ролевой и гражданской идентичности курсантов видна ключевая значимость имитационных (участие в патриотических акциях) и неимитационных (чтения книг с военным сюжетом) форм провоенной активности для становления личности россиянина. Полученные данные дополняют и другие исследования в области феномена военизации группового сознания. Так, С. А. Ворожейкиным [44] отмечается ставшая традиционной взаимосвязанность военной и гражданской сферы у граждан современной России. В. А. Федотовой подчеркивается, что «патриотизм, заключающийся в признании определенной гражданской общности в качестве значимой ценности, выступает фундаментальным механизмом идентификации» [200, с. 135]. Одновременно с этим в исследовании А. Г. Каримова и Г. Р. Фаткуллиной [75] установлено, что, несмотря на преобладание индивидуальных ценностей над ценностями просоциальной направленности, патриотические установки занимают значимое место в системе ценностей современной молодежи.

Таким образом, провоенная активность как одна из форм проявления патриотического настроя современной молодежи, оказывает значимое влияние не только на военную идентичность личности, но и отражается на всей системе ее социальных идентификаций, что свидетельствует о ключевой значимости провоенной активности на данном этапе социализации личности. Иными словами, роль отдельных форм провоенной активности оказывает влияние на все исследуемые характеристики идентичности уже на этапе первичной социализации будущего офицера, что прослеживается на примере предикции социальной, личностной и религиозной идентичности.

Так, до 17% вариаций социальной идентичности обусловлено вкладом имитационных (участие в патриотических акциях, игра в военные шутеры на компьютере) и неимитационных (просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение, чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных телепередач) форм провоенной активности. Одновременно с этим, такие формы как просмотр фильмов с одноклассниками и их обсуждение (β=0,167) и чтение книг с военным сюжетом (β=0,160) являются наиболее выраженными предикторами социальной идентичности, и обуславливают наибольший объем ее вариаций (R^2=0,09 и R^2=0,04 соответственно).

До 11% вариаций религиозной идентичности обусловлено вкладом имитационных (игра в военные игры на смартфоне, участие в военно-спортивных соревнованиях) и неимитационных (просмотр военных фильмов) форм провоенной активности. При этом такая форма как участие в военно-спортивных соревнованиях (β=0,166) является наиболее выраженным предиктором и объясняет наибольший объем вариаций религиозной идентичности (R^2=0,06).

До 13% вариаций личностной идентичности объясняется вкладом имитационных (игра в военные шутеры на компьютере, проигрывание роли исполнителя в играх) и неимитационных (просмотр фильмов о войне с одноклассниками и их обсуждение, изучение военной истории, просмотр военных телепередач) форм провоенной активности. При этом наиболее выраженными предикторами являются формы, представленные просмотром фильмов о войне с одноклассниками (β=0,150) и компьютерными играми в военные шутеры (β=0,159), которые объясняют наибольший объем вариаций личностной идентичности (R^2=0,06 и R^2=0,04 соответственно).

Таким образом, из результатов в таблице 8 видна роль имитационных и неимитационных форм провоенной активности курсантов в подростковом возрасте до момента поступления в военный вуз, не только для формирования принадлежности к военной сфере и военному коллективу, но и в целом для всей системы социальных и личностных идентификаций

курсантов. Одновременно с этим, остается неясной роль провоенной активности в медиации эффектов ценностей на характеристики военной идентичности курсантов.

Полученные данные согласуются с представлениями Э. Эриксона [222] и Ч. Х. Кули [96], в соответствии с которыми провоенная активность курсантов, реализуемая в процессе первичной социализации в период детства и отрочества, оказывает значимое влияние на все исследуемые показатели идентичности, посредством как имитационных, так и неимитационных форм активности.

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Провоенная активность в процессе первичной социализации курсантов выступает значимым фактором становления характеристик их идентичности. Приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве, в имитационных (подражание роли военного в играх, участие в патриотических акциях) и неимитационных формах (просмотр военных телепередач, просмотр и обсуждение военных фильмов с одноклассниками, чтение военных книг, мечта о военной карьере), определяет вариации социальной, военной, гражданской, личностной и религиозной идентичности.

2. Наиболее выраженными предикторами военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением является приверженность курсантов к участию в патриотических акциях, просмотру и обсуждению военных фильмов с одноклассниками, чтению книг с военным сюжетом.

3.3. Ценностные факторы военной идентичности курсантов

Следующей эмпирической задачей данного исследования стало определение ценностных предикторов военной идентичности в процессе военной социализации курсантов. Как было установлено из анализа проведенных исследований, ценностный фактор является фундаментальным для становления идентичности личности, поскольку именно ценностная система определяет социальные рамки поведения личности в обществе и направляет ее активность на реализацию личных и социально-значимых целей (Т. Парсонс [138], Л. С. Выготский [46], Л. Хьелл и Д. Зиглер [209], Л. Б. Шнейдер [220] и др.).

Кроме того, для становления личности будущего офицера усвоение военно-ориентированных ценностей является одной из главных задач военной социализации курсантов, поскольку именно установки являются отражением действительной нацеленности и готовности к выполнению задач военной службы (С. Б. Перевозкин и Ю. М. Перевозкина [140], Л. А. Кузнецова [95], А. И. Черлюнчакевич [210], М. В. Петровская и Н. В. Купрейчук [146], А. А. Корниенко [89], С. И. Дьяков и С. Ю. Добряк [60], и др.). Для определения соотношения системы ценностей с характеристиками военной идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе был проведен корреляционный анализ (табл. 9).

Таблица 9

Корреляционный анализ военной идентичности и ценностных ориентаций в процессе социализации курсантов

Ценностные ориентации	Этапы социализации и характеристики военной идентичности									
	Начальный		Докризисный		Кризисный		Посткризис-ный		Предпрофес-сиональный	
	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП	ВРИ	ИВП
Безопасность-Общественная	0,33**	0,31**	0,38**	0,40**	0,49**	0,40**	0,41**	0,26*	0,46**	0,43**
Традиция	0,29**	0,32**	0,53**	0,53**	0,31**	0,31**	0,41**	0,15	0,41**	0,30**
Конформизм-Правила	0,43**	0,41**	0,39**	0,35**	0,36**	0,40**	0,42**	0,26*	0,36**	0,35**
Конформизм-Межличностный	0,34**	0,29**	0,37**	0,27**	0,23*	0,27**	0,27**	0,29**	0,29**	0,33**

Скромность	0,30**	0,32**	0,44**	0,26**	0,23*	0,34**	0,23*	0,18	0,36**	0,30**
Универсализм-Забота о природе	0,46**	0,36**	0,37**	0,36**	0,33**	0,31**	0,25*	0,11	0,34**	0,38**
Универсализм-Забота о других	0,40**	0,44**	0,37**	0,39**	0,42**	0,46**	0,28**	0,14	0,38**	0,42**
Универсализм-Толерантность	0,36**	0,46**	0,32**	0,26**	0,30**	0,34**	0,36**	0,13	0,31**	0,20**
Благожелательность-Забота	0,32**	0,26**	0,25*	0,22*	0,34**	0,38**	0,21*	-0,03	0,30**	0,33**
Благожелательность-Чувство долга	0,31**	0,31**	0,27**	0,29**	0,34**	0,34**	0,26**	0,08	0,33**	0,28**
Самостоятельность-Мысли	0,11	0,16	0,05	0,27**	0,36**	0,37**	0,17	0,14	0,11	0,10
Самостоятельность-Поступки	0,28**	0,18	0,18	0,20*	0,45**	0,46**	0,07	0,04	0,28**	0,23*
Стимуляция	0,25*	0,17	0,05	0,25*	0,20	0,28**	0,15	0,08	0,14	0,09
Гедонизм	-0,12	-0,06	-0,03	0,24*	0,17	0,36**	0,04	0,12	-0,15	-0,11
Достижение	0,17	0,20*	0,28**	0,34**	0,24*	0,41**	0,10	-0,01	0,24*	0,25*
Власть-Доминирование	0,10	0,20*	0,08	0,20	,25*	0,30**	0,19	0,15	0,14	0,01
Власть-Ресурсы	-0,21*	-0,21*	-0,26*	0,00	-0,07	0,09	-0,13	0,18	-0,29**	-0,25*
Репутация	0,15	0,22*	0,22*	0,21*	0,14	0,30**	0,12	0,10	0,23*	0,23*
Безопасность-Личная	0,04	0,15	0,15	0,21*	0,38**	0,34**	0,26*	0,21*	-0,002	0,05

Примечание: приняты следующие обозначения: ** корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.); * корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.); военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП).

Из результатов корреляционного анализа в таблице 9, видно, что структура взаимосвязей характеристик военной идентичности с системой персональных ценностей курсантов подвержена значимым изменениям, и в процессе всей социализации в военном вузе имеет разную структуру. Это означает, что условия социальной среды военного вуза, в которой протекает военная социализация курсантов, в зависимости от этапов социализации характеризуются последовательным увеличением интенсивности их вовлечения в освоение разных инстанций роли военного, что в значимой степени отражается и на структуре взаимосвязей военной идентичности и ценностных ориентаций.

Это обусловлено тем, что характеристики военной идентичности курсантов являются динамическим психическим образованием их личности, динамичность которого проявляется, в том числе, и в изменении системы

ценностей, что обусловлено условиями военной среды, отличными на каждом из этапов социализации в военном вузе.

Одновременно с этим, необходимо обратить внимание на тот факт, что в процессе всей социализации курсантов в военном вузе взаимосвязи военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением с ценностями социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценностями «безопасность-общественная», «традиция», «скромность», «конформизм-межличностный», «конформизм-правила», «универсализм-забота о природе», «универсализм-забота о других», «универсализм-толерантность» «благожелательность-забота», «благожелательность-чувство долга») более сильные, в сравнении с ценностями личностного фокуса (ценностями «самостоятельность-мысли», «самостоятельность-поступки», «стимуляция», «гедонизм», «достижение», «власть-доминирование», «власть-ресурсы», «репутация», «безопасность-личная»). При этом, если соотношение характеристик военной идентичности с ценностями социального фокуса установлено на каждом из этапов социализации курсантов в военном вузе, то с ценностями личностного фокуса сохраняет значимость лишь на отдельных этапах.

Данный факт так же отражает ориентацию курсантов на социальную значимость освоения роли военного в процессе социализации в военном вузе. Это означает, что наиболее выраженной динамикой обладают взаимосвязи характеристик военной идентичности именно с ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]), отражающими нацеленность курсантов на достижение индивидуального результата, в связи с чем необходим их более тщательный анализ.

Из данных в таблице 9 видно, что на начальном этапе социализации курсантов в военном вузе военно-ролевая идентичность связана с ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]), представленными «властью-ресурсами», «стимуляцией» и «самостоятельностью-поступками». Из этого следует, что отождествление курсантов с военной средой связано с

желанием управлять своим будущим и стремлением к выраженным переменам на первоначальном этапе социализации в военном вузе. При этом отрицательная взаимосвязь военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением с ценностью «власть-ресурсы» указывает на стремление курсантов избегать излишней демонстрации предметов роскоши в окружении сослуживцев. Схожие корреляционные связи характеристик военной идентичности с данной ценностью также установлены на предпрофессиональном этапе социализации.

На докризисном этапе социализации военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением взаимосвязаны с ценностями «репутации» и «достижения», что говорит о следующем – осознание курсантами своей принадлежности к военной сфере положительно подкрепляется одобрением и поддержкой их ближайшего окружения и референтных социальных групп, а также значимой социальной престижностью военной и офицерской службы. Одновременно с этим идентичность с военным подразделением также взаимосвязана с такими ценностями как: «безопасность-личная», «самостоятельность-поступки», «самостоятельность-мысли», «стимуляция» «гедонизм». Данный факт обусловлен расширением границ самостоятельности и допустимого поведения курсантов, поскольку на данном этапе курсанты обретают социально-ролевой статус военнослужащих по контракту. Вследствие этого курсанты становятся более самостоятельными в проявлении своих действий, способностей и самовыражении, стремятся получать удовольствие от освоения роли военного, одновременно с этим стремятся заслужить одобрение окружающих тем, что не нарушают правила поведения, установленные особенностями среды военного вуза.

На кризисном этапе социализации курсантов в военном вузе выявлено наибольшее количество корреляций характеристик военной идентичности с ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]), что может быть связано с наиболее глубоким включением в военные виды деятельности и

соответствующими внутренними переживаниями, отражающими значимость для курсантов данных процессов (по С. Л. Рубинштейну [163]). Будущие офицеры многократно практикуют реализацию роли командира в различных условиях, вследствие чего осваивают новые обретенные военные навыки. Результатом данного процесса становится активизация процесса социального научения (по А. Бандуре [17]), происходит максимальная вовлеченность курсантов в «военизацию» личности и освоение роли офицера, формирование приоритетного стремления к достижению индивидуально-значимого результата. Выявленный эффект выражается в активной (в пределах только данного этапа) и глубокой трансформации системы персональных ценностей курсантов, что также обусловливает кризисность данного этапа социализации в военном вузе.

Из результатов в таблице 9 видно, что военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением взаимосвязана с такими ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]) как: «самостоятельность-поступки», «самостоятельность-мысли», «безопасность-личная», «власть-доминирование», «достижение». Из этого следует, что военная идентичность как результат отождествления курсантов с военной сферой, связана с их персональными стремлениями к выражению личной самостоятельности и демонстрации успеха, а также с желанием влиять на окружающих и испытывать состояние индивидуальной стабильности. Одновременно с этим, идентичность с военным подразделением взаимосвязана и с ценностями «репутация», «гедонизм» и «стимуляция», что выражается через стремление курсантов к переменам, новизне, желание сформировать позитивное мнение о себе среди сослуживцев, и стремление испытывать чувство удовлетворенности.

При этом на посткризисном этапе социализации курсантов в военном вузе установлено наименьшее количество взаимосвязей характеристик военной идентичности с ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]), на протяжении всего процесса социализации в военном вузе. Такое

положение может быть связано с глубокими персональными преобразованиями системы персональных ценностей и явлением дифференциации в подразделениях курсантов вследствие этого. Так, военно-ролевая идентичность связана со всеми ценностями социального фокуса и ценностью личностного фокуса «безопасность-личная», представленной стремлением курсантов испытывать состояние персональной защищенности. При этом идентичность с военным подразделением демонстрирует наименьшее количество корреляций с 4 ценностями из 19 возможных, с ценностями «безопасность-общественная», «безопасность-личная», «конформизм-межличностный», «конформизм-правила». Интересно, что данные ценности относятся к ценностям сохранения (по Ш. Шварцу [196]), которые отражают нацеленность личности на самоограничение и сдержанность, избегание изменений и стремление к порядку, что может являться эффектом преодоления предшествующего кризиса.

На предпрофессиональном этапе социализации курсантов в военном вузе установлены уникальные по своей структуре, корреляции характеристик военной идентичности и ценностей. Так, из данных в таблице 9 видно, что военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением взаимосвязаны с одинаковыми ценностями: 10 ценностями социального фокуса и 4 ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196], такими как: «репутация», «достижение», «самостоятельность-поступки», «власть-ресурсы»). При этом значения данных корреляций можно считать одинаковыми (в допустимых пределах), что указывает на завершенность системы персональной ценностей будущих офицеров, что обусловлено максимальным погружением в роль командира. Это означает, что на предпрофессиональном этапе социализации в военном вузе отождествление будущих офицеров с военной сферой, кроме социальной значимости роли военного, взаимосвязано также с желанием обрести определенный успех и уважение в социуме в соответствии с актуальными социальными стандартами, стремлением оказывать влияние на окружающих через

контроль материальных ресурсов и самостоятельно определять свои действия, а также с желанием соответствовать социальному имиджу военного специалиста, через восприятие себя окружающими как перспективного и успешного профессионала.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на сравнение характера взаимосвязей характеристик военной идентичности с ценностями на начальном и предпрофессиональном этапах социализации курсантов в военном вузе. Так, Р. М. Шамионовым и Р. А. Терехиным [212], П. Д. Никитенко [133] подчеркивается их значимость в сравнении с остальными этапами социализации курсантов в военном вузе.

Исходя их этого, целесообразно проанализировать корреляции характеристик военной идентичности с ценностями курсантов в начале и в завершении процесса их социализации в военном вузе. Из данных в таблице 9 видно, что на данных этапах военная идентичность взаимосвязана с одинаковыми ценностями (за исключением ценностей «власть-доминирование», «стимуляция» на начальном этапе). Мы считаем, что данный феномен обусловлен отличиями в персональной наполненности и внутреннем отношении к содержанию данных ценностей, взаимосвязанных с военной идентичностью курсантов (по Н. С. Мекебаеву, Ю. М. Перевозкиной и Е. В. Ветерок [119]). Это может указывать на важность условий данных этапов социализации для становления личностных структур курсантов, что обнаруживается через призму эффектов приятия особенностей новых социальных ролей: роли курсанта на начальном этапе социализации, роли офицера – на завершающем этапе социализации в военном вузе.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что результаты корреляционного анализа не позволяют определить роль каждой ценности в становление военной идентичности курсантов. Это становится возможным при применении регрессионного анализа, результаты которого представлены в таблице 10.

Таблица 10

Регрессионный анализ ценностей и характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе

Ценности	Этапы социализации, данные о размере эффекта и значимости модели				
	Начальный	Докризисный	Кризисный	Посткризисный	Предпрофессиональный
	Военно-ролевая идентичность				
	R^2=0,290 F=13,092 t=2,804 p<0,001	R^2=0,384 F=19,960 t=3,222 p<0,001	R^2=0,31 F=21,935 t=-8,29 p<0,001	R^2=0,295 F=13,372 t=1,496 p<0,001	R^2=0,384 F=14,824 t=-1,110 p<0,001
Безопасность-Общественная	-	-	β=0,423	β=0,390	β=0,438
Традиция	-	β=0,446	-	-	-
Конформизм-Правила	-	-	-	β=0,358	-
Скромность	-	β=0,203	-	-	β=0,340
Универсализм-Забота о природе	β=0,381	-	-	-	-
Универсализм-Толерантность	β=0,201	-	-	-	-
Самостоятельность-Поступки	-	-	-	β=-0,202	-
Стимуляция	β=0,178	-	-	-	β=0,207
Гедонизм	-	-	-	-	β=-0,239
Власть-Ресурсы	-	β=-0,231	-	-	-
Безопасность-Личная	-	-	β=0,276	-	-
Ценности	**Идентичность с военным подразделением**				
	R^2=0,327 F=11,553 t=3,549 p<0,001	R^2=0,279 F=37,906 t=6,157 p<0,001	R^2=0,330 F=15,758 t=,225 p<0,001	R^2=0,253 F=8,049 t=2,173 p<0,001	R^2=0,318 F=14,923 t=1,699 p<0,001
Безопасность-Общественная	-	-	-	β=0,470	β=0,382
Традиция	-	β=0,530	-	-	-
Конформизм-Правила	-	-	β=0,285	-	-
Конформизм-Межличностный	-	-	-	β=0,282	β=0,302
Универсализм-Забота о природе	β=0,182	-	-	-	-
Универсализм-Толерантность	β=0,344	-	-	-	-
Благожелательность-Забота	-	-	-	β=-0,339	-
Самостоятельность-Поступки	-	-	β=0,287	-	-
Гедонизм	-	-	β=0,239	-	-
Власть-Доминирование	β=0,284	-	-	-	-
Власть-Ресурсы	β=-0,222	-	-	β=0,219	β=-0,216

Примечание: приняты следующие обозначения: * p<0,05; ** p<0,01; коэффициент дисперсии регрессионной модели (R^2); стандартизованный β-коэффициент регрессионной модели (β); показатель F-статистики значимости регрессионной модели (F); показатель t-статистики значимости отдельных коэффициентов регрессионной модели (t).

При построении регрессионных моделей в качестве независимых переменных применялись ценности, в качестве зависимых переменных

применялась военно-ролевая идентичность и идентичность курсантов с военным подразделением.

Благодаря регрессионному анализу, стало возможным определение наиболее выраженных ценностей[2], влиянием которых обусловлено становление военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением на каждом этапе социализации курсантов в военном вузе. Для каждой регрессионной модели критерий автокорреляции Дурбина-Уотсона в пределах от 1,5 до 2,5, при $p<0,05$, что говорит о допустимой достоверности полученных данных.

Из результатов в таблице 10 видно, что на начальном этапе социализации курсантов в военном вузе до 29,0% вариаций военно-ролевой идентичности обусловлены 3 ценностями, до 32,7% вариаций идентичности с военной идентичности обусловлены 4 ценностями. Это означает, что обе характеристики военной идентичности обусловлены ценностями самопреодоления (по Ш. Шварцу [196], ценностями «универсализм-толерантность», «универсализм-забота о природе»), вклад которых отличается в зависимости от модели. Так, если наибольшую значимость для военно-ролевой идентичности имеет стремление к сохранению окружающей природы и территории ($\beta=0,381$), то для идентичности курсантов с военным подразделением ключевую значимость имеет готовность к приятию тех, кто отличается от себя ($\beta=0,344$).

Также на данном этапе социализации установлены отличия в предикции характеристик военной идентичности разными ценностями личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]). Так, если военно-ролевая идентичность курсантов обусловлена ценностью «стимуляция», представленной их нацеленностью испытывать эмоциональные переживания от перемен и новизны, то идентичность курсантов с группой сослуживцев

[2] Основные результаты исследований, изложенные в данном параграфе, представлены в научной статье: Акбутаев, В. О. Соотношение ценностных ориентаций и военной идентичности в процессе социализации курсантов военных вузов / В. О. Акбутаев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2025. – № 1(30). – С. 170–179.

обусловлена разнонаправленными (по значению) ценностями «власть-доминирование» и «власть-ресурсы». Иными словами, стремление обладать влиянием посредством контроля над другими усиливает идентичность курсантов с военным подразделением, при этом стремление оказывать влияние через контроль над материальными ценностями ее ослабляет. Также из результатов видно, что наиболее выраженными предикторами характеристик военной идентичности на данном этапе социализации курсантов в военном вузе являются ценности самопреодоления (β=0,381 для ценности «универсализм-забота о природе» и β=0,344 для ценности «универсализм-толерантность»).

В свою очередь, на докризисном этапе социализации курсантов до 38,4% вариаций военно-ролевой идентичности обусловлено ценностями сохранения (ценностями «традиция», «скромность») и самоутверждения (ценностью «власть-ресурсы», с отрицательным значением), и до 27,9% вариаций идентичности с военным подразделением обусловлено только ценностью сохранения (ценностью «традиция). Из этого следует, что значимость ценностей социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]) курсантов, обуславливающих их военную идентичность, смещается к ценности «традиция», т. е. для военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением наиболее выраженным предиктором становится нацеленность курсантов соблюдать и поддерживать традиции и нормы военной среды (β=0,446 и β=0,530 соответственно). Кроме того, военно-ролевая идентичность так же положительно обусловлена ценностью «скромность» и отрицательно – ценностью «власть-ресурсы». Иначе говоря, если признание личной незначительности в достаточной степени способствует военной идентичности курсантов (β=0,203), то стремление оказывать влияние посредством контроля ценностей – ослабляет ее с более выраженным эффектом (β=-0,231).

Необходимо подчеркнуть, что кризисный, посткризисный и предпрофессиональный этапы социализации в военном вузе, связаны с

максимальной вовлеченностью и глубоким погружением курсантов в освоение роли военного и офицера, переживанием и восприятием ключевой значимости предстоящей деятельности в этих ролях, связанной с обеспечением безопасности общества и государства.

Данный процесс отражается в наиболее выраженной предикции характеристик военной идентичности ценностью «безопасность-общественная». Это означает, что вследствие преодоления начального и докризисного этапов социализации в военном вузе обретенный опыт курсантов преобразован в новую ценность, соответствующую их актуализированной нацеленности на безопасность окружающих, что представлено в высоких значения стандартизованных β-коэффициентов полученных регрессионных моделей ценностей и характеристик военной идентичности.

Так, кризисный этап социализации курсантов военных вузов характеризуется сменой главных ценностных предикторов военной идентичности. До 31,1% вариаций военно-ролевой идентичности обусловлено ценностями сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностями «безопасность-общественная», «безопасность-личная»). Из этого следует, что усвоение значимости роли военного сказывается и на ценностных предикторах военной идентичности курсантов именно на данном этапе социализации, что тем самым подчеркивает кризисность этого периода и значимость внутриличностных трансформаций психики курсантов. Также из данных в таблице 10 видно, что отождествление курсантов с военной сферой обусловлено в большей степени стремлением к безопасности и стабильности других (β=0,423), и в меньшей степени – стремлением обеспечить свою защищенность (β=0,276).

При этом 29,5% вариаций идентичности с военным подразделением обусловлено ценностями открытости изменениям (по Ш. Шварцу [196], ценностями «гедонизм», «самостоятельность-поступки») и ценностью сохранения (ценностью «конформизм»). Из этого следует, что

принадлежность курсантов к группе сослуживцев определяется, прежде всего, их нацеленностью соблюдать предъявляемые требования к поведению (β=0,285) и стремлением определять свои действия самостоятельно (β=0,287), и только потом – стремлением получать удовольствие от реализации своих потребностей к удовлетворению желаний (β=0,239).

На посткризисном этапе социализации курсантов в военном вузе до 29,5% вариаций военно-ролевой идентичности обусловлены ценностями сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностями «конформизм-правила», «безопасность-общественная») и ценностью открытости изменениям (ценностью «самостоятельность-поступки» с отрицательным значением). Это означает, что стремление курсантов обеспечивать стабильность общества и государства, и нацеленность на соблюдение правил и обязательств усиливают их отождествление с ролью военного, в то время как стремление определять свои действия самостоятельно – ослабляет ее.

До 25,3% вариаций идентичности с военным подразделением обусловлены ценностями сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностями «конформизм-межличностный», «безопасность-общественная») ценностью самоутверждения (ценностью «власть-ресурсы») и ценностью самопреодоления (ценностью «благожелательность-забота»). Из результатов видно, что на данном этапе социализации курсантов в военном вузе ценность «власть-ресурсы» является положительным предиктором военной идентичности и усиливает ее, в то время как на начальном, докризисном и предпрофессиональном этапах данная ценность ее ослабляет. Из результатов видно, что нацеленность курсантов оказывать влияние на других через контроль ресурсов и стремление обеспечивать безопасность других, совместно с избеганием причинения вреда окружающими, способствуют идентичности курсантов с военным подразделением. При этом также видно, что ценность «безопасность-общественная» является наиболее выраженным предиктором обеих характеристик военной идентичности курсантов (β=0,390

для военно-ролевой идентичности, β=0,470 для идентичности с военным подразделением).

На предпрофессиональном этапе социализации курсантов в военном вузе до 38,4% вариаций военно-ролевой идентичности выпускников объясняется ценностями сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностями «скромность», «безопасность-общественная») и ценностями открытости изменениям (ценностями «гедонизм» с отрицательным значением, и «стимуляция»). Это означает, что нацеленность на стабильность общества, стремление к переменам и новизне, признание личной незначительности обуславливают отождествление выпускников с ролью военного, при этом нацеленность на получение удовольствий – ослабляет его.

При этом до 31,8% вариаций идентичности с военным подразделением также обусловлено ценностями сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностями «конформизм-межличностный», «безопасность-общественная» и ценностью самоутверждения (ценностью «власть-ресурсы» с отрицательным значением), содержание которых в некоторой степени соответствует ценностным предикторам военной идентичности на посткризисном этапе социализации курсантов в военном вузе. Так, идентичность с военным подразделением будущих офицеров обусловлена их стремлением обеспечивать защищенность окружающих граждан и нацеленностью избегать причинения вреда другим, как на предыдущем этапе. Одновременно с этим, как и на начальном этапе социализации, стремление курсантов оказывать влияние с помощью контроля материальных ресурсов приводит к подрыву отождествления курсантов с группой сослуживцев. Также необходимо подчеркнуть, что наиболее выраженным предиктором военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением на предпрофессиональном этапе социализации курсантов в военном вузе является ценность сохранения «безопасность-общественная» (β=0,438 и β=0,382 соответственно).

Таким образом, из анализа данных в таблице 10 видно, что стремление курсантов обеспечивать безопасность других не только взаимосвязано с характеристиками их военной идентичности на каждом из этапов социализации в военном вузе, но и является их наиболее выраженным предиктором, а ее наличие в полученных регрессионных моделях установлено на трех из пяти этапах социализации курсантов в военном вузе, что указывает на определяющую значимость ценностей сохранения в освоении курсантами роли военного. Полученные результаты существенно дополняют результаты, полученные Д. Л. Анохиной и Т. Н. Соболевой [13], о приоритетности профессионально-значимых ценностных ориентаций в структуре личности военнослужащих, их нацеленности на профессиональной развитие и карьерный рост в данной области. Вместе с тем, данные о смещении содержательного акцента ценностей от личностного фокуса к социальному (по Ш. Шварцу [196]), в процессе социализации курсантов в военном вузе, соотносятся с результатами исследования Н. Я. Большуновой и А. Г. Чапоргина [32] о высокой значимости для военнослужащих ценностей служения обществу и государству. Кроме того, в исследовании А. Баяртсайхана, Т. В. Мальцева и О. А. Милькевич [18] ценность «безопасность-общественная» также была установлена как одна из наиболее значимых для сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, по результатам кросскультурного анализа ценностей молодежи, принадлежащей к этническим группам удмуртов, коми-пермяков и русских, проведенном В. Ю. Хотинец, также было установлено, что «выявленные ценности имеют четко выраженную сохранную направленность «я – моя семья – мой мир». Согласно Ш. Шварцу, эти ценности входят в мотивационный блок ценностей безопасности» [205, с. 112]. Также подчеркивается, что «адаптивная функция культуры служит важнейшей цели психологической защиты индивида, дают ему возможность определить свое место в мире и получить такой образ мира, в котором он мог бы безопасно и надежно существовать. Среди защитных механизмов адаптивной функции можно выделить механизмы, направленные

на преодоление конкретной угрозы извне <…>» [там же, с. 109]. Иными словами, В. Ю. Хотинец установлена значимость ценностей безопасности на уровне культуры полиэтнического российского общества, что не только выражается в культуре различных этносов, но и проявляется в поступках и поведении молодежи. Очевидно, что данный эффект находит отражение и в ценностной системе курсантов, через приоритетную значимость ценности «безопасность-общественная».

Одновременно с этим, роль отдельных ценностей сохранения (по Ш. Шварцу [196], ценностей «безопасность-личная», «традиция»), ценностей самопреодоления (ценностей «благожелательность-забота», «универсализм-забота о природе, «универсализм-толерантность»), ценности самоутверждения (ценности «власть-доминирование») в становлении характеристик военной идентичности курсантов носит эпизодический и дополняющий характер. Полученные данные свидетельствуют о том, что наличие указанных ценностей в регрессионных моделях установлено лишь единожды, что говорит об их роли в отождествлении курсантов с военной сфере только на определенном этапе их социализации в военном вузе.

Напомним, что в результате кластерного анализа, на основе взаимосвязей показателей идентичности, ранее была выявлена военная и гражданская типология идентичности курсантов (табл. 7). Мы предположили, что для курсантов с разной типологией идентичности также характерны отличия и в ключевых ценностях. Для установления значимых различий в ценностях между курсантами с разной типологией идентичности применялся метод сравнения средних значений с расчетом Т-критерия. Полученные результаты представлены в таблице 11.

Таблица 11

Сравнения различий средних значений ценностей курсантов с военным и гражданским типами идентичности

Ценности	Типы идентичности				Характеристики различий			
	Военный		Гражданский					
	M	Sd	M	Sd	Levene's test	t	p	d
Самостоятельность-Мысли	4,84	0,64	4,53	0,62	**0,17**	5,32	0,00	**0,50**

Самостоятельность-Поступки	5,65	0,52	5,22	0,57	**0,16**	8,33	0,00	**0,78**
Стимуляция	4,65	0,60	4,35	0,71	**0,11**	4,87	0,00	**0,46**
Гедонизм	4,90	0,93	4,65	0,75	0,00	3,20	0,00	0,30
Достижение	5,40	0,66	4,88	0,69	**0,68**	8,22	0,00	**0,77**
Власть-Доминирование	4,07	1,13	3,67	1,03	**0,15**	4,00	0,00	**0,37**
Власть-Ресурсы	3,26	1,70	3,53	1,07	0,00	-2,18	0,03	-0,20
Репутация	5,32	0,82	4,88	0,79	**0,59**	5,98	0,00	**0,56**
Безопасность-Личная	5,00	0,85	4,55	0,76	**0,16**	6,17	0,00	**0,58**
Безопасность-Общественная	5,86	0,29	5,35	0,60	0,00	10,82	0,00	1,01
Традиция	5,60	0,56	4,82	0,81	0,00	11,36	0,00	1,06
Конформизм-Правила	5,37	0,81	4,61	0,83	**0,41**	9,92	0,00	**0,93**
Конформизм-Межличностный	4,93	0,90	4,19	0,95	**0,12**	8,42	0,00	**0,79**
Скромность	5,07	0,78	4,43	0,84	**0,17**	8,35	0,00	**0,78**
Универсализм-Забота о природе	5,32	0,73	4,60	0,91	**0,053**	9,06	0,00	**0,85**
Универсализм-Забота о других	5,63	0,51	5,00	0,67	0,01	10,86	0,00	1,02
Универсализм-Толерантность	5,31	0,71	4,59	0,76	**0,67**	10,51	0,00	**0,98**
Благожелательность-забота	5,82	0,37	5,40	0,57	0,00	8,97	0,00	0,84
Благожелательность-чувство-долга	5,79	0,35	5,27	0,61	0,00	10,51	0,00	0,98

Примечание: приняты следующие обозначения: значимость критерия равенства дисперсий Ливиня (Levene's test); среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd); коэффициенты сравнения средних: t-критерий Стьюдента (t); значимость (p); размер эффекта различий между средними значениями d-Коэна (d).

Из полученных результатов в таблице 11 видно, что специфика ценностей курсантов с разной типологией идентичности характеризуется значимыми различиями. Так, ценности курсантов с военным типом идентичности отличаются от ценностей курсантов с гражданским типом идентичности. У курсантов с военным типом идентичности, в сравнении с гражданским типом, более выраженными являются ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]): готовность принимать тех, кто отличается от тебя (ценность «универсализм-толерантность», d=0,98) и стремление оберегать окружающую среду (ценность «универсализм-забота о природе», d=0,85); стремление соблюдать социальные правила и обязательства (ценность «конформизм-правила», d=0,93) и избегать причинения вреда окружающим (ценность «конформизм-межличностный», d=0,79). Более

выраженные различия наблюдаются и в содержании ценностей личностного фокуса: признание личной незначительности (ценность «скромность», d=0,78) и стремление определять свои действия (ценность «самостоятельность-поступки», d=0,78).

Одновременно с этим, статистически менее значимые различия представлены в содержании ценностей личностного фокуса (по Ш. Шварцу [196]): стремление развивать собственные идеи и способности (ценность «самостоятельность-мысли», d=0,50), готовность к значимым переменам в жизни (ценность «стимуляция», d=0,46), нацеленность быть успешным и соответствовать социальным ожиданиям (ценность «достижение», d=0,77), готовность быть влиятельным через контроль над окружающими (ценность «власть-доминирование», d=0,37), готовность оберегать свой социальный имидж (ценность «репутация», d=0,56), нацеленность переживать защищенность ближайшего окружения (ценность «безопасность-личная», d=0,58).

Это означает, что ключевое отличие в ценностях курсантов с разной типологией идентичности заключается в их мотивационном содержании – у курсантов с военным типом идентичности сильнее выражена нацеленность на общество, социальную значимость своих действий и пользу для других, в то время как для курсантов с гражданским типом идентичности бóльшую значимость представляет нацеленность на личную пользу от результатов своих действий.

Таким образом, из полученных данных видна роль ценностей в становлении идентичности курсантов в процессе социализации в военном вузе. Ценности являются одним из наиболее значимых социально-психологических факторов военной идентичности. Они являются фундаментом для становления военно-ролевой идентичности и идентичности курсантов с военным подразделением, отражая нацеленность личности на реализацию роли военного.

Кроме того, полученные результаты также свидетельствуют о том, что в процессе социализации в военном вузе ценностная система курсантов претерпевает значимые изменения (Приложение 2). Так, на кризисном этапе социализации в военном вузе наблюдается снижение показателей всех ценностных ориентаций курсантов (за исключением ценностей власти), что отражает наличие субъективного кризисного состояния в этот период. Значимым фактором данного процесса, по Т. В. Мальцевой [111], выступает ламинальность как необходимое условие между двумя устойчивыми состояниями личности до наступления кризиса и после его преодоления, в процессе которого наступает пересмотр ключевых жизненно важных ценностей, сопровождающийся кризисным явлением. Из результатов в таблице 10 видно, что ценность «безопасность-общественная» на кризисном, посткризисном и предпрофессиональном этапах социализации курсантов в военном вузе становится наиболее выраженным предиктором, обуславливающим военную идентичность курсантов.

Иначе говоря, на кризисном этапе социализации в военном вузе курсанты претерпевают ценностный кризис, показатели которого дополняют эффект кризисности данного этапа с точки зрения выраженности внутренних изменений. Полученные данные дополняют исследование А. В. Созонника [174], по результатам которого ранее также было установлено, что на кризисном этапе социализации в военном вузе происходит снижение терминальных ценностей курсантов, сопряженное с ростом агрессивности и асоциальности их поведения в условиях среды военного вуза. Очевидно, что в данном случае связанность высоких показателей стремления курсантов к доминированию и контролю над людьми и ресурсами, со спадом остальных ценностей, более детально освещает эффекты кризиса военной социализации курсантов в среде военного вуза, что и проявляется в асоциальном поведении (по А. В. Созоннику [174]) и росте ценностей самоутверждения.

Вместе с тем, остается неясным вклад ценностей в становлении характеристик военной идентичности курсантов в процессе их первичной

социализации, до момента поступления в военный вуз. Так, если в среде военного вуза ценности оказывают значимое влияние на военную идентичность посредством многократного повторения и практической реализации различных аспектов роли военного, то в процессе первичной социализации курсантов такими эффективными «инструментами» выступают те или иные формы провоенной активности, практикуемые в детстве и отрочестве (табл. 8).

На основе полученных данных можно предположить, что некоторые из провоенных форм активности курсантов в подростковом возрасте не только способствуют формированию ценностей, но и являются посредниками их связи с характеристиками военной идентичности. Для определения того, влиянием каких форм провоенной активности курсантов опосредовано влияние ценностей на становление военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением, был проведен путевой анализ (рис. 6).

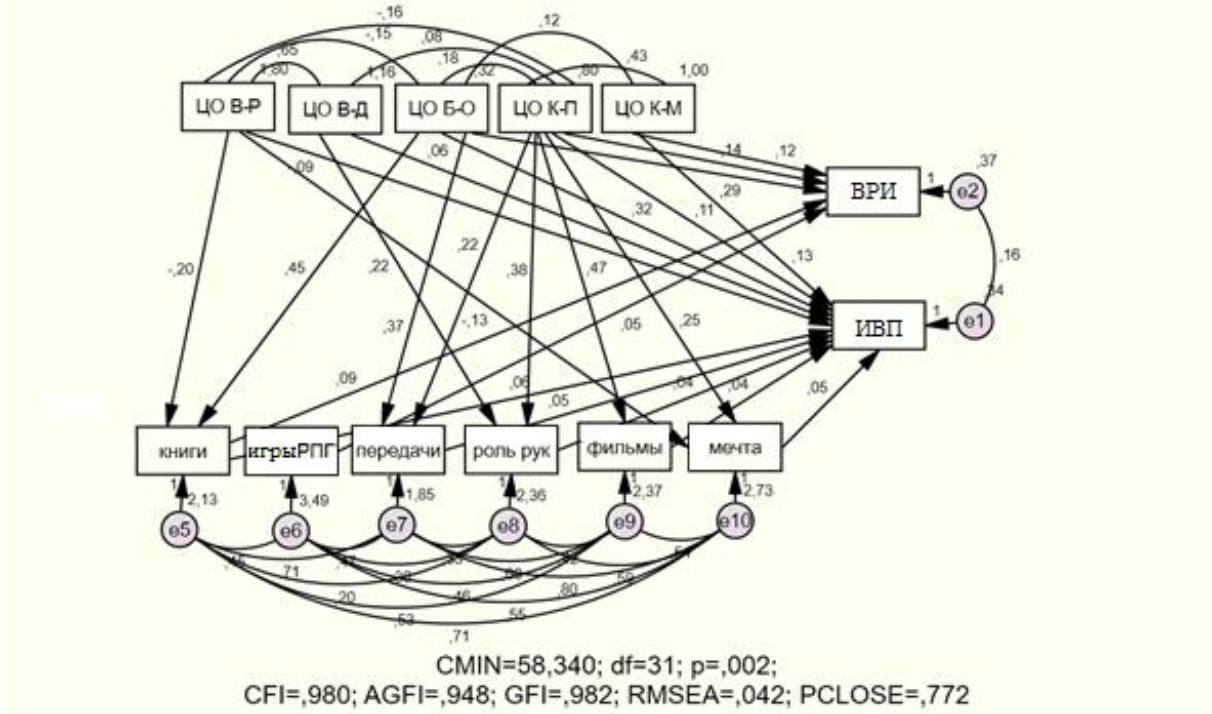

Рис. 6. Модель путей ценностей, провоенной активности и военной идентичности курсантов

Примечание: нули в коэффициентах опущены; приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); ценностная ориентация «власть-ресурсы» (ЦО В-Р); ценностная ориентация «власть-доминирование» (ЦО В-Д); ценностная ориентация «безопасность-общественная»

(ЦО Б-О); ценностная ориентация «конформизм-правила» (ЦО К-П); ценностная ориентация «конформизм-межличностный» (ЦО К-М); хи-квадрат (CMIN); степень свободы (df); вероятность получения расхождения (p); сравнительный индекс (CFI); скорректированный индекс соответствия (AGFI); индекс соответствия (GFI); среднеквадратичная ошибка аппроксимации(RMSEA); тест значимости (PCLOSE).

Согласованность модели проверялась путем проверки полученных показателей модели на соответствие ключевым критериям согласия модели (А. Д. Наследов [131]).

Так, ключевые из представленных показателей модели свидетельствуют о допустимой приемлемости и достоверности полученной модели путей. Из полученных данных видно, что если значения Хи-квадрат CMIN=58,340, а показатели степени свободы df=31, то отношение Хи-квадрат CMIN к степени свободы df составит 58,340 ÷ 31=1,8819, что находится в пределах от 1 до 2, и может интерпретироваться как «*отличный показатель модели*». При этом значение p=0,002, что меньше, чем 0,05, и характеризуется как «*недостаточно*е *согласие модели*», при этом показатели сравнительного индекса CFI, скорректированного индекса соответствия AGFI, индекса соответствия GFI более 0,9, что указывает на «*хорошее согласие модели*». Среднеквадратичная ошибка аппроксимации RMSEA=0,042, что меньше, чем 0,05, при тесте значимости PCLOSE=0,772, что больше, чем 0,5, и также может интерпретироваться как *«условно хорошее согласие модели»*.

Напомним, что в процессе путевого анализа вероятность получения расхождения согласия модели p чувствительна к большому объему выборки проведенного исследования (N=500), в связи с чем решение о согласии модели применялось на основе большинства показателей хорошего согласия модели (А. Д. Наследов [131]).

Таким образом, из соответствия представленных показателей верификационным критериям видна хорошая согласованность полученной модели путей, что дает возможность приступить к дальнейшему анализу полученных данных.

Представленные показатели согласия свидетельствуют о приемлемости и достоверности данных из полученной модели путей. Как видно на рис. 6, несмотря на многогранность форм провоенной активности, лишь некоторые из установок, увлечений, ролевых позиций в играх, реализуемых в подростковом возрасте курсантов, опосредуют прямую направленную связь ценностей и военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением.

В соответствии с представленной моделью путей, имеются прямые эффекты ценностей самоутверждения (по Ш. Шварцу [196], ценностей «власть-ресурсы», «власть-доминирование») и ценностей сохранения (ценностей «безопасность-общественная», «конформизм-правила», «конформизм-межличностный») на военно-ролевую идентичность и идентичность с военным подразделением и провоенную активность курсантов.

Из представленной модели видно, что этими переменными объясняется до 37% вариаций идентичности с военным подразделением и до 34% вариаций военной-ролевой идентичности. При этом установлены как прямые эффекты ценностей на военную идентичность, так и косвенные, посредством имитационных и неимитационных форм провоенной активности. В частности, такими «посредниками» являются чтение книг, просмотр телепередач, фильмов, наличие мечты о военной службе и роли военного, а также игровая роль, которую «примерял» на себя курсант в подростковом возрасте (роль руководителя).

Для уточнения роли ценностей и приверженности курсантов к провоенной активности в подростковом возрасте в вариациях военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением проведен медиационно-модерационный анализ (табл. 11-13). Из модели медиации видно, что религиозная и гражданская идентичность выступает медиатором связи социальной и личностной идентичности с военной-ролевой идентичностью и идентичностью с военным подразделением.

Таблица 11

Прямые эффекты влияния ценностей на военную идентичность курсантов

Показатели модели							95% Доверительный интервал	
Связи между ценностями и военной идентичностью			Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя
Б-О	→	ВРИ	0,315	0,052	6,098	< **0,001**	0,214	0,417
В-Д	→	ВРИ	0,085	0,028	3,010	0,003	0,030	0,140
В-Р	→	ВРИ	-0,089	0,023	-3,856	< **0,001**	-0,134	-0,044
К-П	→	ВРИ	0,096	0,037	2,612	0,009	0,024	0,167
К-М	→	ВРИ	0,128	0,030	4,253	< **0,001**	0,069	0,188
Б-О	→	ИВП	0,275	0,053	5,186	< **0,001**	0,171	0,379
В-Д	→	ИВП	0,053	0,029	1,835	0,067	-0,004	0,110
В-Р	→	ИВП	0,007	0,024	0,314	0,753	-0,039	0,054
К-П	→	ИВП	0,115	0,038	3,069	0,002	0,042	0,189
К-М	→	ИВП	0,115	0,031	3,706	< **0,001**	0,054	0,175

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); ценностные ориентации: безопасность-общественная (Б-О); власть-доминирование (В-Д); власть-ресурсы (В-Р); конформизм-правила (К-П); конформизм-межличностный (К-М); значимость (p).

Таблица 12

Косвенные эффекты влияния ценностей на военную идентичность курсантов

Показатели модели									95% Доверительный интервал	
Связи между ценностями, факторами активности и военной идентичностью					Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя
Б-О	→	ЧК	→	ВРИ	0,025	0,011	2,211	0,027	0,003	0,048
Б-О	→	ТП	→	ВРИ	0,029	0,013	2,283	0,022	0,004	0,054
Б-О	→	МВК	→	ВРИ	0,024	0,011	2,080	0,038	0,001	0,046
В-Р	→	ЧК	→	ВРИ	-0,014	0,006	-2,377	0,017	-0,026	-0,003
К-П	→	РР	→	ВРИ	0,015	0,008	1,962	0,050	$1{,}583\times10^{-5}$	0,030
К-П	→	ФО	→	ВРИ	0,021	0,009	2,426	0,015	0,004	0,038
Б-О	→	ЧК	→	ИВП	0,032	0,013	2,497	0,013	0,007	0,057
В-Д	→	ЧК	→	ИВП	0,012	0,006	2,025	0,043	$3{,}838\times10^{-4}$	0,023
В-Р	→	ЧК	→	ИВП	-0,018	0,007	-2,743	0,006	-0,031	-0,005

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); ценностные ориентации: безопасность-общественная

(Б-О); власть-доминирование (В-Д); власть-ресурсы (В-Р); конформизм-правила (К-П); роль чтения книг (ЧК); роль телепередач (ТП); мечта о военной карьере (МВК); исполнение роли руководителя в играх (РР); частота просмотра фильмов с одноклассниками (ФО); значимость (р).

Таблица 13

Общие эффекты влияния ценностей на военную идентичность курсантов

Показатели модели							95% Доверительный интервал	
Связи между ценностями и военной идентичностью			Оценка	Ст. ошибка	z-значение	p	Нижняя	Верхняя
Б-О	→	ВРИ	0,411	0,055	7,466	< **0,001**	0,303	0,519
В-Д	→	ВРИ	0,112	0,030	3,709	< **0,001**	0,053	0,171
В-Р	→	ВРИ	-0,117	0,025	-4,759	< **0,001**	-0,165	-0,069
К-П	→	ВРИ	0,158	0,039	4,079	< **0,001**	0,082	0,234
К-М	→	ВРИ	0,141	0,033	4,300	< **0,001**	0,077	0,205
Б-О	→	ИВП	0,339	0,054	6,284	< **0,001**	0,233	0,445
В-Д	→	ИВП	0,072	0,030	2,449	0,014	0,014	0,130
В-Р	→	ИВП	-0,013	0,024	-0,559	0,576	-0,061	0,034
К-П	→	ИВП	0,139	0,038	3,667	< **0,001**	0,065	0,214
К-М	→	ИВП	0,129	0,032	4,037	< **0,001**	0,067	0,192

Примечание: оценка производилась методом максимального правдоподобия (ML); приняты следующие обозначения: военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП); ценностные ориентации: безопасность-общественная (Б-О); власть-доминирование (В-Д); власть-ресурсы (В-Р); конформизм-правила (К-П); конформизм-межличностный (К-М); значимость (р).

Из полученных данных в таблицах 11-13 видно, что ценность сохранения (по Ш. Шварцу [196]) «безопасность-общественная» имеет как прямой, так и значительный суммарный положительный эффект, и оказывает значительное косвенное влияние, посредством участия в различных формах неимитационной активности в процессе первичной социализации (чтения книг и просмотра телепередач на военную тематику, наличия мечты о военной карьере) на выраженность военно-ролевой идентичности. Также необходимо отметить, что чтение книг на военную тематику усиливает отрицательный эффект ценности самоутверждения «власть-ресурсы» на военно-ролевую идентичность.

При этом ценность сохранения «конформизм-правила» также имеет, пусть и менее значительный, положительный суммарный эффект и оказывает косвенное влияние на военно-ролевую идентичность. Усиливают данный эффект имитационная провоенная активность, представленная исполнением роли командира в военных играх и просмотра и обсуждения с одноклассниками фильмов на военную тематику.

Одновременно с этим, вновь обращаясь к ценностным предикторам характеристик военной идентичности в процессе всей социализации курсантов в военном вузе, полученные данные говорят о том, что главными ценностными предикторами военно-ролевой идентичности являются ценности сохранения (по Ш. Шварцу [196]), представленные нацеленностью на безопасность и стабильность государства и общества, стремлением к соблюдению формальных обязательств и правил, а также прав других индивидов и уважению их личных границ; ценности традиций и ценности самоутверждения, представленные властью как контролем над другими и власти как контролем над материальными и ценными ресурсами (с отрицательным значением, Приложение 2). Это означает, что до 35% вариаций военно-ролевой идентичности курсантов объясняются ценностями сохранения и самоутверждения, причем последние вносят разнонаправленный вклад в ее выраженность. Стоит подчеркнуть, что полученные данные соотносятся с результатами исследования Р.М. Шамионова и А.И. Сорокина [216], в котором были установлены взаимосвязи индивидуального компонента военной идентичности с ценностями сохранения, а также дополняют их, поскольку данных о взаимосвязей военной идентичности с ценностями самоутверждения ранее получено не было.

Также стоит подчеркнуть, что установленный в данном исследовании факт наличия кризисного этапа, характеризующегося ценностным кризисом курсантов, дополняет результаты, полученные А. Р. Дашевским, Е. А. Шмелевой и П. А. Кисляковым. Так, изучая соотношение

жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, было установлено, что «характер динамики осмысленности жизни у курсантов повторяет тенденцию жизнестойкости, повышаясь по всем шкалам до третьего курса и снижаясь на четвертом» [57, с. 262]. Кроме того, на кризисном этапе социализации «именно в это время происходит переосмысление и появление новых социально-профессиональных ценностей, выделение наиболее значимых из них» [там же, с. 261], что дополняется представленными данными в таблице 10, а именно – нацеленность на обеспечение безопасности государства и общества (ценность «безопасность-общественная»), становится наиболее выраженным предиктором военной идентичности на кризисном этапе социализации и после него.

Вместе с тем, А. А. Утюгановым и Л. В. Фроловой [197] также было установлено, что для офицеров Росгвардии готовность к обеспечению безопасности государства и общества является одной из наиболее значимых профессиональных ценностей. Это указывает на значимость эффективности военной социализации и становления ценностной системы курсантов в условиях военного вуза, для всей системы ценностей респондентов в процессе дальнейшей службы в офицерских должностях.

Также из данных в Приложении 1 видно, что до 25% вариаций обусловлено выраженностью ценностей сохранения (по Ш. Шварцу [196]) «безопасность-общественная» и конформизма как стремления соответствовать правилам и формальным обязательствам, нацеленностью на непричинения вреда другим и, в то же время, ценностями самоутверждения, власти как контроля над людьми. Это означает, что стремление курсантов к ценностям сохранения и власти, отражающим консерватизм и традиционность их личностной направленности, способствует отождествлению не только с военной средой и ролью военного, но и с группой сослуживцев. Вместе с тем, также необходимо подчеркнуть, что несмотря на ожидания, такие ценности самопреодоления как благожелательность, вообще не вошли в состав регрессионной модели (что

также подтверждается данными из табл. 10), что указывает на отсутствие эффекта явного внутреннего приятия группы сослуживцев своего подразделения как в достаточной степени значимой и референтной.

Анализ соотношения ценностных предикторов военно-ролевой идентичности с предикторами имитационной и неимитационной форм провоенной активности в детстве и отрочестве курсантов указывает на их одинаковую выраженность, а именно – до 31% ее вариаций обусловлено такими формами как чтение книг, просмотр фильмов и др. Также из полученных данных следует, что около 18% вариаций идентичности с военным подразделением прогнозируется провоенной активностью в процессе первичной социализации. Очевидно, в книгах и фильмах линия значимости воинского коллектива, братства усваивается будущим курсантом в достаточно значимой степени в романтизированных категориях, но при этом в имитационных формах активности (в виде патриотических акций) отрабатываются групповые совместные действия. Все это становится мощным фундаментом для идентификаций с военным подразделением.

Таким образом, можно сделать вывод, что вклад отдельных переменных, характеризующих неимитационную провоенную активность, в процессе первичной социализации курсантов значительно выше, нежели вклад имитационных форм активности. Это значит, что когнитивная деятельность и последующая рефлексия от увиденного и (или) прочитанного могут быть более значимым фактором для присвоения роли военного, нежели имитация данной роли в различных похожих формах. При этом и вклад ценностей сохранения (по Ш. Шварцу [196]) также превышает вклад ценностей самоутверждения и провоенной активности в процессе социализации. Из этого следует, что неимитационные формы активности способствуют более глубокому и рефлексивному индивидуальному включению личности будущего курсанта в военную сферу и роль военного, с учетом их самых разноплановых контекстов – исторических, политических, гражданственно-патриотических, эмоционально-оценочных, культурно-

ценностных и др.; а имитационные формы провоенной активности ориентированы в первую очередь на формирование и закрепление навыков и соотнесение разных социальных ролей в структуре личности.

Полученные данные согласуются с представлениями M. Sherif и C. W. Sherif [240], о социальном конформизме, в соответствии с которыми в данном исследовании было эмпирически установлено, что типология идентичности курсантов включает военный тип идентичности, характеризующийся более высокой выраженностью ценностей социального фокуса (по Ш. Шварцу [196]), что можно обозначить как «внутренний, искренний конформизм» (по M. Sherif и C. W. Sherif [240]), и гражданский тип идентичности, характеризующийся более высокой выраженностью ценностей личностного фокуса, что обозначается как «внешний, вынужденный конформизм» с идеалами военного сообщества.

Одновременно с этим, полученные результаты соотносятся с данными Т. Парсонса [138], Л. С. Выготского [46], Л. Хьелла и Д. Зиглера [209], Л. Б. Шнейдер [220] о значимости групповых ценностей, в соответствии с которыми было установлено, что нацеленность на обеспечение безопасности других является определяющей в ценностной системе курсантов, объясняет более трети вариаций военной идентичности и направляет их социальную активность на реализацию социально-значимых целей.

Подводя итог, необходимо сформулировать следующие выводы:

1. Структура взаимосвязей характеристик военной идентичности с ценностями курсантов в процессе социализации в военном вузе зависит от особенностей освоения роли военного на каждом из этапов социализации в военном вузе.

2. В процессе социализации курсантов в военном вузе более выраженными предикторами характеристик военной идентичности являются ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценности сохранения и самопреодоления), из которых наиболее значимой является нацеленность на обеспечение безопасности других (ценность «безопасность-общественная»).

В процессе социализации в военном вузе военная идентичность курсантов положительно обусловлена ценностями социального фокуса (ценностями сохранения и самопреодоления) и отрицательно обусловлена ценностями личностного фокуса (ценностями самоутверждения и открытости изменениям).

3. В процессе социализации в военном вузе выраженность ценностей отличается в зависимости от ранее выявленной типологии идентичности курсантов. У курсантов с военным типом идентичности сильнее выражены ценности сохранения, самопреодоления и открытости изменениям, и слабее выражены ценности самоутверждения, чем у курсантов с гражданским типом идентичности.

4. Кризисный этап социализации в военном вузе сопровождается ценностным кризисом курсантов, которые представлен снижением показателей ценностей.

5. Приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве в имитационных и неимитационных формах (чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов и телепередач, исполнение роли руководителя в играх, мечта о военной службе) опосредует связь ценностей самоутверждения и сохранения с военной идентичностью.

3.4. Удовлетворенность базовых потребностей как фактор военной идентичности

Потребности являются одним из основных факторов социальной активности личности, они определяют поведение личности. При этом сформированная идентичность отражает эффективность определенных психических процессов личности, связанных с удовлетворением потребностной сферы.

Во-первых, соотнесенность личности с той или иной социальной группой отражает удовлетворенность одной из наиболее значимых психологических потребностей личности – потребности в социальной принадлежности (теория самодетерминации R. M. Ryan и E. L. Deci [238], теория мотивации А. Маслоу [116], теория самоактуализации Д. А. Леонтьева [100]).

Во-вторых, условия, в которых социализируется личность, обуславливают формирование персональных границ и выстраивания социальных связей для эффективного взаимодействия личности с социальной реальностью, что активирует механизм социально-ролевой идентификации личности с группой, в результате чего наступает закрепление группового «Мы» в социальных группах. Как считают некоторые ученые, «социально-идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов и выступают механизмами формирования гражданского общества» (Р. М. Шамионов и Е. Е. Бочарова [217, с. 96]). Иными словами, процесс идентификации личности с группой выступает в качестве механизма социализации личности в обществе, в то время как сформированная идентичность является эффектом социализации личности. Из этого следует, что идентичность обусловлена социальной активностью личности. Ее отдельные формы призваны удовлетворять психологические потребности личности, что раскрывает соотношение идентичности и удовлетворенности потребностей личности.

Таким образом, связанность военной идентичности как одного из видов социальной идентичности личности, и потребностной сферы взаимообусловлена (Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина и М. И. Федоришин [120], С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина и В. И. Иванов [141], Р. М. Шамионов [219], А. К. Туртаев [189], Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина и М. И. Федоришин [120]), что позволяет рассматривать удовлетворенность базовых психологических потребностей личности в качестве социально-психологического фактора военной идентичности. Изучение данного аспекта в процессе социализации курсантов в военном вузе представляет научный интерес и, следовательно, должно быть подвержено анализу в рамках данного исследования. Полученные результаты позволят сформировать более полную и объективную картину военной социализации курсантов.

Для изучения взаимосвязей характеристик военной идентичности и удовлетворенности базовых психологических потребностей курсантов в процессе социализации в военном вузе применялся корреляционный двухсторонний анализ (табл. 14).

Таблица 14

Взаимосвязи военной идентичности и удовлетворенности базовых психологических потребностей курсантов

Этапы социализации и характеристики военной идентичности		Удовлетворенность базовых психологических потребностей			
		в автономии	в компетентности	в связанности с другими	в безопасности
Начальный	ВРИ	0,409**	0,416**	0,435**	0,367**
	ИВП	0,309**	0,337**	0,380**	0,181
Докризисный	ВРИ	0,433**	0,515**	0,459**	0,465**
	ИВП	0,280**	0,254*	0,375**	0,365**
Кризисный	ВРИ	0,500**	0,588**	0,475**	0,351**
	ИВП	0,420**	0,462**	0,470**	0,437**
Посткризисный	ВРИ	0,428**	0,478**	0,498**	0,392**
	ИВП	0,390**	0,458**	0,493**	0,303**
Предпрофессиональный	ВРИ	0,354**	0,549**	0,432**	0,393**
	ИВП	0,240*	0,456**	0,420**	0,373**

Примечание: приняты следующие обозначения: ** корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.); * корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.); военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП).

Из таблицы 14 видно, что становление характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов в военном вузе связано с удовлетворенностью базовых психологических потребностей в автономии, в компетентности, в связанности с другими и в безопасности. Однако значения корреляционных связей отличаются на каждом из этапов социализации курсантов в военном вузе.

Полученные данные свидетельствуют о том, что вовлечение курсантов в освоение роли военного отражается на переживании ими удовлетворенности базовых психологических потребностей. Из результатов видно, что военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением положительно сопряжены с удовлетворенностью базовых психологических потребностей курсантов в автономии, в компетентности и в связанности с другими на каждом из этапов социализации в военном вузе. В то же время значимые взаимосвязи характеристик военной идентичности с удовлетворенностью потребности в безопасности выявлены только на отдельных этапах социализации.

Эти данные дают возможность определить наиболее сильные корреляционные связи военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением с элементами потребностной сферы личности курсантов, и проанализировать их последовательные изменения на каждом из этапов социализации в военном вузе.

На начальном этапе социализации обе характеристики военной идентичности связаны с удовлетворенностью потребности курсантов в автономии, в компетентности и в связанности с другими, однако наиболее сильная связь установлена с военно-ролевой идентичностью. Это означает, что отождествление себя с ролью солдата сильнее связано с удовлетворенностью базовых психологических потребностей курсантов, нежели отождествление себя с группой сослуживцев. При этом наиболее

сильная связь военной идентичности выявлена с удовлетворенностью потребности в связанности с другими, а наименее сильная – с удовлетворенностью базовой потребности в автономии. Из этого следует, что на начальном этапе социализации в военном вузе результат отождествления себя как воина и представителя военного подразделения имеет более сильную связь с эффектом компенсации стремления курсантов к установлению надежных отношений с сослуживцами, основанных на взаимной принадлежности и привязанности, и менее сильную – с эффектом компенсации желания быть инициатором собственных действий и чувствовать себя эффективным. Это означает, что в этот период потребность быть включенным в группу сильнее связана с военной идентичностью курсантов, чем необходимость в индивидуализации и достижении высоких результатов.

Взаимосвязи характеристик военной идентичности с удовлетворенностью базовой психологической потребности курсантов в безопасности на начальном этапе социализации в военном вузе демонстрируют наличие значимой корреляции с военно-ролевой идентичностью. Это означает, что переживание чувства собственной физической и психологической защищенности связано с включенностью курсантов в военную сферу и не связано с принадлежностью к военному подразделению.

На докризисном этапе социализации курсантов в военном вузе характеристики военной идентичности связаны с удовлетворенностью всех базовых психологических потребностей, однако, в сравнении с предыдущим этапом, значение этих взаимосвязей отличается. Так, связанность военно-ролевой идентичности с удовлетворенностью потребностей в автономии, в компетентности и в связанности с другими, имеет более выраженный характер на докризисном этапе социализации, чем на начальном. Кроме того, наиболее сильная связь прослеживается с компенсацией потребности в компетентности, в том время как на предыдущем – потребности в

связанности с другими. Это означает, что включение курсантов в военно-служебную деятельность более сильно связано с реализацией стремления быть эффективным в роли военного специалиста и достигать значимых результатов. В свою очередь идентичность с военным подразделением демонстрирует менее сильную взаимосвязь с удовлетворенностью базовых психологических потребностей, в сравнении с предыдущим этапом социализации. При этом, если связанность идентичности с военным подразделением и удовлетворенности потребности в связанности с другими практически не изменилась (0,375** и 0,380** на докризисном и кризисном этапах социализации соответственно), то наименее значимая связь выявлена с удовлетворенностью потребности в компетентности. Это означает, что процесс отождествления себя с группой сослуживцев более сильно выражается у курсантов именно через реализацию стремления быть частью подразделения как целого, и менее сильно – с удовлетворением желания чувствовать себя компетентным.

Кроме того, на докризисном этапе социализации в военном вузе характеристики военной идентичности демонстрируют более сильную связь с удовлетворенностью потребности в безопасности, в сравнении с предыдущим этапом. Результаты свидетельствуют о том, что отождествление себя с ролью военного более значимо связано с переживанием курсантами состояния защищенности и стабильности, чем осознание себя членом группы сослуживцев. Стоит обратить внимание на значимость корреляций характеристик военной идентичности и удовлетворенности потребностей в связанности с другими и в безопасности – различия между ними довольно не существенны. Это свидетельствует о том, что включенность курсантов в военную среду на этом этапе социализации в равной степени значимо связана со стремлением быть частью группы и чувствовать себя защищенным.

Взаимосвязи характеристик военной идентичности с удовлетворенностью базовых психологических потребностей на кризисном этапе характеризуются как одни из самых высоких значений в процессе всей

социализации курсантов в военном вузе. Наиболее выраженный данный эффект в связях военной идентичности с потребностью в автономии и в компетентности (значения корреляций на кризисном этапе социализации являются наивысшими, в сравнении с другими этапами), и менее выраженный – в связях с потребностью в связанности с другими (значимость корреляций на кризисном этапе социализации уступает только значениям на посткризисном этапе). При этом значение указанных корреляций более высокое в сравнении с докризисным этапом, что свидетельствует об усилении тенденций предыдущего этапа социализации. Иными словами, включенность курсантов в военную сферу и принадлежность к военному подразделению связаны с внутренней мотивацией в поведении курсантов и наличием высокой самооценки, обусловленной удовлетворенностью от совершенного выбора роли военного (формирование автономной каузальной ориентации, по R. M. Ryan и E. L. Deci [238]). Кризисность данного этапа обнаруживается в изменении содержания ожидаемого образа себя будущего уже как офицера, что выражается в наиболее сильной связи военной идентичности с потребностью в компетентности, и, по всей видимости, сопряжено с сильными преобразованиями в структуре идентичности и ценностной системе курсантов.

В свою очередь, изменения структуры взаимосвязей военной идентичности и удовлетворенности потребности в безопасности более значительны. Так, в сравнении с предыдущим этапом, связанность удовлетворенности потребности в безопасности с военно-ролевой идентичностью менее значима, чем с идентичностью с военным подразделением. Это означает, что потребность курсантов чувствовать себя защищенным на данном этапе более значимо связана с принадлежностью к группе товарищей, чем с их включенностью в военную сферу. Кроме того, сравнение связей характеристик военной идентичности со всеми исследуемыми потребностями на кризисном этапе социализации в военном вузе показывают, что удовлетворенность потребности в безопасности на

данном этапе демонстрирует наименее значимую связь, что может свидетельствовать о ее некоторой фрустрации и ослаблении связей с включенностью курсантов в военную среду.

Посткризисный этап характеризуется наибольшим количеством взаимосвязей военной идентичности и удовлетворенности потребностной сферы курсантов в процессе всей социализации в военном вузе, однако структура этих взаимосвязей претерпевает качественные изменения. Так, несмотря на факт связанности военной идентичности с удовлетворенностью всех базовых психологических потребностей, из результатов видно, что наивысшие значения корреляций военной-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением достигаются именно на данном этапе. Из этого следует, что усиление идентификаций с ролью военного и с военным подразделением связано с реализацией потребности в установлении надежных отношений с сослуживцами. Иными словами, внутренние переживания, связанные с последовательным погружением курсантов в военную сферу сказываются на усилении тенденции к сплочению подразделения и укреплению чувства сопричастности с ним.

Связанность характеристик военной идентичности с удовлетворенностью потребности в безопасности также изменяется. На данном этапе наибольшую связанность демонстрирует военно-ролевая идентичность, в то время как на предыдущем этапе – идентичность с военным подразделением. Это означает, что принадлежность курсантов к подразделению не так сильно связана с переживанием чувства защищенности. Кроме того, из результатов видно, что в данный период в общей структуре потребностной сферы характеристики военной идентичности слабее всего связаны с удовлетворенностью потребности в безопасности. Это означает, что после преодоление кризисного этапа отождествление с ролью военного и группой сослуживцев сопровождается снижением связи с чувством защищенности, с одновременным повышением значимости восприятия себя как профессионала.

На предпрофессиональном этапе социализации значения связей военной идентичности с удовлетворенностью базовых психологических потребностей, в целом, снижаются. В сравнении с посткризисным этапом, повышается связанность военной-ролевой идентичности с удовлетворенностью потребности в компетентности. Одновременно с этим, на прежнем уровне остается их связанность с идентичностью с военным подразделением. Стоит обратить внимание, что структура и динамика данных корреляций схожа с кризисным этапом социализации, при этом значения корреляций военной идентичности с удовлетворенностью потребностей в автономии и в связанности с другими снижаются. Данные факты не только свидетельствуют о завершенности процесса включения курсантов в роль офицера, но и указывают на изменение их внутреннего отношения к предъявляемым к ним требованиями уже как к офицерам.

Объяснение данного феномена содержится в теории самодетерминации R. M. Ryan и E. L. Deci [238], как изменение казуальной ориентации с автономной (внутренней) на внешнюю. В завершающий период социализации в военном вузе наибольшую значимость для курсантов играет эффект от восприятия их окружающими как действительно офицеров. В то же время связанность обеих характеристик военной идентичности с удовлетворенностью потребности в безопасности остается на достаточно высоком уровне. Это означает, что военно-ролевая идентификация будущих офицеров связана с необходимостью переживания чувства стабильности и принятием более жестких требований к поведению курсантов.

Таким образом, результаты корреляционного анализа военной идентичности с потребностной сферой личности курсантов демонстрируют, что структура указанных взаимосвязей претерпевает значимые изменения на каждом из этапов социализации. Динамика этих изменений отражает важность особенностей социализации не только на этапе включения респондентов в освоение ролей курсанта и офицера, но и удовлетворенности базовых психологических потребностей. Для того, чтобы определить силу

эффектов данных взаимосвязей, был применен регрессионный анализ (табл. 15).

Таблица 15

Регрессионный анализ роли военной идентичности в удовлетворенности базовых психологических потребностей курсантов

Этапы социализации, военная идентичность, данные о размере эффекта и значимости модели		Удовлетворенность базовых психологических потребностей			
		в автономии	в компетентности	в связанности с другими	в безопасности
Начальный	R^2	0,17	0,17	0,19	0,13
	F	19,72*	20,54*	22,90*	15,21*
	ВРИ	β=0,41	β=0,42	β=0,44	β=0,37
	ИВП	-	-	-	-
Докризисный	R^2	0,19	0,27	0,21	0,22
	F	22,63*	35,46*	26,13*	26,97*
	ВРИ	β=0,43	β=0,52	β=0,46	β=0,47
	ИВП	-	-	-	-
Кризисный	R^2	0,25	0,35	0,29	0,19
	F	32,68*	51,70*	19,45*	23,08*
	ВРИ	β=0,50	β=0,59	β=0,31	-
	ИВП	-	-	β=0,30	β=0,44
Посткризисный	R^2	0,18	0,27	0,30	0,15
	F	21,92*	17,62*	20,56*	17,80*
	ВРИ	β=0,43	β=0,31	β=0,31	β=0,39
	ИВП	-	β=0,26	β=0,29	-
Предпрофессиональный	R^2	0,13	0,33	0,23	0,19
	F	14,07*	24,23*	14,67*	11,25*
	ВРИ	β=0,35	β=0,43	β=0,29	β=0,27
	ИВП	-	β=0,22	β=0,26	β=0,22

Примечание: приняты следующие обозначения: * значимость $p<0,001$; коэффициент объясненной дисперсии регрессионной модели (R^2); критерий Фишера (F); стандаризованный β-коэффициент регрессионной модели (β); военно-ролевая идентичность (ВРИ); идентичность с военным подразделением (ИВП).

При построении регрессионных моделей зависимым предиктором стало значение удовлетворенности базовых психологических потребностей в автономии, в компетентности, в связанности с другими и в безопасности, а независимыми предикторами стали военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением. Для всех полученных регрессионных моделей критерий автокорреляции Дурбина-Уотсона в

пределах от 1,5 до 2,5, при $p<0,05$, что свидетельствует о необходимой достоверности полученных результатов.

Из результатов в таблице 15 видно, что на начальном этапе социализации состояние удовлетворенности исследуемых потребностей обусловлено только влиянием военно-ролевой идентичности, в то время как идентичность с военным подразделением не оказывает значимого влияния на это состояние. Так, до 17% вариаций удовлетворенности потребности в автономии и в компетентности, до 19% вариаций – потребности в связанности с другими, до 13% вариаций – потребности в безопасности, обусловлены военно-ролевой идентичностью. Это означает, что принадлежность к роли военного для первокурсников оказывает влияние на стремление быть инициаторами своих действий, достигать значимых результатов в процессе начальной социализации и чувствовать свою коллективную (а не персональную) вовлеченность в освоение роли солдата, во взаимодействии с окружающими. Кроме того, военно-ролевая идентичность также вносит значимый вклад в переживание респондентами состояния психологической и физической защищенности. В свою очередь, принадлежность к военному подразделению не оказывает какого-либо значимого влияния на удовлетворенность исследуемых потребностей. Одновременно с этим видно, что военно-ролевая идентичность является наиболее выраженным предиктором удовлетворенности потребности в связанности с другими ($\beta=0,44$). Из этого следует, что на начальном этапе социализации в военном вузе именно отождествление курсантов с военной сферой выступает наиболее значимым фактором удовлетворенности стремления к установлению надежных отношений с окружающими, сформированных на основе чувства привязанности.

На докризисном этапе социализации до 19% вариаций удовлетворенности потребности в автономии, до 27% вариаций – потребности в компетентности, до 21% вариаций – потребности в связанности с другими, до 22% вариаций – потребности в безопасности,

обусловлены военно-ролевой идентичностью. При этом вклад идентичности с военным подразделением в удовлетворенность исследуемых потребностей, как и на первоначальном этапе социализации, не установлен, в то время как вклад военно-ролевой идентичности – становится более значимым. Из результатов видно, что эффект влияния принадлежности с военной сфере на реализацию стремления курсантов самостоятельно контролировать свое поведение и на чувство привязанности к окружающим хоть и отличается в сторону увеличения от схожих показателей на предыдущем этапе социализации, однако эти изменения менее выражены, чем влияние на реализацию стремления быть эффективным и достигать определенных результатов. Из этого следует, что на данном этапе вклад военно-ролевой идентичности в удовлетворенность всех элементов потребностной сферы курсантов более значим, в сравнении с предыдущим этапом, при этом наиболее выраженное влияние оказывается на потребность в компетентности (β=0,52).

Результаты регрессионного анализа на кризисном этапе социализации демонстрируют значимость внутренних изменений, происходящих в структуре предикции удовлетворенности потребностной сферы курсантов. Из таблицы 15 видно, что показатели вариаций удовлетворенности исследуемых потребностей являются наивысшими за весь период социализации в военном вузе (за исключением незначительного повышения вариаций удовлетворенности потребности в связанности с другими на посткризисном этапе социализации). Так, до 25% вариаций удовлетворенности потребности в автономии, до 35% вариаций – потребности в компетентности и до 19% вариаций – потребности в безопасности, обусловлены военно-ролевой идентичностью курсантов, в то время как до 29% вариаций удовлетворенности потребности в связанности с другими обусловлено и военно-ролевой идентичностью, и идентичностью с военным подразделением. Полученные результаты означают, что именно на данном этапе происходят ключевые изменения в структуре идентичности

курсантов, связанные с процессом включения в освоение роли офицера, что наиболее значимо проявляется в реализации стремления быть эффективным и компетентным (β=0,59 для военно-ролевой идентичности).

Необходимо отметить, что на данном этапе впервые фиксируется включенность идентичности с военным подразделением как предиктора, в регрессионные модели. Так, отождествление курсантов с группой сослуживцев является менее выраженным предиктором удовлетворенности потребности в связанности с другими (β=0,30) и более выраженным предиктором – потребности в безопасности (β=0,44). Это означает, что на данном этапе идентичность с военным подразделением является одним из факторов стремления к установлению надежных и доверительных отношений с сослуживцами, и основным фактором чувства стабильности и реализации стремления проявлять свою волю в определенных ситуациях.

Таким образом, значимость внутренних изменений на данном этапе проявляется в наиболее выраженном влиянии характеристик военной идентичности на элементы потребностной сферы в процессе всей социализации курсантов в военном вузе. Кроме того, при одновременном включении военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением в регрессионные модели, последняя выступает в качестве менее выраженного предиктора, что установлено также и на следующих этапах социализации курсантов в военном вузе.

На посткризисном этапе социализации вариации удовлетворенности исследуемых потребностей снижаются, сохраняя тенденции, выявленные на докризисном этапе. Так, до 18% вариаций удовлетворенности потребности в автономии и до 15% вариаций – потребности в безопасности, объясняются военно-ролевой идентичностью, а до 27% вариаций удовлетворенности потребности в компетентности и до 30% вариаций – потребности в связанности с другими, объясняются и военно-ролевой идентичностью, и идентичностью с военным подразделением. Из результатов видно, что на данном этапе социализации наибольшую обусловленность отождествлением

курсантов с военной средой и с группой сослуживцев имеет реализация стремления быть эффективным в освоении роли офицера и необходимость в установлении надежных связей с окружающими. Также стоит обратить внимание и на тот факт, что на данном этапе социализации, в сравнении с предыдущими этапами, идентичность с военным подразделением впервые включена в регрессионную модель потребности в компетентности. Это означает, что не только включение в роль офицера, но и восприятие себя как члена военного подразделения, оказывает значимое влияние на реализацию желания обрести значимые профессионально-ориентированные изменения.

Регрессионные модели удовлетворенности потребностей в безопасности также претерпевают значимые изменения, в сравнении с предыдущими этапами социализации. Из данных в таблице 15 видно, что на посткризисном этапе важное значение для будущих офицеров для удовлетворения потребности в стабильности оказывает осознание собственной профессиональной принадлежности, в то время как отождествление себя с группой сослуживцев не оказывает такого влияния. Кроме того, необходимо сравнить вклад каждой независимой переменной в удовлетворенность потребностной сферы курсантов. Так, военно-ролевая идентичность не только выступает более выраженным предиктором в сравнении с идентичностью с военным подразделением, но и является наиболее выраженным предиктором удовлетворенности потребностей в автономии и в безопасности (β=0,43 и β=0,39 соответственно). Иными словами, на данном этапе включенность курсантов в роль военного определяет стремление воспринимать себя как источник реализуемой активности, и переживать состояние стабильности и защищенности.

На предпрофессиональном этапе социализации в военном вузе роль характеристик военной идентичности в удовлетворенности базовых психологических потребностей демонстрирует некоторую схожесть с результатами, полученными на кризисном и посткризисном этапах, что является следствием эффекта переломности в военно-профессиональном

восприятии курсантов. Так, если до 13% вариаций удовлетворенности потребности в автономии объясняются военно-ролевой идентичностью, то до 33% вариаций удовлетворенности потребности в компетентности, до 23% вариаций – потребности в связанности с другими и до 19% вариаций – потребности в безопасности, обусловлены и военно-ролевой идентичностью, и идентичностью с военным подразделением. Из результатов видно, что в регрессионных моделях и на кризисном, и на предпрофессиональном этапах социализации выступают одни и те же зависимые переменные, при этом в качестве независимых переменных, как на посткризисном этапе, выступают и обе характеристики военной идентичности.

Это означает, что военно-ролевые идентификации оказывают наиболее значимое воздействие именно на удовлетворенность стремления добиваться значимых результатов и быть эффективным. В этом, на наш взгляд, и заключается значимость данного этапа для военной социализации выпускников – в максимальной вовлеченности и наиболее глубоком погружении в освоение роли офицера и командира взвода. Следствием данного процесса является столь выраженная приоритетность удовлетворенности потребности в компетентности, в сравнении с потребностями в автономии и в связанности с другими, за весь период социализации в военном вузе, что также проявляется в наиболее значимом вкладе военно-ролевой идентичности, в сравнении с остальными потребностями на данном этапе (β=0,43).

В свою очередь, обусловленность удовлетворенности базовой потребности в безопасности отличается от результатов, полученных на всех предыдущих этапах социализации. Из результатов видно, что отождествление с военной сферой и с группой сослуживцев вносит наибольший вклад в реализацию потребности чувствовать стабильность и защищенность. Данный факт статистически также объясняется значимостью для выпускников потребности в компетентности – значение корреляций удовлетворенности потребности в компетентности с потребностью в

безопасности является наивысшим и составляет 0,592, при p<0,01. Полученные результаты дополняют данные из исследования И. В. Усачевой и И. А. Паршутина [193], где профессиональная идентичность курсантов-выпускников на завершающем этапе социализации в военном вузе определяется стремлением к удовлетворению потребности в достижении сложных целей и ожидании успеха в процессе освоения профессии. Иными словами, восприятие себя как офицера на этапе завершения социализации в военном вузе направляет социально-ролевую активность выпускников на реализацию потребности быть компетентным и подготовленным в профессиональном плане, что, свою очередь, отражается и на переживании ими состояния стабильности.

Кроме того, из полученных данных также видно, что кризисный этап социализации в военном вузе сопровождается отрицательной динамикой всех исследуемых показателей удовлетворенности потребностной сферы курсантов (Приложение 3). Так, на данном этапе наблюдается снижение удовлетворенности базовых потребностей курсантов в автономии, в компетентности, в связанности с другими, в безопасности. Полученные данные дополняют информацию о кризисности данного этапа социализации в военном вузе и значимости внутренних изменений курсантов.

Кроме того, наши результаты пересекаются с позицией С. Б. Перевозкина, Ю. М. Перевозкиной и В. И. Иванова [141]. Так, авторами отмечается, что стресс как переживание состояния неопределенности, который курсанты испытывают в середине процесса социализации в военном вузе (на 3 курсе обучения), также связан с фрустрацией базовых психологических потребностей. Иными словами, кризис идентичности курсантов сопровождается чувством утраты смыслов, состоянием неудовлетворенности потребностной сферы и неустойчивости курсантов к фрустрации.

Одновременно с этим, необходимо более подробно остановиться на анализе гетерохронной динамики идентичности с военным подразделением в

процессе социализации курсантов в военном вузе (рис. 3), и ее вклада в удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов. Из результатов видно, что наличие идентичности с военным подразделением как предиктора, в регрессионных моделях установлено на кризисном, посткризисном и предпрофессиональном этапах социализации курсантов в военном вузе, и соотносится с ее отрицательной динамикой на данных этапах. Это может означать, что переживание принадлежности к референтной группе сослуживцев приобретает особую значимость для компенсации психологических потребностей в компетентности, в связанности с другими и в безопасности при наступлении кризиса социализации курсантов в военном вузе (β=0,44 для потребности в безопасности, β=0,30 для потребности в связанности с другими), после преодоления которого ее значимость снижается (β=0,29 для потребности в связанности с другими и β=0,26 для потребности в компетентности на посткризисном этапе, β=0,26 для потребности в связанности с другими и β=0,22 для потребностей в компетентности и в безопасности). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что идентичность с военным подразделением не является предиктором удовлетворенности потребности в автономии. Это означает, что принадлежность к группе сослуживцев не оказывает влияния на необходимость быть инициатором своих действий.

Также вклад идентичности с военным подразделением в удовлетворенность базовых психологических потребностей менее выраженный, в сравнении с военно-ролевой идентичностью, что, на наш взгляд, вполне объяснимо. Так, из путевого анализа на рис. 4 видно, что среди исследуемых показателей идентичности курсантов именно военно-ролевая идентичность вносит наибольший суммарный вклад в идентификацию курсантов с военным подразделением, что, в свою очередь, отражается на ее меньшей значимости для удовлетворенности базовых психологических потребностей. Исключением из этого является вклад идентичности с военным подразделением в удовлетворенность базовой

потребности в безопасности на кризисном этапе социализации курсантов в военном вузе. Из результатов видно, что в данной регрессионной модели идентичность с военным подразделением не только является единственным предиктором, но и обладает наибольшей выраженностью. Иными словами, именно на кризисном этапе социализации курсантов в военном вузе переживание принадлежности к сослуживцам и сплоченность воинского коллектива являются факторами, определяющими компенсацию состояния защищенности и безопасности.

Полученные данные согласуются с представлениями R. M. Ryan и E. L. Deci [238], А. Маслоу [116] и Д. А. Леонтьева [100], в соответствии с которыми включенность курсантов в военную сферу и их принадлежность к военному подразделению связаны с внутренней мотивацией в поведении курсантов и наличием высокой самооценки, обусловленной удовлетворенностью от совершенного выбора роли военного, что представлено наибольшей выраженностью удовлетворенности базовой психологической потребности в компетентности.

Таким образом, обобщая результаты корреляционного и регрессионного анализа характеристик военной идентичности и удовлетворенности потребностной сферы курсантов в процессе социализац в военном вузе, можно сделать следующие выводы.

1. Эффекты военной идентичности на удовлетворенность базовых потребностей курсантов доказывают их весомую значимость для психологического благополучия.

2. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности и связанности с другими объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

3. Удовлетворенность базовой психологической потребности курсантов в автономии объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности.

4. Удовлетворенность базовой психологической потребности курсантов в безопасности объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

5. Кризисный этап социализации курсантов в военном вузе сопровождается снижением субъективного психологического благополучия, характеризующегося отрицательной динамикой показателей удовлетворенности базовых психологических потребностей курсантов в автономии, в компетентности, в связанности с другими, в безопасности.

3.5. Рекомендации по социально-психологическому сопровождению становления военной идентичности

Анализ полученных результатов демонстрирует многогранность феномена становления характеристик военной идентичности в процессе социализации курсантов. По результатам исследования установлено, что значимый вклад в эффективность данного процесса вносят условия, в которых социализируется курсант до момента поступления в военный вуз и процессе социализации в нем, именуемых как факторы социализации. Из результатов видно, что изменение условий социализации, по мере включения курсантов в военную среду, не только оказывает значимое влияние на изменение характеристик военной идентичности, но и способствует существенной трансформации их ценностной системы, связанной с последовательным освоением роли военного.

В соответствии с концепцией социальной идентичности Э. Эриксона [222], становление идентичности есть процесс отражения и наблюдения, протекающий одновременно на всех уровнях психической активности личности. Иными словами, личность оценивает себя, в первую очередь, с позиции того, как окружающие, по ее мнению, оценивают ее в сравнении с собой в рамках значимых для них социальных ориентиров. Проводя параллель с полученными результатами исследования военной идентичности, становится видно, что процесс отождествления с военной сферой направлен, в первую очередь, на самого курсанта, однако критериями его завершенности и эффективности выступают социальные суждения значимых окружающих – родителей, учителей, друзей на этапе первичной социализации, сержантов, офицеров, преподавателей на этапе социализации в военном вузе.

В этом прослеживается один из ключевых эффектов социализации, обозначенный Д. Майерсом [109] и в полной мере применимый к военной организации – военная идентичность конструируется социально, в процессе

взаимодействия личности с окружающей социальной средой и под влиянием мнения окружающих. Как утверждалось С. Л. Рубинштейном [163], фактором, определяющим развитие личности, ее сознания и самосознания является их социальная обусловленность, при этом источник этого лежит в развивающейся самостоятельности личности. Данный эффект в условиях военной социализации проявляется в трансформации отношений личности курсанта с окружающим военным социумом, а его результатом является становление характеристик военной идентичности.

Также необходимо рассмотреть результат военной социализации курсантов с позиции формирования ценностей, определяющих становление их военной идентичности. Как уже обращалось внимание, ценностный элемент является одним из основных в структуре военной идентичности. Данный факт не только позволяет рассматривать военную идентичность в качестве эффекта военной социализации и осваивания воинских ценностей, но и означает, что направленное социально-психологическое воздействие на формирование той или иной значимой ценности будет способствовать становлению военной идентичности и росту эффективности социализации.

Об этом свидетельствует тот факт, что формирование данных ценностей протекает посредством интериоризации, или, как утверждается С. Л. Рубинштейном [163], формирование ценностей является результатом преобразования внешней деятельности личности в особенный психический конструкт ее внутреннего плана. Иначе говоря, процесс преобразования внешних ценностей организации (военного подразделения) есть эффект их внутреннего приятия личностью как личных ценностей, в процессе военной социализации. Схожий смысл данного явления прослеживается в более простой интерпретации Д. Майерса [109] о том, что многократное поведение личности, реализуемое в социуме, формирует ее внутренние установки.

Таким образом, опираясь на данные, полученные в процессе исследования, обоснованным будет утверждать, что значимый эффект для становления личности будущих офицеров будет оказывать деятельность по

социально-психологическому сопровождению становления их военной идентичности в процессе их социализации в военном вузе. Кроме того, необходимо учитывать эффекты прямого и опосредованного влияния личностной сферы на военную сферу курсантов (рис. 4), в связи с чем необходимо направить мероприятия социально-психологического сопровождения на проведение саморефлексии, своевременное выявление и разрешение внутриличностных конфликтов, оказание помощи в формировании и принятии нового Я-образа, соответствующего уровню профессионального и личностного роста, понимании и принятии своей роли в гражданском обществе как военного специалиста.

В соответствие с концепцией социальной идентичности Э. Эриксона [222], теорией самокатегоризации Д. Тернера [187], теорией личности С. Л. Рубинштейна [163], учением о высших психологических процессах Л. С. Выготского [46], предлагается комплекс рекомендаций по социально-психологическому сопровождению процесса социализации курсантов в военном вузе и становлению их военной идентичности в результате этого.

1. Военно-политическим органам и психологам рекомендуется обратить внимание на изучение факторов первичной социализации, оказывающих влияние на становление военной идентичности кандидатов, желающих поступить в военный вуз. Применение разработанного авторского опросника «Оценка приверженности личности к провоенным формам активности в детском и подростковом возрасте» позволит оценить значимость данных факторов, а также прогнозировать характеристики военной идентичности будущих курсантов в процессе социализации в военном вузе.

2. Организаторам образовательного процесса целесообразно предусмотреть проведение войсковых стажировок на каждом из этапов социализации в военном институте. Следствием этого станет более эффективное, глубокое, непрерывное и последовательное вовлечение курсантов в освоение различных инстанций роли военного.

3. Профессорско-преподавательскому составу на занятиях предлагается обеспечить возможность проведения курсантами рефлексии о процессе освоения учебной программы по изучаемой дисциплине, а также обмена усвоенным опытом с сослуживцами и преподавателями в процессе рефлексии. Реализация данной меры будет способствовать укреплению характеристик военной идентичности курсантов и компенсации одной из ключевых базовых психологических потребностей в компетентности.

4. Руководителям курсантских коллективов как центральному звену в социально-психологическом сопровождении социализации курсантов, рекомендуется направлять процесс становления ценностной структуры военной идентичности, путем реализации комплекса мер:

4.1. Целесообразно формировать у курсантов модель правильного поведения в отношении к сущности роли военного, в том числе – посредством демонстрации личного положительного отношения к военной службе, как одной из основных имитационных форм военной активности.

4.2. Рекомендуется организовать многократную реализацию установок, имеющих значимость для военной службы и способствующих укреплению значимых ценностей, таких как: патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений и др. По мнению многих ученых (С. Б. Перевозкин и Ю. М. Перевозкина [140], А. К. Туртаев [189], В. Н. Лымарев [106], П. А. Камбалина [74], А. В. Кушнирук [97], Н. Л. Иванова и Г. Б. Мазилова [70]), а также на основе результатов данного исследования, эти личностные характеристики составляют значимую часть образа военного для курсантов, в связи с чем их формирование будет способствовать становлению характеристик военной и, в том числе – гражданской, идентичности будущих офицеров.

4.3. Стоит практиковать системную воспитательную деятельность по разъяснению курсантам сущности воинских ценностей, правил и норм

поведения, традиций, обычаев, символов и ритуалов, освещение военной истории России, истории образования войск и образовательного учреждения.

4.4. Предлагается организовать внедрение системы наставничества в подразделениях курсантов, ориентированной на становления правильного отношения к социально-ролевой множественности. Курсант в процессе социализации в военном вузе сталкивается с необходимостью одновременного освоения роли обучаемого, подчиненного, руководителя и сослуживца, что можно обозначить как эффект ролевого смешения. Как отмечалось Э. Эриксоном [222], эффектом ролевого смешения является кризис идентичности, представленный через необходимость выбора между способами решения возрастных, ситуативных и социальных задач личностного развития. В этом случае наставничество необходимо рассматривать как форму трансляции авторитетного мнения и воинских ценностей, а также как способ формирования необходимых поведенческих паттернов. К участию в наставничестве рекомендуется привлекать не только положительно себя зарекомендовавших курсантов одного этапа социализации, но и курсантов, завершающих социализацию в военном вузе, а также командиров, преподавателей и ветеранов. Реализация данной меры будет способствовать укреплению идентичности с военным подразделением и удовлетворению потребности в связанности с другими.

В рамках социально-психологического сопровождения также целесообразно проводить встречи с офицерами и ветеранами-участниками боевых действий; демонстрацию документальных и художественных фильмов на военную тематику с последующим групповым обсуждением, а также презентационных роликов о результатах выполнения служебно-боевых задач самими курсантами; проведение групповых встреч с лекторами Российского общества «Знание» по темам, направленным на укрепление традиционных российских ценностей и сохранение исторической памяти, из программы «Смысловые линии»; посещение музеев, тематических

экспозиций и исторических мест; непосредственное участие курсантов в памятных акциях, посвященных памятным датам и Дням воинской славы.

Также необходимо подчеркнуть, что обязательным условием данных мероприятий должно стать формирование соответствующего эмоционального отношения курсантов к содержанию проводимых мероприятий. Так, участие курсантов в них рекомендуется сопровождать возможностью обмена мнениями и выражением личных переживаний, что будет способствовать внутреннему принятию воинских ценностей курсантами и, тем самым, становлению военной идентичности в процессе этого.

Кроме того, как видно из полученных социально-демографических данных, характеризующих выборку исследования, профессиональный выбор курсантов обусловлен, в первую очередь, социально-экономическими факторами, а не мотивационно-идеологическими. Из результатов исследования видно, что наиболее сильное влияние на желание поступить в военный вуз для большинства курсантов оказало ожидаемое материальное благополучие, а не действительное желание освоить роль военного. Одновременно с этим, также принимая во внимание отрицательную динамику абсолютных показателей военной идентичности (табл. 3) и положительную динамику количества курсантов с гражданским типом идентичности (табл. 7) на каждом этапе социализации курсантов в военном вузе, необходимо подчеркнуть, что проблема повышения эффективности военной социализации курсантов носит более глубокий характер. Так, если в процессе первичной социализации до момента поступления курсантов в военный вуз реализуемая провоенная активность оказала сильное влияние на все исследуемые характеристики идентичности, то уже в процессе социализации в военном вузе под влиянием некоторых мотивационных и экономических факторов происходит снижение не только вовлеченности курсантов в военную среду, но и всех исследуемых показателей идентичности. Поиск и определение данных факторов может стать

предметом будущих исследований, направленных на повышение эффективности военной социализации курсантов в среде военного вуза, а полученные данные обеспечат возможность и обоснованность принятия необходимых мер для модернизации системы военного образования будущих офицеров.

Своевременная реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности социализации курсантов в военном вузе и становлению ключевых характеристик военной идентичности, а их совокупный социально-психологический эффект внесет значимый вклад в развитие личности будущих офицеров и направление будущей социально-ролевой активности уже в командирских должностях.

Выводы по главе 3

Полученные в процессе эмпирического исследования результаты свидетельствуют о том, что военная идентичность является сложным социально-психологическим конструктом. Характеристики военной идентичности как структурные компоненты данного явления, подвержены качественным и количественным изменениям в процессе социализации курсантов, как в период до поступления в военный вуз, так и в процессе обучения в нем. При этом динамика их изменений оказывает влияние и на отождествленность курсантов с военной службой в целом, и на их соотнесенность с воинским коллективом (подразделением, в котором происходит их социализация в военном вузе) в частности.

Из результатов видно, что становление личности будущего офицера есть многофакторный последовательный процесс военной социализации, в котором определяющую роль на ранних этапах социализации оказывают определенные первичные референтные социальные группы (семья, школа) (по Ч. Х. Кули [96]), а затем – воинский коллектив, в условиях которого происходит социализация курсанта в военном вузе. Именно влияние референтной социальной группы является значимым фактором, без эффектов которого невозможна устойчивость и завершенность военной идентичности, что подчеркивает социальную обусловленность данного феномена.

Таким образом, обобщая полученные результаты, необходимо сделать ряд выводов.

1. Военная идентичность как сложный социально-психологический феномен, включает в себя несколько характеристик: военно-ролевую идентичность, отражающую включенность личности в военную сферу, и идентичность с военным подразделением, отражающую принадлежность к группе военнослужащих. Становление военной идентичности как одного из видов социальной идентичности курсантов, протекает непрерывно в процессе военной социализации личности, начинающейся задолго до

момента поступления в военный вуз в условиях первичной социализации и затем продолжающейся в социальной среде в военном вузе.

Военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением являются результатом прямых и косвенных эффектов социальной, гражданской, религиозной и личностной идентичности курсантов. Наибольшим суммарным эффектом на характеристики военной идентичности обладает социальная и гражданская идентичность курсантов. Военно-ролевая идентичность вносит наибольший суммарный вклад в идентичность курсантов с военным подразделением.

В процессе социализации в военном вузе в структуре идентичности курсантов одни характеристики являются стабильными (гражданская и религиозная идентичность), другие характеристики изменяются гетерохронно (идентичность с военным подразделением, военно-ролевая, личностная и социальная идентичность). В процессе социализации курсантов в военном вузе их военно-ролевая идентичность снижается, идентичность с военным подразделением сначала возрастает, затем снижается. На кризисном этапе социализации курсантов разнонаправленная динамика военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением образует кризис (противофазу показателей), после чего показатели стабилизируются. Кризис идентичности сопровождается переживанием ценностного кризиса и снижением субъективного психологического благополучия курсантов.

Выявлена типология идентичности курсантов, включающая *военный тип идентичности*, характеризующийся высокими показателями военной, гражданской, социальной, личностной идентичности, умеренными показателями религиозной идентичности и отрицательной динамикой в процессе социализации в военном вузе, и *гражданский тип идентичности курсантов,* характеризующийся высокими показателями гражданской идентичности, умеренными показателями военной, социальной, личностной идентичности, низкими показателями религиозной идентичности и положительной динамикой в процессе социализации в военном вузе.

2. Провоенная активность в процессе первичной социализации курсантов выступает значимым фактором становления характеристик их идентичности. Приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве, в имитационных (подражание роли военного в играх, участие в патриотических акциях) и неимитационных формах (просмотр военных телепередач, просмотр и обсуждение военных фильмов с одноклассниками, чтение военных книг, мечта о военной карьере), определяет вариации социальной, военной, гражданской, личностной и религиозной идентичности.

Наиболее выраженными предикторами военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением является приверженность курсантов к участию в патриотических акциях, просмотру и обсуждению военных фильмов с одноклассниками, чтению книг с военным сюжетом.

Наименее выраженными предикторами являются имитационные формы цифровой игровой активности курсантов, представленные их участием в играх с военным сюжетом на смартфоне, в РПГ-играх на компьютере, в командных военно-ролевых играх.

3. Структура взаимосвязей характеристик военной идентичности с ценностями курсантов в процессе социализации в военном вузе зависит от особенностей освоения роли военного на каждом из этапов социализации в военном вузе. В процессе социализации курсантов в военном вузе более выраженными предикторами характеристик военной идентичности являются ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценности сохранения и самопреодоления), из которых наиболее значимой является нацеленность на обеспечение безопасности других (ценность «безопасность-общественная»). Военная идентичность курсантов положительно обусловлена ценностями социального фокуса (ценностями сохранения и самопреодоления) и отрицательно обусловлена ценностями личностного фокуса (ценностями самоутверждения и открытости изменениям).

Выраженность ценностей отличается в зависимости от выявленной типологии идентичности курсантов. У курсантов с военным типом идентичности сильнее выражены ценности сохранения, самопреодоления и открытости изменениям, и слабее выражены ценности самоутверждения, чем у курсантов с гражданским типом идентичности.

Приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве в имитационных и неимитационных формах (чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов и телепередач, исполнение роли руководителя в играх, мечта о военной службе) опосредует связь ценностей самоутверждения и сохранения с военной идентичностью.

4. Эффекты военной идентичности на удовлетворенность базовых потребностей курсантов доказывают их весомую значимость для психологического благополучия. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности и связанности с другими объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением, потребности в автономии – большей выраженностью военно-ролевой идентичности, потребности в безопасности – большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

Заключение

Проведенный анализ представленных теоретических материалов и результатов данного исследования позволяют сделать обоснованные выводы, объясняющие роль отдельных социально-психологических факторов в становлении характеристик военной идентичности в процессе военной социализации курсантов военного вуза. Данные, полученные в результате эмпирического исследования, свидетельствуют о решении поставленных задач и завершенности данного исследования, что дает основание для формулировки следующих выводов:

1. Военная идентичность – это один из видов социальной идентичности личности, характеризующийся осознанием и переживанием своей принадлежности к военной среде, ее традициям и приверженностью ее идеям, установкам и ценностям. Характеристики военной идентичности включают военно-ролевую идентичность, отражающую включенность личности в военную сферу, и идентичность с военным подразделением, отражающую принадлежность к группе военнослужащих.

2. В результате путевого и медиационно-модерационого анализа доказано, что военно-ролевая идентичность и идентичность с военным подразделением являются результатом прямых и косвенных эффектов социальной, гражданской, религиозной и личностной идентичности курсантов. Наибольшим суммарным эффектом на характеристики военной идентичности обладает социальная и гражданская идентичность курсантов. Военно-ролевая идентичность вносит наибольший суммарный вклад в идентичность курсантов с военным подразделением.

3. В результате кластерного анализа установлена типология идентичности курсантов, включающая *военный тип идентичности*, характеризующийся высокими показателями военной, гражданской, социальной, личностной идентичности, умеренными показателями религиозной идентичности, и *гражданский тип идентичности курсантов,*

характеризующийся высокими показателями гражданской идентичности, умеренными показателями военной, социальной, личностной идентичности, низкими показателями религиозной идентичности. Динамика соотношения курсантов с разной типологией идентичности в процессе социализации в военном вузе отличается. Для курсантов с военным типом идентичности динамика отрицательна, для курсантов с гражданским типом идентичности динамика положительна.

4. Структура идентичности курсантов характеризуется гетерохронностью личностных и социальных компонентов. В процессе социализации курсантов в военном вузе их военно-ролевая идентичность снижается, идентичность с военным подразделением сначала возрастает, затем снижается. На кризисном этапе социализации курсантов разнонаправленная динамика военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением образует кризис (противофазу показателей), после чего показатели стабилизируются. Кризис идентичности сопровождается переживанием ценностного кризиса и снижением субъективного психологического благополучия курсантов.

5. Провоенная активность в процессе первичной социализации выступает весомым фактором становления военной идентичности курсантов. В результате регрессионного анализа установлено, что приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве, в имитационных (подражание роли военного в играх, участие в патриотических акциях) и неимитационных формах (просмотр военных телепередач, просмотр и обсуждение военных фильмов с одноклассниками, чтение военных книг, мечта о военной карьере), определяет вариации социальной, военной, гражданской, личностной и религиозной идентичности. Наиболее выраженными предикторами военно-ролевой идентичности и идентичности с военным подразделением является приверженность курсантов к участию в патриотических акциях, просмотру и обсуждению военных фильмов с одноклассниками, чтению книг с военным сюжетом. Наименее выраженными

предикторами являются имитационные формы цифровой игровой активности курсантов, представленные их участием в играх с военным сюжетом на смартфоне, в РПГ-играх на компьютере, в командных военно-ролевых играх.

6. В результате путевого и медиационно-модерационого анализа доказано, что приверженность курсантов к провоенной активности в детстве и отрочестве в имитационных и неимитационных формах (чтение книг с военным сюжетом, просмотр военных фильмов и телепередач, исполнение роли руководителя в играх, мечта о военной службе) опосредует связь ценностей самоутверждения и сохранения с военной идентичностью.

7. Ценностные ориентации объясняют более трети вариаций военной идентичности. Более выраженными предикторами военной идентичности являются ценности социального фокуса (по Ш. Шварцу [196], ценности сохранения и самопреодоления), из которых наиболее значимой является нацеленность на обеспечение безопасности других. В процессе социализации в военном вузе военная идентичность курсантов и положительно обусловлена ценностями социального фокуса (ценностями сохранения и самопреодоления) и отрицательно обусловлена ценностями личностного фокуса (ценностями самоутверждения и открытости изменениям). У курсантов с военным типом идентичности сильнее выражены ценности сохранения, самопреодоления и открытости изменениям, и слабее выражены ценности самоутверждения, чем у курсантов с гражданским типом идентичности.

8. Эффекты военной идентичности на удовлетворенность базовых потребностей курсантов доказывают их весомую значимость для психологического благополучия. Удовлетворенность базовых психологических потребностей курсантов в компетентности и связанности с другими объясняется большей выраженностью военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением, потребности в автономии – большей выраженностью военно-ролевой идентичности, потребности в безопасности – большей выраженностью

военно-ролевой идентичности и меньшей выраженностью идентичности с военным подразделением.

Естественными **ограничениями исследования** являются его опросный дизайн, в связи с этим не исключаются социально-желательные ответы на вопросы анкеты, и несбалансированность выборки по полу, поскольку среди военнослужащих Росгвардии представлены преимущественно лица мужского пола (в силу преобладания лиц мужского пола в силовых структурах Российской Федерации). В соответствии с показателями из Сборника статистических данных о социально-экономическом положении Российской Федерации за 2025 год [162], соотношение лиц мужского пола, деятельность которых связана с обеспечением военной безопасности страны, составило более 2/3 от общей численности военнослужащих и сотрудников, чем объясняется направленность военных вузов Росгвардии на подготовку офицерских кадров преимущественно мужского пола.

.

Список литературы

1 Абульханова, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 3–21.

2 Абульханова-Славская, К. А. Психология и сознание личности : (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды / К. А. Абульханова-Славская ; К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.

3 Аверина, Е. Н. Факторы, оказывающие влияние на формирование личностной идентичности субъектов в семье с детьми и без / Е. Н. Аверина // Научное мнение. – 2023. – № 11. – С. 127–138. – DOI 10.25807/22224378_2023_11_127.

4 Аддиктивная идентичность: структурно-критериальный аспект / Н. Л. Иванова, В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, И. Верес // Курский научно-практический вестник Человек и его здоровье. – 2017. – № 1. – С. 130–135. – DOI 10.21626/vestnik/2017-1/23.

5 Адлер, А. Наука жить / А. Адлер. – Москва : АСТ, 2023. – 256 с.

6 Акбутаев, В. О. Измерение удовлетворенности базовой потребности личности в безопасности: разработка методики / В. О. Акбутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2025. – Т. 14, № 1 (53). – С. 27–37. – DOI 10.18500/2304-9790-2025-14-1-27-37.

7 Акбутаев, В. О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов / В. О. Акбутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 67–72. – DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72.

8 Акбутаев, В. О. Соотношение ценностных ориентаций и военной идентичности в процессе социализации курсантов военных вузов / В. О.

Акбутаев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2025. – № 1 (30). – С. 170–179.

9 Акжигитов, Р. Б. Выявление ценностных ориентаций молодежи: на примере Республики Татарстан / Р. Б. Акжигитов, В. В. Константинов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 3–1. – С. 278–287.

10 Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев ; Б. Г. Ананьев. – Москва [и др.] : Питер, 2010. – 282 с.

11 Андреева, Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия / Г. М. Андреева // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 26. – С. 1–14. – DOI 10.54359/ps.v5i26.731.

12 Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – Москва : Издательство Московского университета, 1980. – 416 с.

13 Анохина, Д. Л. Структура эмоционального интеллекта в зависимости от социальных ценностей военнослужащего / Д. Л. Анохина, Т. Н. Соболева // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2023. – Т. 2. – С. 115–120.

14 Асмолов, А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. – Москва : Смысл : Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.

15 Атлас психологических профессий будущего. Горизонты психологии в условиях цифровых вызовов / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина [и др.]. – Москва : Московский институт психоанализа, 2026. – 158 с.

16 Баландина, Т. М. Военнослужащий как субъект военно-профессиональной деятельности / Т. М. Баландина, Ю. Г. Быченко // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2025. – № S2 (113). – С. 38–41.

17 Бандура, А. Теория социального научения. / А. Бандура. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с.

18 Баяртсайхан, А. Исследование развития ценностно-смысловой сферы личности сотрудников полиции Монгольской Народной Республики / А. Баяртсайхан, Т. В. Мальцева, О. А. Милькевич // Прикладная психология и педагогика. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 74–86. – DOI 10.12737/2500-0543-2025-10-2-74-86.

19 Берберян, А. С. Взаимосвязь исторического опыта, компонентов этнической идентичности и экзистенциальной исполненности личности / А. С. Берберян, О. А. Корнилова // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 1 (44). – С. 105–114. – DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_1_105.

20 Белинская, Е. П. Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы / Е. П. Белинская // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 5–11. – DOI 10.17759/sps.2024150401.

21 Белинская, Е. П. Социальная психология личности : для студентов учреждений высшего профессионального образования / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – Москва : Академия, 2009. – 304 с.

22 Белюшина, И. В. Особенности социализации курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации / И. В. Белюшина // Научное мнение. – 2023. – № 6. – С. 65–69. – DOI 10.25807/22224378_2023_6_65.

23 Белякова, С. В. Традиционная семья в контексте общественных ценностей: правовое регулирование и социально-психологические проблемы / С. В. Белякова, О. И. Петрунина // Наука и Образование. – 2024. – Т. 7, № 4.

24 Бетербиева, А. И. Формирование профессиональной идентичности у студентов: Влияние учебной среды и социальных факторов на формирование профессионального самоопределения / А. И. Бетербиева, М. В. Индербиев // Национальное здоровье. – 2025. – № 2. – С. 56–59. – DOI 10.34853/NZ.2025.58.62.001.

25 Беспалов, А. М. Особенности этнической и гражданской идентичности кумандинских подростков / А. М. Беспалов, М. С. Власов, О. Н. Макарова // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 90. – С. 140–159. – DOI 10.17223/17267080/90/8.

26 Биденко, Р. А. К вопросу изучения факторов совладающего поведения курсантов военных вузов / Р. А. Биденко // Научный взгляд. – 2025. – № 2 (2). – С. 49–54.

27 Бобаров, С. В. Процесс возрастного изменения психики курсантов высших военных учебных заведений и его влияние на способность к самообразованию / С. В. Бобаров // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29, № 3 (98). – С. 261–265. – DOI 10.24412/1999-6241-2024-398-261-265.

28 Богданов, А. А. Эмпириомонизм / А. А. Богданов. – Москва : Республика, 2003. – 400 с.

29 Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 400 с.

30 Большой психологический словарь / Под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : [б. и.], 2002. – 632 с.

31 Большой толковый словарь русского языка : БТС : А-Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.

32 Большунова, Н. Я. Особенности ценностно-мотивационной сферы как компонента психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач у военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях / Н. Я. Большунова, А. Г. Чапоргин // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – № 4 (22). – С. 307–323.

33 Борковая, И. В. Концептуальное исследование вопросов личной и социальной идентичности и процессов идентификации / И. В. Борковая // Студенческий. – 2024. – № 20–5 (274). – С. 59–61.

34 Браун, О. А. Взаимосвязь характеристик системы идентичности и уровня инфантилизма в юношеском возрасте / О. А. Браун, М. Г. Аркузин // СибСкрипт. – 2025. – Т. 27, № 5 (111). – С. 865–876. – DOI 10.21603/sibscript-2025-27-5-865-876.

35 Брушлинский, А. В. Деятельность субъекта как единство теории и практики / А. В. Брушлинский // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21, № 6. – С. 5–11.

36 Бурко, В. А. Личностный социально-психологический капитал как основа формирования социального капитала социума (опыт операционализации показателя) / В. А. Бурко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2023. – № 2. – С. 78–91. – DOI 10.15593/2224-9354/2023.2.6.

37 Быченко, Ю. Г. Специфика формирования организационной культуры современного воинского коллектива в образовательном процессе военного вуза / Ю. Г. Быченко, А. Н. Болдырев // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2023. – № 2. – С. 9–13.

38 Бычков, П. И. Вопросы изучения проблем социализации военнослужащих в армиях зарубежных стран / П. И. Бычков, Т. А. Терешонок, А. С. Смирнова // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 2. – С. 239–247. – DOI 10.34823/SGZ.2022.2.51789.

39 Васильев, Ф. В. Факторы формирования и роль совместной идентичности в работе проектных команд / Ф. В. Васильев, Е. Д. Васильева // Психологические исследования. – 2025. – Т. 18, № 99. – DOI 10.54359/47c6ff30.

40 Влияние социально значимых ценностей на формирование патриотизма у курсантов силовых ведомств / В. А. Еганов, М. В. Холин, С. Г. Чикишев, С. Н. Сарапулов // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 351–353.

41 Войскунский, А. Е. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование / А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 98–121.

42 Волкова, Е. Н. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации / Е. Н. Волкова, Г. В. Сорокоумова // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 12–27. – DOI 10.17759/sps.2024150202.

43 Ворожейкин, С. А. Роль военной идентичности в переживании субъективного благополучия курсантами военного института / С. А. Ворожейкин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 2 (66). – С. 335–344.

44 Ворожейкин, С. А. Социально-психологические аспекты милитаризации общественного сознания / С. А. Ворожейкин // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – № 18 (2). – С. 89–102. – DOI 10.11621/TEP-25-13.

45 Ворожейкин, С. А. Теоретическая модель субъективного благополучия курсантов в контексте военно-профессиональной социализации / С. А. Ворожейкин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2023. – № 3 (24). – С. 65–71.

46 Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1982. – 488 с.

47 Гагарина, М. А. Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета / М. А. Гагарина, Е. Н. Викентьева, А. С. Горшкова // Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 45–62. – DOI 10.17759/sps.2025160303.

48 Галиев, Р. Р. Динамика жизнестойкости курсантов военного института / Р. Р. Галиев // Проблемы современного образования. – 2023. – № 1. – С. 75–86. – DOI 10.31862/2218-8711-2023-1-75-86.

49 Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 176 с.

50 Ганиева, Ю. И. Формирование социальных ролей подростка в условиях семейного и школьного взаимодействия / Ю. И. Ганиева // Актуальные исследования. – 2025. – № 17–2 (252). – С. 68–70.

51 Гидденс, Э. Устроение общества. Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – Москва : Академический Проект, 2005. – 528 с.

52 Гизатулин, Р. Ф. Проблема профессиональной идентичности военнослужащих в отечественной военной психологии / Р. Ф. Гизатулин // Военный академический журнал. – 2025. – № 2 (46). – С. 130–138.

53 Гожиков, В. Я. Психологическая готовность военнослужащих Росгвардии к выполнению служебно-боевых задач: ценностно-смысловые аспекты / В. Я. Гожиков, П. В. Поветьев, С. А. Шконда // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12, № 7–1. – С. 75–85. – DOI 10.34670/AR.2023.89.89.009.

54 Гунзунова, Б. А. Особенности соотношения профессиональной идентичности и самооценки в юношеском возрасте / Б. А. Гунзунова, Д. Р. Галсанова, А. В. Белоусов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 6–1. – С. 204–212.

55 Григорьева, М. В. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи / М. В. Григорьева, А. А. Шаров, А. И. Заграничный // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 142–158. – DOI 10.17759/sps.2022130109.

56 Гриценко, В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России / В. В. Гриценко ; Институт психологии РАН. – Москва : Институт психологии РАН, 2002. – 252 с.

57 Дашевский, А. Р. Жизнестойкость в психологической безопасности курсантов противопожарной службы в образовательной среде вуза / А. Р. Дашевский, Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков // Человек:

преступление и наказание. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 255–265. – DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).2.255-265.

58 Джеймс, У. Принципы психологии. Глава X. Сознание Я / У. Джеймс // Личность. Культура. Общество. – 2018. – Т. 20, № 1–2 (97–98). – С. 24–48. – DOI 10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-24-48.

59 Дроздова, Е. В. Актуализация символики «военной мощи» и её роль в процессе формировании идентичности / Е. В. Дроздова // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2025. – № 22. – С. 163–166. – DOI 10.36683/FP-22/163-166.

60 Дьяков, С. И. Структура военно-профессиональной идентичности выпускника военного вуза и подходы к ее изучению в Вооруженных силах Российской Федерации / С. И. Дьяков, С. Ю. Добряк // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 49–55. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.13.

61 Евгеньева, Т. В. Символическое пространство как фактор формирования российской идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя / Т. В. Евгеньева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 109–114. – DOI 10.26794/2226-7867-2024-14-2-109-114.

62 Егоренко, Т. А. Особенности профессиональной идентичности современных старшеклассников / Т. А. Егоренко, Е. С. Зорина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (43). – С. 182–195. – DOI 10.24151/2409-1073-2024-3-182-195.

63 Ерохин, В. С. К вопросу о понятии национальной идентичности / В. С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 274–278. – DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-3-274-278.

64 Ефимкина, А. О. Взаимосвязь личностной идентичности и одежды / А. О. Ефимкина // Вопросы психологии. – 2023. – Т. 69, № 3. – С. 107–115.

65 Заварин, А. Н. Взаимосвязь гражданской и межличностной видов идентичности молодых людей юношеского возраста, проживающих в северном регионе России / А. Н. Заварин // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2024. – Т. 1, № 13. – С. 135–142.

66 Заграничный, А. И. Развитие корпоративной культуры образовательной организации как фактор социальной идентичности обучающихся / А. И. Заграничный // Страховские Чтения. – 2023. – № 31. – С. 93–97.

67 Занина, К. Д. Перспективы формирования культурной идентичности российской молодежи в пространстве молодежной моды / К. Д. Занина // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 10–1. – С. 30–39. – DOI 10.34670/AR.2023.55.79.004.

68 Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного профессионально-педагогического университета, 2000. – 397 с.

69 Зименко, О. С. Влияние семейного окружения на формирование психологической готовности к профессиональному самоопределению у воспитанников кадетских корпусов / О. С. Зименко, Ю. С. Пономарева // Герценовские чтения : психологические исследования в образовании. – 2024. – № 7. – С. 656–661. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-89.

70 Иванова, Н. Л. Гражданская идентичность и государственная политика / Н. Л. Иванова, Г. Б. Мазилова // Психология обучения. – 2010. – № 6. – С. 54–69.

71 Иванова, Н. Л. Проблема концепции «лица» как структурного компонента профессиональной идентичности личности / Н. Л. Иванова, И. А. Булгаков // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8, № 4 (32). – С. 149–168. – DOI 10.38098/ipran.sep_2023_32_4_07.

72 Иванова, Н. Л. Трансформация идентичности в меняющихся общественных условиях / Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева // Психология обучения. – 2009. – № 4. – С. 15–27.

73 Ивлев, В. Ю. Формирование понятия этнической идентичности и актуализация этнической идентичности в современном мире / В. Ю. Ивлев, В. А. Иноземцев, М. Л. Ивлева // Гуманитарный вестник. – 2023. – № 5 (103). – DOI 10.18698/2306-8477-2023-5-867.

74 Камбалина, П. А. Теоретические аспекты патриотического воспитания курсантов в образовательных организациях ФСИН России / П. А. Камбалина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 3 (31). – С. 346–354. – DOI 10.21603/2542-1840-2024-8-3-346-354.

75 Каримов, А. Г. Патриотизм в системе ценностных ориентаций молодежи / А. Г. Каримов, Г. Р. Фаткуллина // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 4 (20). – С. 358–372. – DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-358-372.

76 Карпов, А. В. Социальная идентичность: метасистемный подход / А. В. Карпов, В. Б. Никишина, Е. А. Петраш // Курский научно-практический вестник Человек и его здоровье. – 2017. – № 2. – С. 124–134. – DOI 10.21626/vestnik/2017-2/21.

77 Кипреев, С. Н. О роли православия в формировании патриотизма у курсантов силовых структур / С. Н. Кипреев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2023. – № 68. – С. 63–75. – DOI 10.15382/sturIV202368.63-75.

78 Киселев, В. В. К вопросу о сущности понятий «влияние» и «взаимосвязь» в психологической науке / В. В. Киселев // Человеческий капитал. – 2019. – № 6–2 (126). – С. 191–194.

79 Кисляков, П. А. Методики социальной и психологической реабилитации ветеранов боевых действий, применяемые в международной

практике / П. А. Кисляков, Я. В. Шимановская, Н. П. Константинова // Методология современной психологии. – 2026. – № 31. – С. 222–228.

80 Кисляков, П. А. Первичная русскоязычная адаптация опросника диспозиционной устойчивости на выборке сотрудников уголовно-исполнительной системы / П. А. Кисляков, Н. А. Цветкова, Ю. Е. Суслов // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 158–180. – DOI 10.17759/psylaw.2025150111.

81 Кисляков, П. А. Социальная психология безопасности / П. А. Кисляков. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2025. – 234 с. – DOI 10.12731/978-5-907608-54-2.

82 Клейнер, Г. Б. Размышление о системном мышлении: между А. Богдановым и Л. фон Берталанфи / Г. Б. Клейнер // AlterEconomics. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 20–28. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.3.

83 Кон, И. С. Категория «Я» в психологии / И. С. Кон // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2, № 3. – С. 25–38.

84 Кон, И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений / И. С. Кон // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся». Том Выпуск 2014. – Москва : Институт социологии РАН, 2014. – С. 16–42.

85 Кон, И. С. Социологическая психология. Избранные психологические труды/ И. С. Кон. – Москва : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.

86 Конаш, О. В. Содержание понятия «профессиональная идентичность», ее компоненты и факторы формирования / О. В. Конаш // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2023. – № 3. – С. 93–97. – DOI 10.37882/2500-3682.2023.03.13.

87 Кондрашов, А. А. Подходы к изучению феномена идентичности в трудах зарубежных и отечественных исследователей / А. А. Кондрашов,

Р. Б. Акжигитов // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 2 (21). – С. 27–39.

88 Константинов, В. В. Трансформация характеристик личностной и социальной идентичности иностранных студентов вуза в условиях адаптации / В. В. Константинов, Н. В. Путилова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2024. – Т. 13, № 2 (50). – С. 151–159. – DOI 10.18500/2304-9790-2024-13-2-151-159.

89 Корниенко, А. А. Об этапах формирования профессиональной идентичности будущих военных летчиков / А. А. Корниенко // Личность курсанта: психологические особенности бытия. – Краснодар : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А. К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации, 2022. – С. 5–13.

90 Коробкин, В. П. Формирование основы позитивной идентичности: взаимосвязь социальной и этнической идентичностей как основа идентичности / В. П. Коробкин, С. Д. Гуриева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 1–8.

91 Коротин, И. А. Соотношение статусов к компонентам виртуальной идентичности у юношей и девушек старших классов / И. А. Коротин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2025. – Т. 35, № 3. – С. 275–283. – DOI 10.35634/2412-9550-2025-35-3-275-283.

92 Котляревич, А. Н. Психолого-педагогический анализ концепций способностей / А. Н. Котляревич // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2022. – № 2 (18). – С. 5–12. – DOI 10.47475/2409-4102-2022-10201.

93 Крук, В. М. Военно-профессиональная направленность личности: от истоков к надежностному подходу / В. М. Крук, А. Ю. Федотов, М. С. Васильева // Военный академический журнал. – 2024. – № 1 (41). – С. 19–30.

94 Кузнецова, Л. А. Военно-педагогическая идентичность курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации как условие их успешной медиации / Л. А. Кузнецова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 1 (139). – С. 1–14. – DOI 10.23670/IRJ.2024.139.58.

95 Кузнецова, Л. А. Формирование военной идентичности кадет через программу внеурочной деятельности / Л. А. Кузнецова // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. – 2020. – № 4. – С. 68–71.

96 Кули, Ч. Х. Избранное: Сборник переводов / Составитель и переводчик В. Г. Николаев; ответственный редактор Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – 234 с.

97 Кушнирук, А. В. Гражданская идентичность и профессиональная эффективность спортсменов / А. В. Кушнирук // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 1 (22). – С. 142–153. – DOI 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_142_153.

98 Кэттелл, Р. Б. Психология индивидуальности. Факторные теории личности / Р. Б. Кэттелл, Г. Ю. Айзенк, Г. В. Оллпорт. – Санкт-Петербург : Прайм–ЕВРОЗНАК, 2007. – 128 с.

99 Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология» / А. Н. Леонтьев ; под радекцией Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – Москва : Смысл, 2010. – 511 с.

100 Леонтьев, Д. А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Вопросы образования. – 2024. – № 1. – С. 142–161. – DOI 10.17323/vo-2024-17626.

101 Личность и воинский коллектив в междисциплинарном поле / Е. И. Панасенко, В. Д. Бодур, Д. А. Чефранов, Е. С. Конченко // Страховские Чтения. – 2025. – № 33. – С. 270–274.

102 Ломов, Б. Ф. О путях построения теории инженерной психологии на основе системного подхода/ Б. Ф. Ломов // Институт психологии

Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2022. – Т. 7. № 1. – С. 279–319. – DOI 10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_013.

103 Ломов, Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды / Б. Ф. Ломов – Москва : Когито-Центр, 2006. – 829 с.

104 Луняка, А. Н. Социальное и профессиональное самоопределение на разных этапах социализации курсантов / А. Н. Луняка // Мир образования – образование в мире. – 2019. – № 3 (75). – С. 272–278.

105 Лурия, А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под редакцией Е. Д. Хомской. – Москва : Издательство Московского университета, 1982. – 184 с.

106 Лымарев, В. Н. Рефлексивно-ценностный компонент военно-профессиональной мотивации курсантов вузов Росгвардии / В. Н. Лымарев // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 3. – С. 139–144. – DOI 10.17513/snt.39960.

107 Лычагина, С. В. К вопросу о профессиональной идентичности курсантов / С. В. Лычагина // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2024. – № 4 (52). – С. 201–206.

108 Лясковская, С. А. Идентичность как важный аспект личности / С. А. Лясковская // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 25–31. – DOI 10.23947/2658-7165-2022-5-4-25-32.

109 Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 794 с.

110 Майоров, Д. А. Вклад Людвига фон Берталанфи в возникновении общей теории систем как самостоятельной науки / Д. А. Майоров, Р. В. Миронов // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях. / Под общей редакцией Н. В. Лазаревой. – Ставрополь : Издательство Ставролит, 2023. – С. 270–274.

111 Мальцева, Т. В. Лиминальность как условие изменения уровня субъективной витальности профессионала / Т. В. Мальцева // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 60–68. – DOI 10.12737/2500-0543-2022-7-1-60-68.

112 Мальцева, Т. В. Структура субъектности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации / Т. В. Мальцева // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 125–140. – DOI 10.17759/psylaw.2022120210.

113 Малышев, И. В. Представление об этнической идентичности и социальнопсихологической адаптированности личности народов Поволжья / И. В. Малышев // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 2 (21). – С. 40–47.

114 Мароян, А. К. Конструкт «идентичность личности» в зарубежной психологии / А. К. Мароян, М. Ю. Бурыкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 4. – С. 37–41. – DOI 10.37882/2500-3682.2024.04.08.

115 Марцинковская, Т. Д. Научная школа социальной психологии Г. М. Андреевой: Традиции и современность / Т. Д. Марцинковская, Д. А. Хорошилов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 3. – С. 8–21. – DOI 10.11621/vsp.2022.03.02.

116 Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Перевод с английского. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 400 с.

117 Медынцева, А. И. Ценности и их роль в социализации личности / А. И. Медынцева // Студенческий вестник. – 2023. – № 2–7 (241). – С. 13–15.

118 Медяникова, Л. М. Особенности профессиональной идентичности и самоактуализации курсантов летного училища / Л. М. Медяникова, Г. Б. Горская // Материалы ежегодной отчетной научной конференции аспирантов и соискателей Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. – 2023. – № 1. – С. 130–135.

119 Мекебаев, Н. С. Ролевая идентичность военнослужащего / Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина, Е. В. Ветерок // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 2. – С. 115–123. – DOI 10.15293/1813-4718.2102.12.

120 Мекебаев, Н. С. Специфика выраженности потребностей, в зависимости от ментальной модели военнослужащих / Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Человеческий капитал. – 2022. – № 1 (157). – С. 203–210. – DOI 10.25629/HC.2022.01.23.

121 Месарович, М., Мако, Д., Тахакара, Н. Теория иерархических многоуровневых систем ; [Перевод с английского под редакцией И. Ф. Шахнова]. – Москва : Издательство «Мир», 1973. – 344 с.

122 Место безопасности в жизни человека и общества и её вес в системе потребностей / В. Е. Скачок, И. Ю. Кожекина, Л. Ю. Петровская [и др.] // Молодой ученый. – 2018. – № 17 (203). – С. 266–268.

123 Мещеряков Д. А. Ценностные факторы склонности к риску у курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 414–421. – DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-4-414-421.

124 Мид, Д. Г. Философия настоящего [Текст] / под редакцией А. И. Мерфи. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

125 Михно, О. С. Особенности критического мышления как профессионально важного качества военнослужащих / О. С. Михно // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2024. – № 3 (68). – С. 62–69. – DOI 10.26456/vtpsyped/2024.3.062.

126 Михно, О. С. Особенности смысложизненных ориентаций и профессиональной идентичности курсантов военных вузов / О. С. Михно, В. С. Катрецкий // Актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований. – Москва :

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», 2023. – С. 174–180.

127 Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Перевод с французского Т. П. Емельяновой. – М. : Академический проект, 2020. – 396 с.

128 Музыкантов, А. Н. Гражданская идентичность студентов военного учебного центра: понятийный анализ / А. Н. Музыкантов, Ю. П. Прокудин // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 36–44. – DOI 10.20310/1810-231X-2023-22-2-36-44.

129 Мухина, В. С. Внутренняя позиция личности как основа развития гражданской идентичности / В. С. Мухина, С. В. Мелков // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 105–112. – DOI 10.17759/chp.2022180110.

130 Мухина, С. Е. Соотношение профессиональной идентичности и креативности студентов-психологов / С. Е. Мухина, В. В. Мухин // Научно-педагогическое обозрение. – 2024. – № 6 (58). – С. 114–124. – DOI 10.23951/2307-6127-2024-6-114-124.

131 Наследов, А. Д. IBM SP SS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 416 с.

132 Наумов, А. В. Военная организация как социальная среда развития личности военнослужащего в современной России / А. В. Наумов, К. Г. Борисов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 3 (39). – С. 175–184. – DOI 10.24151/2409-1073-2023-3-175-184.

133 Никитенко П. Д. Соотношение представлений о мире и самоактуализации личности в процессе профессиональной социализации курсантов военного вуза СВИ ВВ МВД России / П. Д. Никитенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 93–96.

134 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е издание, дополненное. – Москва : А ТЕМП, 2010. – 944 с.

135 Озерина, А. А. Социально-психологические факторы формирования социокультурной идентичности / А. А. Озерина // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2022. – № 5. – С. 304–309. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-39.

136 Островик, С. В. Психологические установки и отношение к владению огнестрельным и пневматическим оружием среди молодежи и его использованию / С. В. Островик // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 6 (63). – С. 1150–1158.

137 Павлов, И. П. Физиология. Избранные труды / И. П. Павлов. – Москва : «Издательство «Юрайт», 2020. – 402 с.

138 Парсонс, Т. Социальные системы / Т. Парсонс // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – С. 38–71.

139 Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. – Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. – 592 с.

140 Перевозкин, С. Б. Исследование особенностей взаимосвязи метакогнитивных способностей и ценностных ориентаций у курсантов НВИ / С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина // Теория и практика военного образования. – 2024. – № 2 (3). – С. 25–37.

141 Перевозкин, С. Б. Невротизация как предиктор неустойчивости к фрустрации у курсантов Росгвардии / С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина, В. И. Иванов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2024. – № 4. – С. 56–65. – DOI 10.24147/2410-6364.2024.4.56-65.

142 Перевозкин, С. Б. Теоретические аспекты коллективных ментальных моделей военнослужащих / С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Теория и практика военного образования. – 2024. – № 3 (4). – С. 42–49.

143 Перевозкина, Ю. М. Изучение сплоченности в воинском коллективе как структурообразующего компонента коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих / Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Вестник Мининского университета. – 2025. – Т. 13, № 4 (53). – DOI 10.26795/2307-1281-2025-13-4-10.

144 Перевозкина, Ю. М. Ролевая идентичность в профессиональном определении подростков/ Ю. М. Перевозкина, С. Б. Нестерова // Психология. Историко-критические обзоры и исследования. – 2025. – Т. 14, № 6–1. – С. 60–73.

145 Передерий, В. А. Социокультурные модели времени как фактор социализации личности / В. А. Передерий, В. В. Плотников, И. К. Стригуненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 7. – С. 55–60. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-7-11.

146 Петровская, М. В. Ценностные ориентации курсантов военных вузов: аксиологический аспект военно-профессиональной идентичности / М. В. Петровская, Н. В. Купрейчук // Интеграция, эволюция, модернизация: пути развития науки и образования : Монография. – Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». – 2024. – С. 245–258.

147 Пиаже, Ж. Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже ; Жан Пиаже ; [Перевод с французского М. Малеева] ; Научный редактор. Е. Б. Одёрышева. – Москва [и др.] : Питер, 2004. – 159 с.

148 Письменюк, Е. С. Варианты интеграции психологических ресурсов в структуру социальной идентичности / Е. С. Письменюк // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 1. – DOI 10.15862/41PSMN124.

149 Платонов, К. К. Занимательная психология / К. К. Платонов. – Москва : Молодая гвардия, 1964. – 384 с.

150 Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – Москва : Академический научно-издательский, производственно-

полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1986. – 255 с.

151 Полушина, О. Б. Изучение самоотношения курсантов военного института / О. Б. Полушина, И. В. Жилясов // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2024. – № 1 (49). – С. 409–412.

152 Просветова, Т. С. Личностно-профессиональное развитие курсантов военного вуза как условие их социализации / Т. С. Просветова // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. – 2023. – № 4 (34). – С. 215–217.

153 Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 458 с.

154 Рагулина, А. М. Возможности применения классических теорий социализации в современных социологических исследованиях / А. М. Рагулина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 5 (97). – С. 78–84. – DOI 10.24158/spp.2022.5.11.

155 Ральникова, И. А. Статусы профессиональной идентичности юношей и девушек с разными условиями социализации в фокусе ценностных, регуляторных и временных детерминант / И. А. Ральникова // Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 63–78. – DOI 10.17759/sps.2025160304.

156 Ревякин, М. С. Социально-педагогические факторы формирования готовности курсантов к выполнению служебно-боевых задач / М. С. Ревякин, А. Я. Панасюк // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 2 (15). – С. 33–39.

157 Рогачева, А. В. Сравнительный анализ результатов зарубежных эмпирических исследований мотивации выбора профессии в ординатуре студентами-медиками / А. В. Рогачева, В. В. Киселев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия

Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 19, № 2 (72). – С. 342–351. – DOI 10.18255/1996-5648-2025-2-342-351.

158 Роджерс, К. Гуманистическая психология: теория и практика / К. Роджерс. – Москва : Московский психолого-социальный университет, 2013. – 456 с.

159 Ронгинская, Т. И. Системный подход к анализу психологических понятий: вклад В. А. Ганзена в развитие российской психологии / Т. И. Ронгинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 55–70.

160 Российская Федерация. Законы. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 25 мая 2026 года : [принят Государственной думой 22 июня 2016 года : одобрен Советом Федерации 29 июня 2016 года] // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.06.2026). – Текст : электронный.

161 Российская Федерация. Законы. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 26 июня 2026 года : [принят Государственной думой 24 апреля 1996 года : одобрен Советом Федерации 15 мая 1996 года] // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.06.2026). – Текст : электронный.

162 Российский статистический ежегодник. 2025: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2025. – 621 с.

163 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 713 с.

164 Рыкова, О. К. Взаимосвязь детско-родительских отношений и ценностных ориентаций подростка / О. К. Рыкова // Вестник науки. – 2024. – Т. 3, № 6 (75). – С. 1262–1266.

165 Рягузова, Е. В. Модель распределенного авторства: метаморфоза эстетической коммуникации в цифровую эпоху / Е. В. Рягузова // Человеческий капитал. – 2026. – № 5 (209). – С. 156–166. – DOI 10.25629/HC.2026.05.15.

166 Рягузова, Е. В. Социальное пространство войны в психологическом фокусе победы / Е. В. Рягузова, Т. И. Черняева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2025. – Т. 14, № 3 (55). – С. 239–249. – DOI 10.18500/2304-9790-2025-14-3-239-249.

167 Рягузова, Е. В. Трансформационная одаренность личности: роль профессиональной идентичности и субъектности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2025. – Т. 14, № 1 (53). – С. 16–26. – DOI 10.18500/2304-9790-2025-14-1-16-26.

168 Сабиров, Т. Социально-психологические аспекты социализации личности / Т. Сабиров // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2022. – № 1 (59). – С. 109–112. – DOI 10.35254/bhu/2022.59.109.

169 Сакевич, П. А. Понятие гражданской идентичности в современной науке / П. А. Сакевич // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2025. – № 3 (23). – С. 37–45.

170 Саукова-Сальникова, Е. К. Систематизация факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности / Е. К. Саукова-Сальникова // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 3. – С. 96–99. – DOI 10.24412/2658-638X-2025-3-96-99.

171 Семенищенков, Д. А. Военнослужащий по призыву как объект исследования психологии труда / Д. А. Семенищенков, Л. Д. Сыркин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и

психология. – 2025. – № 2 (71). – С. 80–90. – DOI 10.26456/vtpsyped/2025.2.080.

172 Слабкая, Д. Н. Динамика идентичности личности, на примере социализации подростков / Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13, № 9–1. – С. 202–207.

173 Словарь социолингвистических терминов / Под редакцией В. А. Кожемякина [и др.]. – Москва : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

174 Созонник, А. В. Социально-психологические характеристики личности и стратегии преодолевающего поведения в процессе военно-профессиональной социализации : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Созонник Алексей Владимирович ; Саратовский военный институт внутренних войск МВД России. – Саратов, 2012. – 26 с. Место защиты: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.

175 Соколова, Е. А. Профессиональная социализация курсантов военного вуза / Е. А. Соколова, Е. С. Григорян, Р. М. Ахмедов // Молодежь. Образование. Наука. – 2024. – № 1 (19). – С. 279–282.

176 Солдатова, Г. У. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 40–57. – DOI 10.17759/sps.2024150404.

177 Солдатова, Г. У. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 27–37. – DOI 10.17759/chp.2022180403.

178 Сорокин, А. И. Военная идентичность офицера опросник и его валидизация / А. И. Сорокин // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 256–261. – DOI 10.18500/2304-9790-2019-8-3-256-261.

179 Спирин, А. В. Критериально-уровневая дифференциация коллективной ментальной модели взаимодействия военнослужащих как фактор эффективности служебно-боевой деятельности / А. В. Спирин, М. И. Федоришин, Ю. М. Перевозкина // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2026. – № 1 (57). – С. 233–241.

180 Стефаненко, Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2009. – № 2. – С. 3–17.

181 Суворова, О. В. Актуальное состояние нравственного выбора современной российской молодежи в сфере семьи и семейных ценностей / О. В. Суворова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 26–32. – DOI 10.24412/2308-7196-2024-1-26-32.

182 Сысолятин, М. В. Динамика представлений курсантов о военной карьере в процессе военно-профессиональной социализации / М. В. Сысолятин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 377–385. – DOI 10.18500/2304-9790-2018-7-4-377-385.

183 Тарабаева, Н. Д. Социально-психологические аспекты самосознания личности молодого специалиста / Н. Д. Тарабаева, Е. А. Тукова // Научные открытия 2024. – Москва : Научно-издательский центр «Империя», 2024. – С. 129–131.

184 Татарко, А. Н. Взаимосвязь множественных идентичностей, воспринимаемой угрозы и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ / А. Н. Татарко, Г. Я. Родионов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. – Казань : Институт истории

им. Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2022. – С. 220–223.

185 Татарко, А. Н. Социальный капитал как объект психологического исследования : монография / А. Н. Татарко ; А. Н. Татарко ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 176 с.

186 Терехин, Р. А. Выраженность лидерских качеств военнослужащих в процессе военно-профессиональной социализации / Р. А. Терехин, О. Б. Полушина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 3 (94). – С. 246–251. – DOI 10.24412/1999-6241-2023-394-246-251.

187 Тернер, Джон. Социальное влияние [Текст] / Джон Тернер ; [перевод с английского З. Замчук]. – Москва [и др.] : Питер, 2003. – 256 с.

188 Тип привязанности к родителям как фактор формирования профессиональной идентичности у подростков / Н. А. Алексеева, С. В. Богданова, О. А. Прянишникова [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 5 (207). – С. 534–538. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.5.p534-538.

189 Туртаев, А. К. Особенности формирования и развития личности курсантов в условиях воинской службы и учебы / А. К. Туртаев // Психологические и педагогические аспекты формирования личности. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. – С. 155–161.

190 Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников / Е. Н. Осин, Д. Д. Сучков, Т. О. Гордеева, Т. Ю. Иванова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. № 4. – С. 103–121.

191 Удальцова, М. О. Мотивы выбора профессии служебно-оперативной и военной направленности у выпускников школ / М. О. Удальцова, В. А. Добрякова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2024. – Т. 47. – С. 3–20. – DOI 10.26516/2304-1226.2024.47.3.

192 Урбанович, А. А Теория и практика управленческой деятельности / А. А. Урбанович. – Минск : Современная школа, 2008. – 608 с.

193 Усачева, И. В. Исследование психологических особенностей профессиональной идентичности курсантов-психологов / И. В. Усачева, И. А. Паршутин // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2023. – № 3. – С. 71–75. – DOI 10.24412/2658-638X-2023-3-71-75.

194 Успенская, О. А. Типология организационно-индивидуальной идентичности сотрудника / О. А. Успенская // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (19). – С. 111–117. – DOI 10.52170/2618-7949_2023_19_111.

195 Утлик, Э. П. Военно-профессиональная идентичность курсантов / Э. П. Утлик // Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Школа современных психотехнологий», 2018. – С. 69–80.

196 Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 2. – С. 43–70.

197 Утюганов, А. А. Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии / А. А. Утюганов, Л. В. Фролова // Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4, № 1. – С. 104–116. – DOI 10.35750/2713-0622-2024-1-104-116.

198 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

199 Федосеева, И. А. Ролевая структура курсантов с разным уровнем социальной адаптации / И. А. Федосеева, Ю. М. Перевозкина, М. М. Гупалов // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 3 (39). – С. 356–372. – DOI 10.32744/pse.2019.3.27.

200 Федотова, В. А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании / В. А. Федотова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2024. – Т. 47, № 1. – С. 131–149. – DOI 10.11621/LPJ-24-06.

201 Федотова, В. А. Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: к постановке проблемы / В. А. Федотова, Е. В. Черкасова // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 138–143.

202 Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд ; [перевод с немецкого Г. В. Барышниковой]. – Москва : АСТ, 2021. – 544 с.

203 Хотинец, В. Ю. К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога) / В. Ю. Хотинец // Мир психологии. – 2001. – № 4 (28). – С. 135–146.

204 Хотинец, В. Ю. От редактора / В. Ю. Хотинец // Психолого-педагогическая фасилитация в условиях цифровой трансформации образования : Коллективная монография / Под редакцией В.Ю. Хотинец. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2023. – С. 4–5.

205 Хотинец, В. Ю. Со-бытийность культур в культурном многообразии / В. Ю. Хотинец. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2023. – 127 с.

206 Хотинец, В. Ю. Четыре метода анализа документов в социально-психологических исследованиях / В. Ю. Хотинец ; Удмуртский государственный университет, Удмуртское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2001. – 62 с.

207 Хотинец, В. Ю. Этническая идентичность и толерантность / В. Ю. Хотинец ; УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО, УРАЛЬСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК, ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ УрГУ. 1. – Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2002. – 124 с.

208 Хотинец, В. Ю. Этнокультурные особенности профессиональной рефлексии / В. Ю. Хотинец, А. И. Троянская // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 3. – С. 57–73.

209 Хьелл, Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 607 с.

210 Черлюнчакевич, А. И. Психологические условия становления военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в военном вузе / А. И. Черлюнчакевич // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченковские чтения – 2022). – Москва : Военный университет, 2022. – С. 536–542.

211 Чернов, А. Ю. Типология идентичности мигрантов: опыт качественного исследования / А. Ю. Чернов, А. Л. Кузеванова // Обзор педагогических исследований. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 61–70.

212 Шамионов, Р. М., Ценностные факторы готовности к изменению служебной ситуации военнослужащих на разных этапах военной социализации / Р. М. Шамионов, Р. А. Терехин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 324–333. – DOI 10.18500/1819-7671-2017-17-3-324-333.

213 Шамионов, Р. М. Личностное и профессиональное самоопределение как эффекты социализации / Р. М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – Т. 8, № 1. – С. 90–95.

214 Шамионов, Р. М. Личность и ее становление в процессе социализации / Р. М. Шамионов ; Министерство образования Российской Федерации. Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Международная академия психологических наук. – Саратов : Российская государственная библиотека, 2000. – 240 с.

215 Шамионов, Р. М. О некоторых эффектах социализации личности в контексте системно-диахронического подхода / Р. М. Шамионов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 585.

216 Шамионов, Р. М. Роль военной идентичности, ценностей и удовлетворенности службой в формировании ответственности курсантов / Р. М. Шамионов, А. И. Сорокин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9, № 1 (33). – С. 25–32. – DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-1-25-32.

217 Шамионов, Р. М. Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности / Р. М. Шамионов, Е. Е. Бочарова // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 94–108. – DOI 10.17759/sps.2024150407.

218 Шамионов, Р. М. Системно-диахронический подход в социальной психологии личности / Р. М. Шамионов // После постпозитивизма. – Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 201–203.

219 Шамионов, Р. М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи / Р. М. Шамионов // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 77. – С. 176–195. – DOI 10.17223/17267080/77/9.

220 Шнейдер, Л. Б. К соотношению понятий: профессиональная идентичность, харизма, карьера и слава / Л. Б. Шнейдер // Помогающее поведение: ценности, смыслы, модели : Коллективная монография /

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского ; Ответственный редактор М. Р. Арпентьева. – Калуга : Эйдос. – 2016. – С. 72–85.

221 Шорохова, В. А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ / В. А. Шорохова // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 585–589. –DOI 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598.

222 Эриксон, Э. Идентичность : юность и кризис : перевод санглийского / Э. Эриксон ; общая редакция и предисловие А. В. Толстых. – 2-е издание – Москва : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

223 Юмкина, Е. А. Процесс идентификации курсантов с военной службой: проблемы и перспективы / Е. А. Юмкина, В. В. Волков, Л. О. Борисенко // Личность курсанта как поле смыслового контента в сфере воинской деятельности. – Петергоф : Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. – С. 17–27.

224 Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов [перевод А. А. Спектор] / К. Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2004. – 399 с.

225 Юрченко, М. А. Ценностное ядро формирования национальной идентичности и гражданственности в России / М. А. Юрченко // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – Т. 15, № 6–1. – С. 422–443. – DOI 10.12731/2658-4034-2024-15-6-711.

226 Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3/4. – С. 158–181.

227 Ясперс, К. Смысл и назначение истории: перевод с немецкого / К. Ясперс. – Москва : Политиздат. – 1991. – 527 с.

228 Allport, G. W, Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice / G. W. Allport, J. M. Ross // Journal of Personality and Social Psychology. – 1967. – Vol. 5. – P. 432–443. – DOI 10.1037/h0021212.

229 Bertalanffy, L. V. General System Theory: Foundations, Development, Applications / L. V. Bertalanffy – New York : George braziller, 1969. – 289 p.

230 Berzonsky, M. D. Identity Style. Conceptualization and Measurement / M. D. Berzonsky // Journal of Adolescent Research. – 1989. – Vol. 4, No. 3. – P. 268–282. – DOI 10.1177/074355488943002.

231 Breakwell, G. M., Fino, E., Jaspal, R. The Identity Resilience Index: Development and Validation in Two UK Samples / G. M. Breakwell, E. Fino, R. Jaspal // Identity. – 2022. – Vol. 22 (2). – P. 166–182. – DOI 10.1080/15283488.2021.1957895.

232 Frazier, M. L., Fainshmidt, S., Klinger, R. L., Pezeshkan, A., Vracheva, V. Psychological safety: a meta-analytic review and extension // Personnel Psychology. – 2017. – Vol. 70, No. 1. – P. 113–165. – DOI 10.1111/peps.12183.

233 Giddings, F. H. The theory of socialization. A syllabus of sociological principles – New York : The Macmillan company ; London : Macmillan and Co, 1897. – 72 p.

234 Heward, C. Scoping Review of Military Culture, Military Identity, and Mental Health Outcomes in Military Personnel / C. Heward, T. Y. Chun, P. A. Waterworth // Military medicine. – 2024 – Vol. 189 (11–12). – P. e2382–e2393. – DOI 10.1093/milmed/usae276.

235 Hull, C. L. Principles of Behavior / C. L. Hull. – New York : Appleton-Century-Crofts, 1943. – 422 pp.

236 Kleykamp M. Military Identity and Planning for the Transition out of the Military / M. Kleykamp, S. Montgomery, A. Pang, K. Schrader // Military Psychology. – 2021. – Vol. 33 (6). – P. 372–391. – DOI 10.1080/08995605.2021.1962176.

237 Marcia, J. E. The Ego Identity Status Approach to Ego Identity / J. E. Marcia // Ego Identity. – 1993. –P. 3–21. – DOI 10.1007/978-1-4613-8330-7_1.

238 Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory. In: Maggino, F. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. – Switzerland : Springer, Cham, 2022. – P. 1–7. DOI 10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2.

239 Sachdev, S. Military to civilian cultural transition experiences of retired military personnel: A systematic meta-synthesis / S. Sachdev, S. Dixit // Military Psychol. – 2024. – Vol. 36 (6). – P. 579–592. DOI 10.1080/08995605.2023.2237835.

240 Sherif, M., Sherif C. W. Groups in Harmony and Tension: An Integration of Studies of Intergroup Relations / M. Sherif, C. W. Sherif. – New York : Harper and Brothers, 1953. – 316 p. – DOI 10.2307/2573559.

241 Skinner B. F. Verbal behavior. – Cambridge : B. F. Skinner Foundation Reprint Series, 2014. – 533 p.

242 Tajfel, H. Experiment in intergroup discrimination / H. Tajfel // – Scientific American – 1970. – Vol. 223. – P. 96–103.

243 Waterman, A. S. Identity Development from Adolescence to Adulthood: An Extension of Theory and a Review of Research / A. S. Waterman // Developmental Psychology – 1982. – Vol. 18. – P. 341–358. – DOI 10.1037/0012-1649.18.3.341.

Приложение 1

Ценностные предикторы
характеристик военной идентичности курсантов

Ценности	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	p	ΔR^2
	B	Стд. ошибка	Бета			
Военно-ролевая идентичность						
(Константа)	0,22	0,31		0,719	0,472	
Безопасность – Общественная	0,07	0,03	0,13	2,88	0,004	20
Конформизм – Правила	0,13	0,04	0,15	3,23	0,001	8
Традиция	0,15	0,04	0,15	3,42	0,001	3
Власть – Ресурсы	-0,11	0,02	-0,19	-4,64	0,000	1
Конформизм – Межличностный	0,12	0,03	0,15	3,56	0,000	1
Власть – Доминирование	0,10	0,03	0,14	3,24	0,001	1
R^2=0,35, F=43,95, p<0,001						
Идентичность с военным подразделением						
(Константа)	0,60	0,29		2,06	0,040	
Безопасность – Общественная	0,35	0,05	0,27	6,44	0,000	15
Конформизм – Правила	0,14	0,04	0,18	3,78	0,000	6
Конформизм – Межличностный	0,13	0,03	0,18	3,98	0,000	2
Власть – Доминирование	0,06	0,03	0,09	2,46	0,014	1
R^2=0,25, F=40,27, p<0,001						

Приложение 2

Динамика показателей ценностных ориентаций курсантов в процессе социализации в военном вузе

Ценностные ориентации	Этапы социализации									
	Начальный		Докризисный		Кризисный		Посткризисный		Предпрофессиональный	
	M	Sd	M	Sd	M	Sd	M	Sd	M	Sd
Самостоятельность-Мысли	4,49	0,64	4,74 (+5,57%)	0,61	4,64 (-1,97%)	0,67	4,78 (+2,94%)	0,69	4,55 (-4,81%)	0,55
Самостоятельность-Поступки	5,43	0,64	5,46 (+0,55%)	0,57	5,33 (-2,44%)	0,57	5,38 (+0,94%)	0,59	5,26 (-2,23%)	0,57
Стимуляция	4,46	0,66	4,54 (+1,79%)	0,67	4,41 (-2,79%)	0,70	4,54 (+2,87%)	0,72	4,33 (-4,70%)	0,67
Гедонизм	4,73	0,88	4,76 (+0,71%)	0,84	4,75 (-0,28%)	0,88	4,92 (+3,65%)	0,73	4,54 (-7,79%)	0,77
Достижение	5,10	0,75	5,15 (+0,91%)	0,75	5,04 (-2,14%)	0,72	5,13 (+1,85%)	0,71	4,90 (-4,55%)	0,68
Власть-Доминирование	3,60	1,21	3,90 (+8,43%)	1,06	3,92 (+0,43%)	1,01	3,96 (+1,11%)	1,11	3,70 (-6,57%)	0,96
Власть-Ресурсы	3,03	1,18	3,40 (+12,22%)	1,36	3,72 (+9,62%)	1,67	3,58 (-3,94%)	1,26	3,44 (-3,82%)	1,01
Репутация	5,13	0,90	5,31 (+3,51%)	0,71	5,04 (-5,21%)	0,80	4,84 (-3,97%)	0,92	4,86 (+0,41%)	0,67
Безопасность-Личная	4,71	0,94	4,89 (+3,82%)	0,78	4,73 (-3,21%)	0,72	4,55 (-3,81%)	0,86	4,67 (+2,64%)	0,76
Безопасность-Общественная	5,73	0,42	5,62 (-1,98%)	0,55	5,43 (-3,38%)	0,58	5,45 (+0,43%)	0,62	5,43 (-0,43%)	0,58
Традиция	5,35	0,67	5,24 (-2,06%)	0,76	5,09 (-2,80%)	0,69	4,84 (-4,97%)	1,07	4,96 (+2,48%)	0,79
Конформизм-Правила	5,22	0,80	4,97 (-4,79%)	0,86	4,74 (-4,62%)	0,91	4,72 (-0,56%)	1,00	4,72 (+0,07%)	0,81
Конформизм-Межличностный	4,75	0,92	4,76 (+0,35%)	0,98	4,23 (-11,2%)	1,00	4,30 (+1,73%)	0,97	4,22 (-2,01%)	1
Скромность	4,89	0,86	4,82 (-1,43%)	0,88	4,49 (-6,71%)	0,89	4,53 (+0,74%)	0,88	4,54 (+0,29%)	0,8
Универсализм-Забота о природе	5,05	0,79	5,08 (+0,46%)	0,94	4,84 (-4,66%)	0,83	4,71 (-2,62%)	1,06	4,59 (-2,62%)	0,87
Универсализм-Забота о других	5,45	0,67	5,38 (-1,35%)	0,64	5,08 (-5,52%)	0,64	5,14 (+1,18%)	0,78	5,06 (-1,62%)	0,63
Универсализм-Толерантность	5,15	0,75	4,99 (-2,98%)	0,82	4,70 (-5,87%)	0,86	4,72 (+0,35%)	0,83	4,66 (-1,13%)	0,72
Благожелательность-забота	5,75	0,43	5,52 (-4,06%)	0,57	5,47 (-0,91%)	0,55	5,53 (+1,04%)	0,60	5,48 (-0,84%)	0,53
Благожелательность-чувство долга	5,64	0,50	5,49 (-2,72%)	0,58	5,39 (-1,88%)	0,60	5,41 (+0,37%)	0,60	5,35 (-1,05%)	0,63

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd).

Приложение 3

Динамика показателей удовлетворенности базовых психологических потребностей курсантов в процессе социализации в военном вузе

Удовлетворенность базовых психологических потребностей	Этапы социализации									
	Начальный		Докризисный		Кризисный		Посткризисный		Предпрофессиональный	
	M	Sd	M	Sd	M	Sd	M	Sd	M	Sd
в автономии	5,98	0,69	5,67 (-5,18%)	0,75	5,64 (-0,53%)	0,72	5,63 (-0,18%)	0,76	5,67 (+0,71%)	0,55
в компетентности	5,87	0,73	5,58 (-4,94%)	0,82	5,50 (-1,43%)	0,86	5,53 (+0,55%)	0,89	5,41 (-2,17%)	0,78
в связанности	5,93	0,66	5,80 (-2,19%)	0,75	5,75 (-0,86%)	0,69	5,66 (-1,57%)	0,82	5,54 (-2,12%)	0,67
в безопасности	6,60	0,60	6,40 (-3,03%)	0,75	6,36 (-0,63%)	0,63	6,40 (+0,63%)	0,69	6,24 (-2,50%)	0,62

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd).

Приложение 4

Опросник «Оценка характеристик военной идентичности»

Инструкция:

Данный блок утверждений отражает вашу приверженность к военной сфере и военному сообществу. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое из следующих утверждений, соотнеся его со своей жизнью, а затем укажите, насколько это верно для Вас, отмечая цифру выбранного ответа.

Используйте следующую шкалу для ответа:

1	2	3	4	5
Абсолютно не согласен	Не согласен	Согласен отчасти	Согласен	Абсолютно согласен

№ п/п	Утверждение	Варианты ответа				
1.	Военная служба – это почетный долг каждого мужчины	1	2	3	4	5
2.	Сегодня быть военным – это престижно	1	2	3	4	5
3.	Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии	1	2	3	4	5
4.	Я считаю, что вооруженная защита страны и ее граждан – это достойная мужская работа	1	2	3	4	5
5.	Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный	1	2	3	4	5
6.	Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России	1	2	3	4	5
7.	Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента	1	2	3	4	5
8.	Я считаю красивой военную форму как неотъемлемую часть образа военного	1	2	3	4	5
9.	Я убежден, что дисциплины и порядка в армии больше, чем в гражданской организации	1	2	3	4	5
10.	Военная служба – это мое призвание	1	2	3	4	5
11.	Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере	1	2	3	4	5
12.	Я хотел стать военным с малых лет	1	2	3	4	5
13.	Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным	1	2	3	4	5
14.	Я горжусь тем, что я курсант военного ВУЗа	1	2	3	4	5
15.	Я считаю, что офицерский состав – это элита армии	1	2	3	4	5
16.	Мне нравится военная дисциплина и порядок	1	2	3	4	5
17.	Я убежден, что мое физическое развитие стало лучше после поступления в военный институт	1	2	3	4	5

№ п/п	Утверждение	Варианты ответа				
18.	Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе	1	2	3	4	5
19.	У меня больше друзей среди моих сослуживцев, чем на гражданке	1	2	3	4	5
20.	Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами	1	2	3	4	5
21.	Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения	1	2	3	4	5
22.	Мне проще выполнять задачу в составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него	1	2	3	4	5
23.	Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением	1	2	3	4	5
24.	Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения	1	2	3	4	5
25.	Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы	1	2	3	4	5

Показатели характеристик военной идентичности рассчитываются как средние значения ответов респондентов на следующие утверждения:

Шкала «Военно-ролевая идентичность»: 3, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 18, 25 (R);

Шкала «Идентичность с военным подразделением»: 20, 21, 22, 23, 24.

Ограничением опросника является специфика условий военной социализации респондентов.

Приложение 5

Описательные статистики показателей военной идентичности курсантов

№ п/п	Утверждение	M	Sd	α	As	Ex
1.	Военная служба – это почетный долг каждого мужчины	4,438	0,805	0,922	-1,535	2,407
2.	Сегодня быть военным – это престижно	4,114	0,931	0,921	-0,917	0,472
3.	Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии	4,144	0,991	0,920	-1,074	0,685
4.	Я считаю, что вооруженная защита страны и ее граждан – это достойная мужская работа	4,676	0,544	0,923	-1,598	2,464
5.	Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный	4,038	0,989	0,919	-0,837	0,045
6.	Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России	4,268	0,823	0,920	-1,181	1,439
7.	Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента	3,538	1,162	0,919	-0,488	-0,492
8.	Я считаю красивой военную форму как неотъемлемую часть образа военного	4,394	0,777	0,921	-1,199	1,181
9.	Я убежден, что дисциплины и порядка в армии больше, чем в гражданской организации	4,618	0,685	0,923	-2,161	5,690
10.	Военная служба - это мое призвание	4,104	0,873	0,918	-0,747	0,106
11.	Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере	4,144	0,851	0,919	-0,847	0,444
12.	Я хотел стать военным с малых лет	3,632	1,249	0,926	-0,461	-0,924
13.	Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным	3,446	1,245	0,919	-0,248	-1,067
14.	Я горжусь тем, что я курсант военного ВУЗа	4,370	0,794	0,920	-1,292	1,714
15.	Я считаю, что офицерский состав – это элита армии	4,358	0,846	0,921	-1,335	1,569
16.	Мне нравится военная дисциплина и порядок	4,068	0,932	0,920	-0,836	0,267
17.	Я убежден, что мое физическое развитие стало лучше после поступления в военный институт	4,350	0,941	0,924	-1,590	2,294
18.	Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе	4,152	0,809	0,919	-0,763	0,368
19.	У меня больше друзей среди моих сослуживцев, чем на гражданке	3,666	1,215	0,924	-0,495	-0,818

№ п/п	Утверждение	M	Sd	α	As	Ex
20.	Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами	4,026	0,855	0,920	-0,726	0,411
21.	Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения	4,214	0,749	0,920	-0,860	1,043
22.	Мне проще выполнять задачу в составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него	3,776	1,077	0,923	-0,627	-0,330
23.	Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением	4,010	0,984	0,922	-1,085	1,034
24.	Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения	4,058	0,919	0,922	-0,893	0,505
25.	Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы	1,886	1,056	0,941	1,244	1,051
Военно-ролевая идентичность		3,994	0,778	0,923	-0,691	0,053
Идентичность с военным подразделением		4,017	0,716	0,835	-0,388	-0,387

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd); коэффициент α-Кронбаха при исключении пункта (α); ассиметрия (As); эксцесс (Ex).

Приложение 6

Результаты проверки конвергентной валидности шкал характеристик военной идентичности

Показатели для проверки корреляции	**Военно-ролевая идентичность**	**Идентичность с военным подразделением**
Шкала гражданской идентичности	0,474**	0,446**
Ценности (по Ш. Шварцу)		
Утверждение «Для него важно, чтобы его страна была безопасной и стабильной»	0,426**	0,397**
Утверждение «Для него важно, чтобы государство было сильным и способным защитить своих граждан»	0,403**	0,349**
Утверждение «Для него важно, чтобы его страна могла защитить себя от любых угроз»	0,324**	0,243**
Ценность «Безопасность–общественная»	0,452**	0,386**

Примечание: приняты следующие обозначения: ** корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

Приложение 7

Опросник «Оценка приверженности личности к провоенным формам активности в детском и подростковом возрасте»

Инструкция:

Данный блок вопросов поможет Вам оценить, как часто, занимаясь какой-либо деятельностью, Вы уделяли внимание военной тематике, в сравнении со всеми остальными направлениями.

Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое из следующих утверждений, соотнеся его со своей жизнью, а затем укажите, насколько это верно для Вас, отмечая цифру выбранного ответа.

Используйте следующую шкалу для ответа:

1	2	3	4	5	6	7
Никогда не делал	Почти никогда не делал	Делал нечасто	Одинаково с остальными	Делал часто	Почти всегда делал	Всегда делал

№ п/п	Попробуйте оценить	Варианты ответа						
1.	Как часто Вы читали книги с военным сюжетом?	1	2	3	4	5	6	7
2.	Как часто Вы смотрели фильмы с военным сюжетом?	1	2	3	4	5	6	7
3.	Как часто Вы смотрели передачи с военной тематикой?	1	2	3	4	5	6	7
4.	Как часто в детстве Вы играли с военными игрушками?	1	2	3	4	5	6	7
5.	Как часто в детстве Вы мечтали о том, что станете военным, в сравнении с другими профессиями (пожарный, врач, полицейский, космонавт и т.п.)?	1	2	3	4	5	6	7
6.	Как часто Вы играли в игры военной направленности?	1	2	3	4	5	6	7
7.	Играя в игры военной направленности, какую роль вы принимали чаще остальных:							
	руководитель (командир)	1	2	3	4	5	6	7
	участник	1	2	3	4	5	6	7
	исполнитель	1	2	3	4	5	6	7
	сторонний наблюдатель	1	2	3	4	5	6	7
	другое _____ (укажите)	1	2	3	4	5	6	7
8.	В какой форме вы больше предпочитали военные игры:							
	как часто Вы играли в настольные военные игры?	1	2	3	4	5	6	7
	как часто Вы играли в сюжетно-ролевые, командно-тактические и военно-прикладные живые игры («казаки-разбойники», страйкбол, лазертаг и т.п.)?	1	2	3	4	5	6	7
	как часто Вы играли в командные онлайн-игры по интернету (или по сети), на ПК или приставке, с живыми людьми?	1	2	3	4	5	6	7

№ п/п	Попробуйте оценить	Варианты ответа						
	как часто Вы играли в офлайн-игры на ПК или приставке, связанные с сюжетным прохождением на военную тему?	1	2	3	4	5	6	7
	как часто Вы играли в игры с военным сюжетом на смартфоне или планшете?	1	2	3	4	5	6	7
9.	Как часто Вы играли в компьютерные игры, связанные с Российским или Советским временем, с историей Великой Отечественной войны, Мировых войн и т.п.?	1	2	3	4	5	6	7
10.	Какой жанр в компьютерных играх на военную тему Вы предпочитаете:							
	как часто Вы играли в военные стратегии?	1	2	3	4	5	6	7
	как часто Вы играли в шутеры (стрелялки)?	1	2	3	4	5	6	7
	как часто Вы играли в RPG с военным сюжетом?	1	2	3	4	5	6	7
11.	Как часто Вы посещали спортивные секции военно-прикладной направленности?	1	2	3	4	5	6	7
12.	Как часто Вы принимали участие в школьных военно-патриотических мероприятиях и акциях?	1	2	3	4	5	6	7
13.	Как часто Вы принимали участие в спортивных соревнованиях и чемпионатах военно-прикладной направленности?	1	2	3	4	5	6	7
14.	Как часто Вы посещали музеи и комплексы военно-исторической направленности?	1	2	3	4	5	6	7
15.	Как часто в школе Вам приходилось смотреть военные фильмы вместе со своими одноклассниками?	1	2	3	4	5	6	7
16.	Как часто в школе Вам приходилось посещать кружки и факультативные занятия военной направленности?	1	2	3	4	5	6	7
17.	Как часто, изучая исторические науки, Вы уделяли внимание военной истории?	1	2	3	4	5	6	7

Ограничением использования данного инструментария является возможное влияние эффектов закономерного непроизвольного искажения памяти респондентов.

Приложение 8

Описательные статистики субъективной приверженности курсантов к провоенным формам активности в детском и подростковом возрасте

№ п/п	Попробуйте оценить	M	Sd	α	As	Ex
1.	Как часто Вы читали книги с военным сюжетом?	3,816	1,528	0,877	0,022	-0,442
2.	Как часто Вы смотрели фильмы с военным сюжетом?	5,266	1,252	0,875	-0,378	-0,331
3.	Как часто Вы смотрели передачи с военной тематикой?	4,730	1,422	0,875	-0,335	-0,325
4.	Как часто в детстве Вы играли с военными игрушками?	5,616	1,380	0,874	-0,969	0,488
5.	Как часто в детстве Вы мечтали о том, что станете военным, в сравнении с другими профессиями (пожарный, врач, полицейский, космонавт и т.п.)?	4,862	1,690	0,876	-0,562	-0,394
6.	Как часто Вы играли в игры военной направленности?	5,610	1,350	0,875	-1,195	1,568
7.	Играя в игры военной направленности, какую роль вы принимали чаще остальных:	-	-	-	-	-
	руководитель (командир)	5,340	1,608	0,880	-1,064	0,718
	участник	4,166	1,827	0,886	-0,261	-0,768
	исполнитель	3,716	1,876	0,884	-0,015	-0,986
	сторонний наблюдатель	1,914	1,426	0,886	1,695	2,369
8.	В какой форме вы больше предпочитали военные игры:	-	-	-	-	-
	как часто Вы играли в настольные военные игры?	3,378	1,738	0,878	0,255	-0,751
	как часто Вы играли в сюжетно-ролевые, командно-тактические и военно-прикладные живые игры («казаки-разбойники», страйкбол, лазертаг и т.п.)?	5,252	1,533	0,874	-0,875	0,402
	как часто Вы играли в командные онлайн-игры по интернету (или по сети), на ПК или приставке, с живыми людьми?	5,564	1,560	0,877	-1,133	0,740
	как часто Вы играли в офлайн-игры на ПК или приставке, связанные с сюжетным прохождением на военную тему?	5,410	1,547	0,875	-0,989	0,491
	как часто Вы играли в игры с военным сюжетом на смартфоне или планшете?	4,552	1,767	0,876	-0,363	-0,724
9.	Как часто Вы играли в компьютерные игры, связанные с Российским или Советским временем, с историей Великой Отечественной войны, Мировых войн и т.п.?	4,988	1,598	0,874	-0,569	-0,350
10.	Какой жанр в компьютерных играх на военную тему Вы предпочитаете:	-	-	-	-	-

	как часто Вы играли в военные стратегии?	4,802	1,780	0,877	-0,518	-0,616
	как часто Вы играли в шутеры (стрелялки)?	5,696	1,459	0,877	-1,270	1,397
	как часто Вы играли в RPG с военным сюжетом?	4,374	1,871	0,877	-0,239	-0,926
11.	Как часто Вы посещали спортивные секции военно-прикладной направленности?	3,846	1,973	0,874	0,028	-1,152
12.	Как часто Вы принимали участие в школьных военно-патриотических мероприятиях и акциях?	4,916	1,856	0,874	-0,564	-0,713
13.	Как часто Вы принимали участие в спортивных соревнованиях и чемпионатах военно-прикладной направленности?	4,370	1,933	0,876	-0,243	-1,036
14.	Как часто Вы посещали музеи и комплексы военно-исторической направленности?	4,552	1,534	0,874	-0,241	-0,311
15.	Как часто в школе Вам приходилось смотреть военные фильмы вместе со своими одноклассниками?	4,340	1,609	0,877	-0,236	-0,536
16.	Как часто в школе Вам приходилось посещать кружки и факультативные занятия военной направленности?	3,884	1,903	0,875	0,060	-1,018
17.	Как часто, изучая исторические науки, Вы уделяли внимание военной истории?	5,044	1,562	0,875	-0,523	-0,191

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd); коэффициент α-Кронбаха при исключении пункта (α); ассиметрия (As); эксцесс (Ex).

Приложение 9

Результаты проверки конвергентной валидности субъективной приверженности курсантов к провоенным формам активности в подростковом возрасте

№ п/п	Исследуемые показатели	Военно-ролевая идентичность	Идентичность с военным подразделением
1.	Чтение книг с военным сюжетом	0,358**	0,309**
2.	Просмотр фильмов с военным сюжетом	0,354**	0,283**
3.	Просмотр телепередач с военным сюжетом	0,379**	0,275**
4.	Игры с военными игрушками	0,238**	0,219**
5.	Мечты о военной карьере	0,357**	0,239**
6.	Игры с военной тематикой в целом	0,185**	0,181**
7.	Военные игры в роли командира	0,278**	0,162**
	Военные игры в роли участника	-0,052	0,063
	Военные игры в роли исполнителя	-0,010	0,033
	Военные игры в роли наблюдателя	-0,061	-0,001
8.	Настольные военные игры	0,205**	0,178**
	Живые военные игры	0,277**	0,260**
	Военные игры онлайн	0,035	0,077
	Военные игры офлайн	0,078	0,084
	Военные игры на смартфоне	0,200**	0,199**
9.	Военные исторические игры (реконстр)	0,174**	0,177**
10.	Компьютерные игры типа стратегии	0,093*	0,154**
	Компьютерные игры типа шутеры	0,063	0,082
	Компьютерные игры типа RPG	0,058	0,176**
11.	Спортивные секции	0,306**	0,237**
12.	Участие в патриотических акциях	0,374**	0,287**
13.	Спортивные соревнования	0,282**	0,194**
14.	Посещение военных музеев	0,317**	0,260**
15.	Просмотр фильмов о войне с одноклассниками (с обсуждением)	0,343**	0,278**
16.	Участие в военных кружках	0,316**	0,242**
17.	Увлечение военной историей	0,336**	0,305**

Примечание: приняты следующие обозначения: ** корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.); * корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

Приложение 10

Методика «Оценка удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности»

Инструкция:

Следующие утверждения описывают Вашу удовлетворенность состоянием психологической безопасности. Пожалуйста, оцените, насколько каждое из этих утверждений верно по отношению к Вашим ощущениям. Внимательно прочитайте каждое из утверждений, соотнеся его со своей жизнью, а затем укажите, насколько Вы согласны с ним.

Используйте следующую шкалу для ответа:

1	2	3	4	5	6	7
Полностью не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен

№ п/п	Утверждение	Варианты ответа						
1.	Я чувствую полную физическую безопасность	1	2	3	4	5	6	7
2.	Я постоянно нахожусь в опасности	1	2	3	4	5	6	7
3.	Я чувствую полную психологическую безопасность (условия безопасного и эффективного познания окружающего мира и реагирования на его изменения)	1	2	3	4	5	6	7
4.	Я постоянно испытываю психологическое давление со стороны окружающих меня людей	1	2	3	4	5	6	7
5.	Я чувствую полную личностную безопасность (самовыражение и саморазвитие в межличностных отношениях)	1	2	3	4	5	6	7
6.	Я не могу в полной мере самовыражаться в общении с другими людьми	1	2	3	4	5	6	7
7.	Я чувствую полную социальную безопасность и могу быть самим собой	1	2	3	4	5	6	7
8.	Я не могу в полной мере проявить свою индивидуальность в обществе	1	2	3	4	5	6	7
9.	Я ощущаю себя физически свободным человеком, мое передвижение ничто не ограничивает	1	2	3	4	5	6	7
10.	В нашем обществе я чувствую себя свободным и раскрепощенным человеком	1	2	3	4	5	6	7
11.	В своем поведении я ощущаю себя морально свободным	1	2	3	4	5	6	7
12.	Я свободен от каких-либо нравственных оков	1	2	3	4	5	6	7
13.	Я психологически независим и свободно изъявляю свою волю, мысли и чувства	1	2	3	4	5	6	7

Показатели удовлетворенности потребности в безопасности рассчитываются как средние значений ответов респондентов на следующие утверждения:

Шкала «Потребность в безопасности»: 1, 2(R), 3, 5, 7;

Шкала «Потребность в свободе безопасного выбора»: 9, 10, 11, 12, 13;

Шкала «Потребность в безопасном самовыражении»: 4(R), 6 (R), 8 (R).

Ограничением методики является возраст респондентов (не рекомендуется проводить опрос респондентов младше 15 лет).

Приложение 11

Описательные статистики удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности

№ п/п	Перечень утверждений	M	Sd	α	As	Ex
1.	Я чувствую полную психологическую безопасность (условия безопасного и эффективного познания окружающего мира и реагирования на его изменения)	6,330	0,823	0,826	-1,438	2,654
2.	Я чувствую полную физическую безопасность	1,400	0,831	0,828	3,565	15,162
3.	Я чувствую полную личностную безопасность (самовыражение и саморазвитие в межличностных отношениях)	6,368	0,838	0,825	-1,530	2,660
4.	Я чувствую полную социальную безопасность и могу быть самим собой	1,524	0,887	0,822	2,810	10,112
5.	Я постоянно нахожусь в опасности	6,368	0,913	0,837	-1,785	5,049
6.	В своем поведении я ощущаю себя морально свободным	1,892	1,096	0,823	1,920	3,304
7.	Я психологически независим и свободно изъявляю свою волю, мысли и чувства	6,328	1,058	0,828	-1,627	3,254
8.	Я свободен от каких-либо нравственных оков	1,956	1,790	0,863	1,885	3,036
9.	В нашем обществе я чувствую себя свободным и раскрепощенным человеком	5,826	1,201	0,823	-1,204	0,850
10.	Я ощущаю себя физически свободным человеком, мое передвижение ничто не ограничивает	5,860	1,323	0,827	-1,267	1,700
11.	Я не могу в полной мере проявить свою индивидуальность в обществе	6,090	1,439	0,833	-1,666	3,511
12.	Я не могу в полной мере самовыражаться в общении с другими людьми	5,234	1,370	0,832	-1,007	-0,035
13.	Я постоянно испытываю психологическое давление со стороны окружающих меня людей	6,114	0,969	0,832	-1,656	3,558
Шкала потребности в безопасности		6,399	0,669	0,837	-1,353	2,510
Шкала потребности в свободе безопасного выбора		5,825	0,934	0,750	-0,703	0,104
Потребность в безопасном самовыражении		6,209	1,030	0,737	-1,491	1,927

Примечание: приняты следующие обозначения: среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd); коэффициент α-Кронбаха при исключении пункта (α); ассиметрия (As); эксцесс (Ex).

Приложение 12

Результаты проверки валидности шкал удовлетворенности базовой психологической потребности личности в безопасности

Переменные для проверки	**Удовлетворенность базовой психологической потребности личности в безопасности**		
	Шкала «Потребность в безопасности»	**«Потребность в свободе безопасного выбора»**	**«Потребность в безопасном самовыражении»**
Методика удовлетворенности базовых психологических потребностей (Э. Л. Деси и Р. М. Райан)			
Шкала «Потребность в автономии»	0,537**	0,457**	0,368**
Шкала «Потребность в связанности с другими»	0,562**	0,408**	0,404**
Шкала «Потребность в компетентности»	0,536**	0,407**	0,426**
Методика диагностики ценностных ориентаций (Ш. Шварц)			
Ценность «безопасность-личная»	0,147**	0,251**	0,124**
Ценность «безопасность-общественная»	0,510**	0,297**	0,219**

Примечание: приняты следующие обозначения: ** корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

Приложение 13

Первичные данные по использованным в исследовании переменным

Исследуемые показатели	Min	Max	M	Sd	σ^2	As	Ex
Характеристики идентичности							
Военно-ролевая идентичность	1,444	5,000	3,994	0,778	0,605	-0,691	0,053
Идентичность с военным подразделением	1,800	5,000	4,017	0,716	0,513	-0,388	-0,387
Гражданская идентичность	1,000	5,000	4,575	0,641	0,411	-2,041	5,515
Социальная идентичность	1,889	5,000	4,096	0,541	0,293	-0,364	0,277
Религиозная идентичность	1,000	5,000	3,327	0,945	0,894	-0,184	-0,340
Личностная идентичность	2,300	5,000	4,091	0,578	0,334	-0,297	-0,231
Ценности							
Самостоятельность – Мысли	3,000	6,000	4,639	0,641	0,411	0,243	-0,192
Самостоятельность – Поступки	3,333	6,000	5,373	0,590	0,348	-0,613	-0,327
Стимуляция	2,000	6,000	4,456	0,687	0,472	-0,058	0,448
Гедонизм	2,000	6,000	4,738	0,827	0,684	-0,465	0,093
Достижение	2,333	6,000	5,065	0,724	0,524	-0,507	-0,069
Власть – Доминирование	1,000	6,000	3,815	1,078	1,163	-0,176	-0,221
Власть – Ресурсы	1,000	6,000	3,407	1,207	1,457	-0,079	-0,424
Репутация	1,000	6,000	5,035	0,826	0,682	-1,099	2,060
Безопасность – Личная	1,333	6,000	4,709	0,821	0,674	-0,767	1,237
Безопасность – Общественная	3,333	6,000	5,530	0,565	0,319	-1,158	0,849
Традиция	1,000	6,000	5,097	0,823	0,678	-1,134	2,313
Конформизм – Правила	1,333	6,000	4,875	0,898	0,806	-0,721	0,516
Конформизм – Межличностный	1,000	6,000	4,452	1,000	1,000	-0,708	0,459
Скромность	1,333	6,000	4,653	0,873	0,763	-0,643	0,626
Универсализм – Забота о природе	1,000	6,000	4,855	0,921	0,848	-0,852	1,064
Универсализм – Забота о других	1,667	6,000	5,221	0,692	0,478	-0,945	1,544
Универсализм – Толерантность	1,000	6,000	4,844	0,818	0,670	-0,756	1,564
Благожелательность – Забота	3,333	6,000	5,550	0,546	0,298	-1,147	0,940
Благожелательность – Чувство долга	2,000	6,000	5,455	0,590	0,348	-1,231	2,379
Субъективная приверженность курсантов в провоенным формам активности							
Чтение книг с военным сюжетом	1,000	7,000	3,816	1,528	2,335	0,022	-0,442
Просмотр фильмов с военным сюжетом	1,000	7,000	5,266	1,252	1,566	-0,378	-0,331
Просмотр телепередач с военным сюжетом	1,000	7,000	4,730	1,422	2,021	-0,335	-0,325
Игры с военными игрушками	1,000	7,000	5,616	1,380	1,904	-0,969	0,488
Мечты о военной карьере	1,000	7,000	4,862	1,690	2,857	-0,562	-0,394
Игры с военной тематикой в целом	1,000	7,000	5,610	1,350	1,822	-1,195	1,568
Военные игры в роли командира	1,000	7,000	5,340	1,608	2,586	-1,064	0,718
Военные игры в роли	1,000	7,000	4,166	1,827	3,337	-0,261	-0,768

участника							
Военные игры в роли исполнителя	1,000	7,000	3,716	1,876	3,518	-0,015	-0,986
Военные игры в роли наблюдателя	1,000	7,000	1,914	1,426	2,035	1,695	2,369
Настольные военные игры	1,000	7,000	3,378	1,738	3,021	0,255	-0,751
Живые военные игры	1,000	7,000	5,252	1,533	2,349	-0,875	0,402
Военные игры онлайн	1,000	7,000	5,564	1,560	2,435	-1,133	0,740
Военные игры офлайн	1,000	7,000	5,410	1,547	2,395	-0,989	0,491
Военные игры на смартфоне	1,000	7,000	4,552	1,767	3,122	-0,363	-0,724
Военные исторические игры (реконстр)	1,000	7,000	4,988	1,598	2,553	-0,569	-0,350
Компьютерные игры типа стратегии	1,000	7,000	4,802	1,780	3,169	-0,518	-0,616
Компьютерные игры типа шутеры	1,000	7,000	5,696	1,459	2,128	-1,270	1,397
Компьютерные игры типа RPG	1,000	7,000	4,374	1,871	3,501	-0,239	-0,926
Спортивные секции	1,000	7,000	3,846	1,973	3,894	0,028	-1,152
Участие в патриотических акциях	1,000	7,000	4,916	1,856	3,444	-0,564	-0,713
Спортивные соревнования	1,000	7,000	4,370	1,933	3,737	-0,243	-1,036
Посещение военных музеев	1,000	7,000	4,550	1,534	2,352	-0,245	-0,309
Просмотр фильмов о войне с одноклассниками (с обсуждением)	1,000	7,000	4,340	1,609	2,590	-0,236	-0,536
Участие в военных кружках	1,000	7,000	3,884	1,903	3,622	0,060	-1,018
Увлечение военной историей	1,000	7,000	5,044	1,562	2,439	-0,523	-0,191
Удовлетворенность базовых психологических потребностей							
Потребность в автономии	3,714	7,000	5,717	0,707	0,500	-0,298	-0,227
Потребность в компетентности	2,500	7,000	5,575	0,829	0,688	-0,419	-0,182
Потребность в связанности с другими	3,250	7,000	5,734	0,732	0,536	-0,327	-0,191
Потребность в безопасности	3,200	7,000	6,399	0,669	0,447	-1,353	2,510

Примечание: приняты следующие обозначения: минимальное значение (Min); максимальное значение (Max); среднее значение (M); стандартное отклонение (Sd); значение дисперсии (σ^2); ассиметрия (As); эксцесс (Ex).